Как будут без нас одиноки вершины

Владимир Дмитриевич Кавуненко

SHOUT
SHARE
IT

Владимир Дмитриевич Кавуненко

Как будут без нас одиноки вершины

Альпинизм

Вступление

Мы сидели с Володей перед стеклянным журнальным столиком и пили кофе. Выбирая свободные вечера, встречались так раз восемь или десять. Вспоминали жизнь, прожитую в горах. Собственно, речь шла о жизни Володи — Владимира Дмитриевича Кавуненко, большого альпиниста.

Я тоже мастер спорта по альпинизму, но, слушая Володю, ощущал себя его младшим братом, даром что старше на десять лет. Мастера спорта тоже разные бывают. У меня всего семь «пятёрок», а у него сорок восемь. Да еще восемнадцать «шестёрок».

Мы мало ходили вместе, были в разных спортивных обществах. Одна веревка связывала нас разве что при восхождении на высшую точку Альп вершину Монблан да на Маттерхорне. Но что значат эти маршруты по сравнению с его восхождениями на Кавказе или Памире?

Владимир Кавуненко, как и другие наши товарищи, с которыми мы ходили на вершины, — это эпоха в альпинизме. Вторая половина XX века. Она ушла, и вместе с ней исчез советский альпинизм. Явление уникальное и неповторимое. Тысячи и тысячи наших соотечественников ежегодно занимались этим видом спорта за счёт профсоюзов. Система наших альпинистских лагерей с обязательным начальным обучением технике альпинизма и профилактикой несчастных случаев, регламентацией постепенного спортивного роста, определяемого спортивными разрядами, делали наш альпинизм беспрецедентным. Нигде в мире такого не было и ничего подобного не будет. Наше поколение начинало в конце 40-х годов. А перестали мы ходить на вершины уже в 90-х годах. В последнее десятилетие не только сама организация альпинизма, но и вся техника его изменились. Мы смотрим теперь старые альпинистские фильмы «С добрым утром, горы снежные» или «Синие горы», с чувством сладкой ностальгии и грустной улыбкой, ибо техника альпинизма нынче уже иная, нет советской организации нашего вида спорта. За восхождения теперь надо платить большие деньги, они стали недоступны студентам и всем простым людям. Правда, наши ребята — люди с большим

напором. Они находят спонсоров и совершают восхождения на вершины Гималаев и Каракорума, такие восхождения, о которых мы и не помышляли. Но это единицы, а не тысячи.

Вроде бы альпинизм нашего времени — уже история. Но неизменно главное — дух. Стремление к вершине, освоение новой техники восхождения. Выработка тактики и стратегии в достижении цели. Самоутверждение. В этом весь альпинизм. Так было вчера, так оно сегодня и таким будет всегда. Этот дух самоиспытания звал Владимира Кавуненко то на вершину пика Коммунизма, то на стену зимней Ушбы, то на Северный полюс, то в Африку на Килиманджаро, то бросал его в разрушенную землетрясением Армению, то в Южную Америку, в Перу на спасение людей, то сводил его с белыми медведями, то с интереснейшими, самыми достойными людьми века. Его жизненных впечатлений хватило бы человек на двадцать, не меньше. При этом он всегда оставался верным другом и весёлым, остроумным человеком. Иногда излишне горячим, нетерпимым, но всегда стремящимся к правде и справедливости.

На Владимира Дмитриевича всегда можно положиться. Вот что пишет о нём его напарник по связке Владимир Николаевич Шатаев: «Кавуненко перекинул верёвку через ледоруб и несколькими сильными ударами вколотил его в фирн, я не оглядывался, не смотрел, как он это делает, только слышал звук ударов молотка. За надёжность страховки я был спокоен. Кавуненко из тех, для кого это дело никогда не становится надоевшей, монотонной, формальной обязанностью. Он вбивает страховочный крюк или вяжет узел, никогда не теряя свежести понимания, что это есть крюк или узел, на котором держится жизнь».

Почему люди читают книги и смотрят фильмы? Не потому ли, что им хочется узнать, как живут другие, как всё бывает у других людей? Сколько раз нам задавали вопросы: «Зачем надо подниматься на вершину горы? Да еще не по самому простому пути? Если это опасно, зачем, ради чего рисковать жизнью? Что вам даёт альпинизм?» Может быть, в данной книжке удастся в какой-то степени ответить на эти вопросы.

Мы приняли несколько необычный жанр. Можно было бы красиво и завлекательно описать жизнь и приключения Владимира Кавуненко. Но беллетристика не имеет ничего общего с жизнью, это, как теперь говорят, виртуальная действительность. Мы сознательно отказались от ремарок, пояснений, от описания жестов или интонаций говорящего, оставив лишь чистый диалог. Думается, он сможет дать истинный автопортрет, без приукрашиваний и преувеличений.

Не хочу утверждать, что никто лучше не расскажет о человеке, чем он сам. Но, во всяком случае, он расскажет о себе то, что хочет, как хочет и как может. Моя же роль в этом диалоге только помочь автору в качестве собеседника.

Александр КУЗНЕЦОВ

Начало

— Ну, Саш, с чего начнём?

— Начинать надо с начала

— Начало, начало... Началось всё с Карпат, с зимнего восхождения на Говерлу. С Александром Владимировичем Блещуновым. Знал его?

— А как же?! Работали вместе в альплагере «Варзоб» на Памире, да и так часто виделись. Сошлись близко, можно сказать, дружили. Удивительный человек!

— Не то слово, Саша. Он изменил и сделал не только мою судьбу, но и судьбу очень многих ребят. Надо было видеть банду одесситов, которые впервые встали на лыжи. Естественно, все рассыпались в лесу, растерялись. У нас был Каналов Витя, лицо его то ли медведь поцарапал, то ли ошпарено. И он решил зайти в посёлок узнать дорогу. Хозяин сторожки отвёл его под ружьём на заставу. Доложил, что задержал подозрительного человека, по-русски говорит с акцентом (одессит!). Там его стали допрашивать, сколько с вами ещё человек? Он говорит, что тридцать. Документы на всех у Блещунова. Долго разбирались.

Блещунов для нас был царь и бог. Свою послевоенную жизнь он посвятил воспитанию молодых альпинистов. Весь одесский альпинизм создан им. Блещунов находил ребят на вокзалах, в подворотнях, в ремеслухах. Вот есть такой Коля Кот. Привёл его Блещунов с вокзала, взял в секцию. Сейчас Коля Кот инструктор альпинизма, немного не дошёл до мастера,

— Музей Блещунова на Гарибальди, дом 1?

— Да. Его квартира и при жизни уже была музеем.

— Ты знаешь, Володя, в 80-х годах я привёз из Кампучии, Лаоса и Вьетнама коллекцию буддийской бронзы. А заразил меня этим Блещунов. Когда перед войной громили буддийские дацаны в Монголии и Бурятии, он собрал и сохранил бронзовые скульптурки, не дал им погибнуть. И так рассказывал мне о буддийской бронзе, что через двадцать лет я её стал собирать в Кампучии.

— Из Средней Азии после сезона мы в 58-м году возвращались в Одессу около двух месяцев. Поехали в Фергану, потом в Ташкент, прокрутили там все музеи. Мы тогда не понимали, зачем нам это нужно. Когда Блещунов увидел меня в

музее спящим, он чуть не убил меня. «Как ты можешь?! Смотри, какая красота!» Затем через Красноводск переехали в Баку, оттуда попали в Армению, Ереван, Гарни-Гегард, ну ты знаешь... Я столько узнал за эти поездки об истории, религии, природе и даже об электронных ускорителях, что по сей день всё помню. И подобным образом мы ездили каждый год.

Первая из женщин, поднявшаяся на пик Ленина, на семитысячник. Хрупкая такая девушка. С рюкзак ростом. Шли мы двумя группами, вторая группа Сергея Савона. Стартанули с Луковой поляны через Раздельную. В нашей группе ни одной пуховки, мешки ватные, тяжёлые, с продуктами напряженка. Очень трудно далось. Я потом ещё не раз был на пике Ленина, но так тяжко, как в тот раз, не было. А Савон не взошел, не получилось. В 1957-м была страшная непогода. Когда спускались вниз, наткнулись на лагерь Вадима Эльчибекова. Вадим спустился вниз, и на 6900 оставил всё хозяйство. Мы тут впервые увидели пуховые мешки и попользовались продуктами. Наелись так, что все страдали желудками. А когда спустились вниз и пришла машина с фруктами, то персики нас окончательно добили.

За это восхождение мы стали чемпионами Украины. Мой значок за пик Ленина имеет номер 59. Сколько теперь людей побывало на вершине, не знаю, но, думаю, несколько тысяч.

— Володя, про Катю Мамлееву я впервые слышу. Почему так?

— Потому, что тогда у Савона гора сорвалась, и Катю нигде не засветили. В прошлом году я в Питере подводил итоги года, и сказал, что у них живёт первая в мире женщина, покорившая семитысячник. А это достижение мирового класса. Ленинградцы ничего не знали о ней.

Кому напиться воды холодной?

— Давай начнём с самого начала. Расскажи о детстве.

— Подробности раннего детства я уже не помню, но зато хорошо помню конец 39-го и 40-е годы. Мне было около пяти лет. Мы жили в Одессе на Херсонской улице, на чердаке. Летом была невероятная жара, а зимой холод. Запомнилось, как мы выбросили с чердака книги моего дяди, и когда он пришёл, то чуть не умер, они ему были очень нужны. Помню городской сад, львов на Дерибасовской, дальше — провал. Затем помню Западную Украину, Дрогобычскую область. Уехали туда, чтобы прокормиться всей семьёй: отец, мать, сестра и я.

Начало войны помню поминутно. Четыре часа утра, бомбежка, невероятная паника. Ведь это граница. На следующий день начали бежать на Восток. Сначала были даже какие-то

машины. Остановились мы в хуторе Верхнедуванском и здесь нас догнали немцы. А мы, всем «колхозом», на арбах, на быках, с какими-то патефонами, узлами, чемоданами, с животными. Недоенные коровы мычат, вымя у них распухло, сплошной поток беженцев, и стар и млад, все бегут. Отсутствие воды, жара несусветная. Мы умывались молоком. Тут стрельба, пальба. Рядом со мной сидел под арбой мужчина и вдруг ему осколком, прямо на моих глазах, отрывает плечо и полголовы. Я заорал и бросился бежать с подушкой на голове. Мама нам с сестрой дала обычные подушки, чтобы мы ими накрывали головы от осколков. Всё это было намного страшнее, чем то, что описывал Фадеев в «Молодой гвардии». Добрались до Дона. Надо как-то переправляться.

— Лодки были?

— Ничего не было.

— А как же?

— А как хочешь. Пытались наводить мосты для техники. Оказались какие-то брёвна, сделали плоты. Стихийно, неуправляемо. Всё бросали, стада коров так и остались на правом берегу. Опять стрельба. Помню, попал я между нашими и немцами. Наши кричат: «Ложись, стрелять буду!», а немцы не кричат, просто стреляют. И я, как заяц, бегу, прикрываясь подушкой.

Потом оказались мы в городе Проскурове. Добирались туда в товарных вагонах, в ящиках для собак и угля, которые размещаются под вагонами. Голодные, холодные, грязные. Отец уже был на фронте. До Проскурова мы добрались втроём — мама, сестра и я. Нас приютила там сердобольная русская женщина. Мать устроилась работать на мясокомбинат, иногда ей удавалось вынести кусочек мяса оттуда. Она привязывала его вокруг живота. Тогда у нас был гигантский праздник. Потом она работала на сахарном заводе и приносила иногда, как мы его называли, «маляс» — полуфабрикат сахара. Это жидкость, которую мы выпаривали, и получали сахар.

Однажды вечером мы вдруг стали наспех собирать свои пожитки и ночью ушли в никуда. Потом я узнал, что к моей матери приставал староста, она ему отказала, и он заложил нас, как еврейских детей. А мы уже знали, чем это пахнет. И опять вагон для скота, станции, неразбериха. Мы пробирались в Одессу. Тогда по реке Буг проходила граница между Румынией и Германией. Там нас прихватили румыны. Цель у них одна — выжать деньги. Но какие у нас деньги? Подержали нас румынские мародёры и отпустили. Вернулись в Одессу. А там оставались еще родственники, дяди и тети.

— Расскажи про родителей.

— Считаю, что я очень счастливый человек и в первую очередь счастлив тем, что у меня были такие родители. Отец столяр и плотник, всю жизнь работал. Уже после войны, гуляя со мной по Одессе, он показывал здания, в которые был вложен его труд.

Мама родилась в глухой белорусской деревне. Родилась в поле. Моя бабушка жала рожь, когда начались роды. Она сама серпом перерезала пуповину и под проливным дождем в подоле юбки принесла мою мать домой. И через два дня уже вместе с ребёнком опять работала. Сейчас этому никто не поверит. Но вот так началась жизнь моей мамы. Семья была гигантская — 12 человек детей, выжило 5.

Мать приехала в Одессу в поисках работы и устроилась на стройку. Там они и познакомились с отцом. Он коренной одессит. Дед был кузнецом. Под Одессой есть село Московка, там половина жителей носит фамилию Кавуненко (это от слова кавун — арбуз). Там живут мои двоюродные братья и сестры. Но я о них узнал только в 50-х годах. Мой дед элементарно гнул подковы. Всю жизнь работал молотом и имел свою кузницу. В 17-м или 18-м году его раскулачили, он запил горькую и сгорел от белой горячки. Отец и его братья были очень сильными людьми, старший его брат, мой дядя Пётр, пошёл по стопам деда, тоже стал кузнецом.

Одесса во время войны была румынской территорией. Правили румыны. После чердака мы жили втроём в комнате метров десяти. Конечно, никаких удобств, вода, туалет на улице, топили углём, но чаще — чем придется. Такое считалось нормой. Мать продавала соль, это был большой дефицит. Где она её доставала, я не знаю. Крупная соль — тридцать рублей стаканчик. Я продавал на Дерибасовской газету «Буг» и кричал: «Есть газета Бух, кто не купит, тот лопух!» А сумка с газетами тяжелее меня. Потом перед кинотеатром продавали витамины поштучно, питьевую воду стаканами. Всё бывало в той жизни голодных пацанов. Стоишь у гастронома и смотришь: кто покупает и выносит. Затем мы выбирали жертву, вырывали что-нибудь съестное(особенно любили коврижку) и в бега.

Пошёл в школу при румынах. Заставляли учить Закон Божий. Что-то я натворил, и святой отец так влупил мне в лоб металлической линейкой, что пришлось сказать ему всё, что я о нем думаю. Я взрывной с пелёнок и наговорил ему такое, что чуть не остался без ушей. Естественно, в школу я больше не пошёл. Это было в 44-м году, перед самым освобождением Одессы. Перед этим распространился слух, что калмыки и другие каратели

вырезают население. В Одессе слухи распространяются быстро и, как правило, всегда преувеличенные. И вот мы стали прятаться в катакомбах, в подвалах и старались не выходить на улицу. Однажды ночью кто-то из ребят увидел солдат-патрульных. Никто не знал, кто они такие, а они оказались русскими солдатами. Наутро в Одессе этих солдат стало больше. Так в апреле 44-го года началось освобождение Одессы. Городских боев не было. Помню эту картину: солдаты шли усталые, грязные... Городские жители выносили им что у кого было: хлеб, воду, сигареты. Радость, объятия, море слёз. Потом возник самосуд, кого-то повесили, кого-то зарезали, кого-то застрелили.

Немцы успели взорвать Беляевский водопровод, и Одесса осталась без воды. Не дали им взорвать Оперный, хотя они успели его заминировать. Не дали уничтожить крупные заводы, порт. Румыны увозили из Одессы всё, что было под рукой, например рельсы и кресла из театра.

После войны удивительные отношения были между людьми, тёплые, дружелюбные. Если в нашем дворе на Короленко, 30 у кого-то был праздник, то весь двор пробовал пирог и выпивал хоть глоток вина с праздничного стола. Это наша, русская, советская, как хочешь, система отношений между людьми. Мы с сестрой уходили в порт за водой, там единственное место, где можно было набрать воды. Стояли в очереди четыре часа, чтобы набрать чайник.

— Володя, стой! Я тебя видел!

— Как это?

— Боже мой! Подумать только! Это 45-й год. Тебе было десять, а мне двадцать. Меня взяли на флот, и я попал в полуэкипаж. Ты знаешь, что это такое, не мёд. Но я тогда снялся уже в главных ролях в двух фильмах и должен был играть матроса Егорку в фильме «В дальнем плавании». Режиссер Браун был другом контр-адмирала Октябрьского, командующего Черноморским флотом. В 20-м году их, как гардемаринов, расстреляли вместе с морскими офицерами. Но оба оказались ранеными и ночью вылезли из-под трупов. Браун совершенно лысым, а будущий адмирал — седым. Во всяком случае, так рассказывал Браун. Вот что их связывало. Браун попросил адмирала отдать меня для съёмок. Мне дали лычки старшины 2-й статьи (нужно было для пайка) и после съёмок демобилизовали.

Так вот, я ходил в 45-м году по Привозу, слышал и видел мальчишек, которые звонкими голосами кричали: «Есть холодная вода со льдом! Кому напиться воды холодной?!» Эти ребячьи голоса запомнились мне на всю жизнь. Я где-то писал об этом. Как сейчас их слышу. Звонко и как-то напевно: «Есть холодная

вода со льдом!»

— Колоссально!

— А ты помнишь, из Румынии, из Констанцы, пришёл тогда в Одессу трёхмачтовый парусник «Принц Мирча»?

— Спрашиваешь... Бегали смотреть хоть в порт не пускали.

— Так вот, на этом судне, на яхте румынского короля Михая, и снимали мы наш фильм. Одновременно там же снимался фильм «Адмирал Нахимов».

— Ну, ты даёшь! Надо же!

— Да... Чего только не бывает в жизни. Ну ладно, давай дальше.

— Летом из Германии приехал друг отца дядя Саша, мы с ним пошли в парк имени Шевченко, и я умудрился съесть столько мороженого, что свалился с воспалением легких. Двухсторонняя пневмония, затем туберкулезный диспансер, из которого я вышел полным дистрофиком. Не то что бегать, ходить толком не мог. Пошёл в спортивный зал и записался в секцию гимнастики. Тренер внимательно на меня посмотрел и сказал, если я не буду пропускать тренировки, то из меня выйдет толк. Особого толка из меня не вышло, но через пару лет я уже работал по первому разряду. В каком месяце вы снимали в Одессе?

— Начали в конце мая, и всё лето.

— Ну да... А осенью 45-го я пошёл в школу. Как я перепрыгивал через класс, не помню. Я был переростком, но в принципе окончил семь классов в 50-м году и получил аттестат, позволяющий поступать в среднее специальное учебное заведение. Надо сказать, я не был прилежным учеником. Слишком много появилось соблазнов. В то время отец с матерью работали уже проводниками на железной дороге.

Чего мы только не вытворяли на уроках, и оружие приносили и патроны, и стреляли. Оставшееся от войны оружие прятали в катакомбах. Катакомбы — удивительно сложное по конструкции сооружение из известняка с множеством пещер, входов и выходов. Если не знаешь точного расположения этих лабиринтов, то можешь и навсегда остаться в катакомбах. И мы, пацаны, там играли, стреляли. Представляешь?

— Интересно, Володя, вот ты вырос у моря. Море — такая же стихия, как горы. Может быть, даже большая. Почему ты не связал себя с морем, почему стал не моряком, а альпинистом?

— Люди, выросшие в горах, не становятся альпинистами, исключение составляли у нас сваны — Миша Хергиани, Иосиф Кахитани, Шалико Маргиани, Джумбер Кахиани... Море я очень люблю, его нельзя не любить. Но после войны мы все мечтали стать лётчиками. И я поступал в одесскую спецшколу при

авиационном училище. Тогда после семи классов принимали в спецшколы при разных родах войск.

Вот я и сдал вступительные экзамены в авиационную спецшколу, у меня в аттестате за семь классов только одна четверка, причём по физкультуре, остальные тройки.

Пятерка только по поведению, иначе аттестата не давали. А в спецуху я сдал все экзамены на «пять», такое у меня было желание поступить. Кстати, мои тройки ничего не значили, в школе получил такую сильную закладку, что до сих пор помню, чему меня учили. Школа была украинская, а экзамены я сдал по-русски и считал себя королём. Осталась только мандатная комиссия. Сидят три человека: майор Калинин (я на всю жизнь запомнил этого козла) и еще два младших офицера. И вот они меня спрашивают: «Вы были на оккупированной территории?» — «Да, был». Майор Калинин говорит: «В таком случае мы не сможем доверить вам авиационную технику».

Со мной истерика. Я схватил гранитную чернильницу со стола и хотел влупить ему в лоб, но меня схватили. Вызвали отца и сказали ему, что колония мне обеспечена: хулиганское нападение на лиц, исполняющих служебные обязанности. Мне кажется, что их остановило только то, что стыдно стало отдавать под суд четырнадцатилетнего мальчишку за нападение на трёх здоровых офицеров. Короче, в спецуху меня бортанули, не приняли. Я неделю круто переживал, для меня было трагедией, то, что я неполноценный человек.

Поступил я в одесский железнодорожный техникум имени Ф. Э. Дзержинского. Все экзамены сдал на стипендию, у меня была только одна четвёрка по математике. Помню, сдавал Конституцию Циле Захаровне Лимбенбаум. Она говорит: «Товарищ Кавуненко, а вы не хотите получать повышенную стипендию?». Я обалдел: «А как это?» — «У вас только одна четверка по математике. Я напишу записку, вы отнесёте её учителю». Пришёл к математику. Он прочитал записку и спрашивает: «Вы считаете, что знаете на «пять»?» Я ответил, что ничего не считаю. «Ну ладно, идите». Вот так я поступил в техникум.

Весь первый курс я висел на Доске Почета, у меня не было четверок, потом погорел со своими выкидонами, в начале третьего курса выгнали, но потом восстановили и я окончил одесский техникум железнодорожного транспорта. Ездил на паровозе СОК (Серго Орджоникидзе). Сейчас уже таких нет. Представляешь, в один конец надо было отбросать в топку 14—15 тонн угля. Тут я здорово накачался. После техникума меня распределили на Амурскую железную дорогу, город Свободный.

Проработал там несколько месяцев, а потом меня забрали в армию, на флот, в Севастополь.

Служить надо было пять лет. но в 1955 году срок службы сократили. Никакой дедовщины, как сейчас, не было. Новобранцы уважали «дедов», а они, в свою очередь, не позволяли унижать салаг. Служа, я поступил в военно-морское ордена Ленина авиационное училище имени Сталина в городе Ейске. Но случился какой-то психологический перелом, не знаю почему. Мы с Витей Танчевым решили уходить из училища. Представили, что кем бы ты не стал, всегда найдётся человек, которому будешь подчиняться. Будешь лейтенантом, подчиняйся майору, майор — полковнику и т. д. Уйти просто так невозможно, я ведь на действительной службе, но всё-таки удалось, и я стал вольной птицей.

Домбай

Значок «Альпинист СССР» получил в Закарпатье. Третий разряд я поехал закрывать в Домбай вместе с Блещуновым в 53-м году. Ехали мы безовсяких путёвок, остановились в пихтовом лесу Аманауза, там, где было кладбище. Разбили палаточный городок. Сгущёнка в вёдрах, верёвка сизалевая (капроновой ещё не существовало), ботинки обычные, не окованные. Если удавалось найти трикони, то сами набивали. Старые точили, всё, что находили, шло в дело.

Когда нас выпускала спасательная служба, то проверяла состояние ботинок, набор необходимого снаряжения и питания. Но поскольку мы были нищими, из лагеря выходили при полном снаряжении, затем половину продуктов приходилось возвращать и мы уходили с минимальным грузом. Именно там я в первый и в последний раз дал зарок никогда больше не ходить в горы. Мы спускались с задней Белолакаи и попали в жуткую грозу. Темно, мокро, страшно, противно. А Блещунов бегал и говорил: «Вовка, посмотри какая красота, огни святого Эльма!». А я думал: «Какие огни?! На мне нет ни одной сухой нитки, волосы дыбом, ледоруб поёт, а он восхищается».

— Люблю грозу, когда внизу.

— Ну да. А он в восторге. Мы, слава Богу, вскоре попали в палатку к медикам, свою палатку не нашли. От холода сводит ноги и руки, все друг друга растирают. Я лежу, судороги сводят ноги, мокрый, как лист, и думаю: «В гробу я видел эти горы. Чтоб хоть раз в жизни кто-нибудь заманил бы меня сюда ещё. Да пропади они пропадом». А утром спустились вниз, нашли свои палатки, отогрелись и больше я таких заклинаний не делал. Закрыл третий разряд. На следующий год с третьим разрядом я

поехал в школу инструкторов в Джантугане. Алексей Малеинов — начальник школы. Это был 54-й год.

— Наверное, Володя, каждый из нас говорил себе: «Всё! Это в последний раз». Помню, сидел ночью на стене Талгара в верёвочной петле и смотрел, как вдали мерцают огни Алма-Аты. Талгар далеко от города, но виднелось, словно зарево от него, оно переливалось от колебания воздуха. Я вспоминал свой письменный стол и лампу с зелёным абажуром, говоря себе: «Если я останусь жив, то никогда больше не полезу на стену». Но в том же сезоне сделал еще «пятёрку». Такие моменты заставляют больше любить жизнь, Что такое стакан воды? Да ничего. А в безводной пустыне? После трудного восхождения жизнь всегда казалась такой прекрасной!

— Это верно. Ну ладно. Блещунов на майские и ноябрьские праздники всегда вывозил человек 100—150 на Буг, там прекрасные скалы. Новички получали первые навыки, и скалолазание развивалось, как спорт. У меня сохранилась ещё подготовка от гимнастики, где-то на уровне 1-го разряда. Руки, ноги были крепкими, хорошая растяжка, координация. Я, когда стартанул, то так завёлся, что проиграл по технике только одному уже бывалому скалолазу. После этого я уже не мог жить без скал.

После окончания школы инструкторов я попал на флот. Стал писать, куда только можно. Напоролся на золотого человека, Виктора Некрасова и в Ейск пришла из Министерства обороны разнарядка о командировании меня в Терскол. Там проводил армейские альпиниады известный тебе полковник Юхин. Идёт Иван Васильевич в сатиновых трусах ниже колен, животик свисает, ноги кривые. Я иду навстречу. Тоже в трусах, бескозырке и тельняшке. Спрашиваю, как найти начальника Юхина. Он отвечает: «Вы оденьтесь сначала, а потом доложите». Я понял, что напоролся на самого Юхина. Отошёл в сторону, оделся и тут на меня напал смех. Как только подхожу к Юхину, начинаю смеяться. И так несколько раз. Юхин рассвирепел и сказал, что отчисляет меня со сбора. Спас меня опять Некрасов. И я начал инструкторскую деятельность в ЦСКА. Дали отделение, без стажировки работал со значкистами. Идём на траверс «Кзгем-баши — Советский воин» с майором Миленковым. Он майор, а я старший матрос. Пошли по пиле, а все её обходили. Майор кричит: «Владимир Дмитриевич, держи — падаю!» Меня прорвало, поскольку я не сильно управляемый, пошёл разговор на повышенных. Послал я его. После восхождения он докладывает в лагере Юхину, куда я его послал. Дословно. Юхин снова хотел меня выгонять. Опять Витя Некрасов за меня заступился.

Сделали мы там Кюкюртлю двумя группами, Некрасов и Живлюк делали чуть левее. Сошлись на Кюкюртлю. Гора паршивая, страховку организовать очень сложно. Витя говорит: «Давай на радостях тихо-тихо постреляем» (ракетами). И постреляли. Поднимаемся на Западную, стоит Одноблюдов и спрашивает: «Что случилось?» — «Да ничего». — «Ну тогда снимайте штаны, вас сейчас пороть будут». Мы как глянули вниз, а там идет спасотряд на наши ракеты. Вот так шла моя срочная служба на флоте.

Когда демобилизовался, жил в Одессе, работал на заводе Октябрьской революции. Сначала слесарем, потом монтажником-высотником. Зарабатывал неплохо, но не мог ездить в горы. Ведь каждая поездка с Блещуновым — это два-три месяца отсутствия на работе. Пять смен в лагере. Не получалось совмещать работу и горы, и в 59-м году поставил крест на гражданской работе и переехал в Домбай.

— Была у нас такая шутка: «Если альпинизм мешает тебе работать, брось работу». Инструктора ведь все имели основную работу по своей специальности, их освобождали на два-три месяца по специальному постановлению, подписанному самим Сталиным в 52-м году.

— Было такое постановление, но кому нужен работник, который на три месяца в году выбывает. Да мы ещё и задерживались, справки привозили разные о травмах.

— Шестой раз справка о сотрясении мозга. А то и почище.

— Я стал профессионалом. Начальником на КСП был Фердинанд Алоизович Кропф. Он пригласил меня к себе на работу. Там же я познакомился и с Риммой Владимировной. Она работала в «Белолакаи», была инструктором и хорошей горнолыжницей, не то что я, «чайник». Когда я показал Кропфу свои альпинистские документы, то там тянуло почти на мастера спорта, а у меня был оформлен всего 3-й разряд. Посмотрел он на мои справки и отослал в Москву оформлять следующий разряд. В Москве я познакомился с Ануфриковым. Он помог оформить 1-й разряд, и я вернулся в горы, стал работать на КСП у Кропфа.

Пахали мы как негры, но с удовольствием. К маю уже промаркировали все тропы, поставили знаки-указатели. Отметили переправы, лавины, все опасные участки. Дежурство круглосуточное установили. Кропф поручил мне промаркировать маршрут до Алибекской хижины. Через каждые 50 метров я должен был делать краской отметку. Я взял краску и пошёл. На следующий день вызывает меня Кропф и говорит: «Владимир Дмитриевич, вы лодырь». Он сказал мне делать отметины через каждые 50 метров, а я маркировал через 100. Я оправдывался,

говорил, что там автомобильная дорога, заблудиться невозможно. Слово за слово. Договорились до того, что он меня выгнал из КСП. Подошёл ко мне Борушко, начуч из «Белолакаи», предложил остаться у него. В дальнейшем наши отношения с Кропфом наладились и сохранились до сих пор. Я его очень уважаю.

Я тоже. Фердинанд Алоизович и меня кое-чему научил. Однажды, я дал ему на подпись письмо, а он сказал, что так страницу письма складывать невежливо. Надо сложить лист сначала вдоль,а потом поперёк. Так удобнее адресату будет его разворачивать. В этом весь Кропф — воспитанность, требовательность и предельная австрийская аккуратность. Пустяк, кажется, а вот запомнилось на всю жизнь.

— Кропф заложил первый КСП. Это особый человек. Работает скрупулёзно, размеренно, всё по системе, но, тем не менее, к людям, к нам хорошо относился. Когда брал нас на работу, предложил написать, что каждый из нас хотел бы сделать в горах в этом сезоне, какие восхождения. А это для нас главное.

На КСП у него была профилактика высшего класса, всё поставлено на предупреждение несчастных случаев. К нему мог прийти любой за советом, за консультацией, за помощью. Любая группа могла получить полную информацию по лавинам, камнепадам, переправам.

— Кропф уехал из Австрии в 18 лет, и больше за границу его не пускали. Откуда у него были такие профессиональные знания? Ведь для того, чтобы поставить так спасательную службу, надо было иметь и знания, и опыт, и примеры. Откуда у него всё это?

— Он очень организованный человек, это заложено у него в генах. Видимо, изучал материалы западных служб. Ведь у нас ничего не было, акии (средство для транспортировки пострадавших в виде метьаллической лодочки) сами делали. Это уже позже мы получили их образцы из Австрии.

Домбай для меня стал местом жительства. Отработали сезон, сделали ряд интересных восхождений с Игорем Бандуровским. Пришла осень, решили остаться на зимовку. Мы жили с Риммой в инструкторском бараке (сейчас там стоят «Горные вершины»), жили без воды, без туалетов, но нас это не смущало. По тем временам зарабатывали приличные деньги. Ремонтировали снаряжение альплагерей, чинили древки у ледорубов и молотков, переоковывали ботинки, латали штормовки, палатки зашивали. Поставили первый в Домбае горнолыжный подъёмник. Возле «Красной звезды». Мы валили лес, корчевали, пилили. В зимний сезон все базы работали в альпинистском режиме.

Я одессит, на лыжах — можешь себе представить... Ни одного поворота. Чтоб не было отдачи при подъёме, обматывали лыжи

репшнурами. А мне надо было давать обучаемым технику передвижения. Теорию я знал, но когда надо было спускаться, чувствовал себя закомплексованным. Когда в первый раз спускался с поляны ЛИИ, получил два столкновения с деревом, одно очень сильное с сотрясением.

Следующим летом Римма приехала уже с сыном Игорем. Ему тогда было два месяца. Домбай стал для нас домом родным, единственным заработком, а альпинизм - хлебом насущным. Идеальный вариант, когда хобби и работа совпадают. Спустя годы, неоднократно прокручивая свою жизнь, я с полной уверенностью считал, что Домбай — самые лучшие мои годы. И, если бы мне предстояло прожить еще одну жизнь, то я бы хотел, чтобы в ней был Домбай.

— Хорошо понимаю тебя, Володя. Мы с женой и маленькой дочкой зимовали в альплагере «Ала-Арча» на Тянь-Шане. И тоже считаем, что это было самое счастливое время в нашей жизни.

— А теперь несколько слов о Домбае в настоящее время. Домбай сегодня — самый спокойный регион на Кавказе. Удивительно доброжелательные отношения всех служб к туристам. Для размещения много гостиниц до 5-звёздных включительно. Приличные условия предлагает частный сектор.

Зимой Домбай — рай для горнолыжников. На склонах трасс регулярно дежурят спасатели высокого класса. Отлично работает большой коллектив тренеров. Через 3—4 дня новичок спокойно спустится с самого верха. Особенно удобно с детьми. Утром сдал ребенка тренеру, вечером забрал с заметными успехами в горнолыжной технике. Лучшее место для начинающих горнолыжников - «Алибек». База расположена в 9 км от Домбайской суеты. Абсолютная тишина и спокойствие, мягкие, пологие склоны и нормальные условия быта. Домбай летом — это альпинизм, туризм и просто активный отдых. Альпинистские маршруты любой сложности, до шестой включительно.

Рассказать обо всех хороших людях Домбая невозможно, но не могу не сказать о Тикееве Олеге Османовиче. Много лет он командовал «Алибеком», а сейчас директор ММЦ «Горные вершины». Здесь есть всё: бассейн, парилка, дискотека, бары и т.д., а главное, хорошее отношение к людям.

Братья Байчоровы — Альберт и Назир. Чотчаев Сапар делают всё, чтобы возродить добрые традиции альпинистов и туристов. Дружелюбно и доброжелательно относятся к людям. Был застрельщиком в проведении сбора афганцев, кинофестиваля, который стал традиционным. Проводил соревнования дельтапланеристов, соревнования по горным лыжам памяти Хаджика Магомедова.

Хаджи Мурат Курман Алиевич Магомедов ходил с нашей командой на восхождения. Много лет был начальником альпбазы «Домбай». И пока он был в лагере, ни один гвоздь не ушел на сторону. А после его ухода всё пустили с молотка, в том числе и саму базу. К сожалению, есть и такие, у которых кроме наживы нет ничего святого.

Домбай

— Да, Володя, нет на свете ничего прекраснее зимних гор.

— Согласен. Зимнее солнце прямо упирается в тебя. Снег — без очков ни шагу. Небо! Внизу такого не видели, синее, аж лиловое. А воздух?! Что ты!

— Повидали мы, благодаря альпинизму... Альпы, Татры, Карпаты, Кавказ, Тянь-Шань, Алай, Памир, Алтай... На Саянах был?

— Конечно.

— И Камчатка.

— Альпинизм, Саша, много нам дал. И гор и людей. Любят говорить, что в альпинизме было много великих людей, академиков. ...Ну Тамм, Летовет, Делоне, Александров, Хохлов... Это так, с ними бывало интересно, но самые простые люди какими были мужиками! Ребята, наши товарищи.

— У меня недавно был разговор с одним хорошим русским писателем, который сказал: «Альпинизм — это занятие для себя. Для своих собственных интересов. Ты сделал восхождение, это тебе нужно, тебе интересно, ты чего-то добиваешься, а что это значит для других людей, что ты сделал своим альпинизмом для Родины, для народа?» Я сначала не нашёлся, что ответить, но потом подумал и решил, что он неправ. Наше занятие тоже было служением Родине. Если 20 тысяч человек занимались альпинизмом ежегодно, значит, мы совершенствовали их, воспитывали в них силу, волю, целеустремлённость, закаляли их физически и психически. Мы все были тренерами. Ведь это служение.

Прикладной альпинизм опять же. Ведь ни одна гидроэлектростанция без нас не строилась. Спасательные работы, производственный альпинизм, когда надо было на Петропавловской крепости снимать ангела, ставить кресты и прочее. Без альпинистов не обходились и теперь не обходятся. Если что-то случается недоступное для других, зовут альпинистов, и мы работаем.

Наша жизнь в альпинизме - это служение Родине. Так мне надо было ответить тому писателю.

— Я бы ответил шире. Я 27 лет проработал в «Спартаке» старшим тренером по альпинизму. Через меня прошло очень

много людей и очень много разных судеб. В горах они менялись на глазах. То, что мы делали с людьми, переоценить невозможно.

В отношении прикладного альпинизма. Когда строили Тактагульскую ГЭС, меня вызвали неожиданно в ЦК партии (9 подъезд) и сказали: «Владимир Дмитриевич, нужна помощь альпинистов в строительстве Тактатульской ГЭС». Тогда Хрущёв заявил, что ГЭС белое золото, главное богатство страны. Строители обогнали проектировщиков и изыскателей, и вдруг у сведущих людей возникает опасение, что в результате тектонических изменений могут разойтись берега и тогда грош цена всей плотине. Топографическую съёмку не могут закончить, поскольку берега отвесные и нельзя закрепить точку. К тому же там не скалы, а сплошная глина с конгломератами. И мы напахались там до потери пульса.

— Я с топографами работал на Камчатке.

— И с топографами и с геологами, легче сказать, чего мы только не делали в прикладном альпинизме.

Ты знаешь, мне много раз приходилось отвечать на вопрос, что такое альпинизм. В книге «Внизу - Сванетия» я собрал целый ряд ответов на этот вопрос больших альпинистов.таких как Морис Эрцог, Чарлз Эванс, Гастон Ребюфа, Герберт Тихи, Джон Хант и так до Евгения Абалакова.Ответы,конечно, были разными,часто витиеватыми, с ненужным мудрствованием, но в каждом из них присутствовала мысль, что альпинизм формирует, создаёт человека, его характер, волю, целеустремленность.

Юра Емельяненко провёл интересное исследование: он собрал подробные данные о родоначальнике спортивного альпинизма Александре фон Мекке. Раньше о нём молчали, ибо он оыл выходцем из дворянской семьи прибалтийского происхождения. Замечательная российская семья: отец построил в России четыре железные дороги, брат — известный промышленник, а мать крупный меценат. Достаточно сказать, что она каждый год выплачивала Петру Ильичу Чайковскому по шесть тысяч рублей, чтобы он мог безбедно жить и создавать свою музыку. Александр фон Мекк создал в Российской империи Русское горное общество, выпускал толстый журнал «Ежегодник Русского горного общества», сам совершал восхождения в Альпах и на Кавказе.

В 1900 году, ровно сто лет тому назад Александр фон Мекк публикует в журнале «Землеведение» свою статью с кратким названием «Альпинизм». Давай приведем хотя бы ее начало.

«Альпинизм есть искусство или навык совершать восхождения на высокие горы. Как всякое искусство, и альпинизм требует, с одной стороны, физической приспособленности. Его

можно назвать поэтому спортом, но он резко отличается от других видов спорта тем, что не может быть предметом публичных состязаний и поэтому является одним из наиболее благородных видов спорта. Укрепляя физическую природу человека, он оказывает благотворное влияние и на его характер, вырабатывает смелость, выдержку, выносливость, самообладание и то чувство солидарности и доверия к своим спутникам, без которого немыслимы трудные восхождения. Борьба с природой, преодоление трудностей при подъёме в высоких горах — заставляет забывать все физические неприятности, все дрязги обыденной жизни и сосредотачивает всё внимание на достижении поставленной цели — подняться на известную вершину. Для такого восхождения требуется, однако, достаточное обладание искусством альпиниста и надлежащая физическая и нравственная подготовка. Нужно быть свободным от боязни дурной погоды, скрытых под ногами бездн, грозных нависших скал; нужно полное самообладание, чтобы идти осторожно, но уверенно к намеченной цели. Зато когда цель достигнута, когда горная вершина взята после тяжелой борьбы и все пройденное оказывается внизу под ногами, какое радостное чувство овладевает душой. Испытав однажды эти минуты, их трудно забыть, и воспоминание о них часто является могучим стимулом к последующим восхождениям; оно развивает даже ту страстную любовь к горным вершинам, которая нередко оказывается роковой для альпиниста».

А, Володя?!

— Лучше не скажешь! Сто лет назад, говоришь? Вся техника — верёвка да ледоруб, но суть та же самая.

— У нас с тобой, Володя, наверное, несколько другое отношение к альпинизму, я был профессионалом 25 лет — четверть века, а ты всю жизнь. Это должно было поубавить романтики.

— Не скажи... Кто меня заставлял делать восхождения, когда все звания уже получены?

— Ты шёл дальше, участвовал в первенствах по альпинизму ЦС «Спартака», ВЦСПС СССР. Тут особый разговор. Нужны ли соревнования в альпинизме?

— Я всегда был против проведения первенств в альпинизме, самого принципа соревнований. Я предлагал судить о лучшем восхождении года по факту самого восхождения. Не делать заявок, не устраивать гонок, а после сезона просто посмотреть, у кого самое интересное восхождение в сезоне.

— Думаю, Володя, тут две стороны дела. У золотой медали чемпиона СССР, или теперь России, есть и оборотная сторона. С

одной стороны, первенства по альпинизму способствуют спортивному росту, они далеко продвинули мастерство, а с другой вызывают нездоровый ажиотаж, гонку, несчастные случаи. Сколько это породило интриг в альпинизме! Несведущий человек полагает, что альпинисты все безупречные люди, но, как говорил Воланд, люди есть люди, в альпинизме тоже всякое случалось, ты знаешь.

— Да и спортивные разряды тоже, я тебе скажу... Гонялись за разрядами и даже не знали, не помнили названий своих вершин. Всё-только «двойки» да «тройки», «четвёрки» да «пятёрки».

— Это верно. Не от восхождения получали удовлетворение, а от получения спортивного разряда. Было такое, Володя.

Жизнь так устроена, что во всём: в науке, в технике, в спорте она способна идти только вперёд, и остановить её движение невозможно. Теперь твои ученики покоряют восьмитысячники. Но если посмотреть философски, стали ли они счастливее нас? Нет. Как и мы не стали счастливее фон Мекка, который сто лет назад своим высшим достижением считал восхождение на Накру. Если бы мы остановились в техническом прогрессе, то проиграли бы другим странам, борющимся за место под солнцем. Чисто материально проиграли бы. Но альпинизм всё-таки область духовной деятельности человека, как и искусство. А духовная деятельность должна делать человека не богатым, а счастливым.

— Ты хотел стать мастером спорта?

— Хотел. По двум причинам. Во-первых, это тешило мое тщеславие, а во-вторых, мне это нужно было как профессионалу.

— Вот и мне тоже. Только, кроме этого, я ещё любил и люблю делать восхождения. И жить без этого не могу.

— Раз уж мы начали размышлять об альпинизме, можно отметить ещё одну его особенность. Мне представляется, что восхождение на вершину служит как бы моделью жизни человека. Если не проводить долго и подробно аналогий, то суть дела в следующем: при восхождении на конкретную вершину, как и в определённый период жизни человека, ставится цель. Затем выбираются средства достижения этой цели. Метод. Проводится подготовка и вырабатывается общая тактика. А коли ты много раз продумывал план восхождения, а то и экспедиции, то в жизненной ситуации тебе это сделать уже легче. Согласен?

— Согласен, Саша. Ты вроде бы про себя сказал: был актером — стал кинозвездой, начал заниматься альпинизмом — стал мастером спорта, пошёл в свою науку о птичках — кандидат наук, доцент, стал писателем — написал кучу книг. Какие у тебя ещё восхождения? Картины, картины твои. Не смейся. Даже выставка была. Просто любитель.

— Любитель — не любитель, но вот висит у меня твоя картина «Маттерхорн». И во многих домах альпинистов висят твои горные пейзажи — у Романова, у Шатаева, у Орешко, у Онищенко...

— Нет, Володя, это несерьёзно. Надо же куда-то их девать, вот и раздаю. Иной раз стыда не оберёшься. Пытался всучить свою акварельку Вилли Климашину, а у него полон дом картин отца, замечательного художника. Как я увидел их, готов был сквозь землю провалиться. Он, чтобы меня не обидеть, взял мою картину и, кроме спасибо, ничего не сказал. Но в плане подтверждения мысли о восхождении как модели жизни тут всё правильно.

— Но количество горных систем у нас уменьшается. Смотри, остался практически один Алтай. Кавказ еле дышит, Закавказья уже нет, ушёл Памир, отрезали от нас Тянь-Шань. Альплагеря стоят пустыми, местные жители снимают двери и уносят рамы зданий, и всё, что годится для их хозяйства. «Приют одиннадцати» сожгли. Трудно представить себе Эльбрус без Приюта. Горы стоят пустыми и вместо наших песен раздается только эхо выстрелов. Помнишь, как Визбор пел про Фанские горы:

Какими тут станут пустыми пути

Как будут без нас одиноки вершины

Словно в воду смотрел, будто мог предвидеть.

— Нам, Володя, и в страшном сне не могло такого присниться, будто мы остались без гор. Юра имел в виду пустынную зиму, а на лето мы опять здесь. Теперь же вершины надолго стали одинокими.

Я вчера нашёл интересную фотографию. Ты знаешь, перед каждым летним сезоном проводился, обычно в Домбае, сбор инструкторов альпинизма. Собирали человек 60—80 инструкторов из всех альплагерей, давали новые методики обучения, знакомили с новым альпинистским и спасательным снаряжением. И вот групповая фотография сбора 63-го года. Тебя там нет, ты в том году то на спасаловке был, то в Болгарии, откуда тебя привезли в гипсе. Тебе в 60-м году присвоили мастера, а мне как раз в 63-м.

Смотришь на эту фотографию и понимаешь, что больше половины этих людей нет уже на белом свете. Как будто дело естественное, уходит одно поколение, на смену ему приходит другое. Вроде бы ничего особенного. Ан нет. Эту плеяду советских альпинистов, инструкторов, тренеров, работавших в альплагерях в 50—80-е годы, никто не сменил, за ними пустота.

Альпинистские лагеря перестали существовать, и почти исчез сам институт инструкторства, обширное инструкторское племя. Еле дышит «Узункол», благодаря Римме Кавуненко. А где наши 22—23 альплагеря? Так что на этой фотографии - история.

Давай дадим в твоей книге эту групповую фотографию.

— Не возражаю, а насчёт того, что альпинизм совсем у нас умер, я с тобой, Саша, не могу согласиться. В прошлом, 1998 году, я был в Домбае летом, а в этом, 1999 году, и зимой. Горы остались такими же, а альпинизм сильно преобразился. В Домбае появились «новые карачаевцы», вроде «новых русских». Ребята молодые, толковые, энергичные. Строят дома, гостиницы, проводят первенства по скалолазанию, по горным лыжам, стали проводить кинофестивали. Планируют восстановить знаменитую Алибекскую хижину, с которой у нас с тобой, да и не только у нас, связано столько воспоминаний. И что самое интересное, эти молодые ребята, во главе с Назиром, создали Совет ветеранов Домбая. Собрали старых альпинистов, приглашают их и содержат бесплатно для того, чтобы сохранить традиции советского альпинизма. Ветераны Домбая избрали меня председателем совета, поэтому я и приезжаю туда зимой и летом. И тебя приглашают приехать.

— И много там альпинистов?

— Альпинистов немного, но есть. В основном туристы, горнолыжники и отдыхающие. Но сохранены базы в горах, что очень важно. Кто захочет, занимается альпинизмом.

— То есть, у кого есть деньги.

— Хоть бы и так. Кто захочет, тому есть, где остановиться и сходить на восхождение.

Ушба

— Володя, я знаю, что ты делал Ушбу и летом и зимой. Самая, наверное, красивая и сложная вершина Кавказа.

— Ушба одна из самых красивых вершин мира. Недаром в Англии существует «Клуб ушбистов». Восхождение на Ушбу по простейшему пути всегда считалось эталоном альпинистского мастерства. Если был на Ушбе, значит, альпинист.

— Я тоже очень люблю Ушбу, хотя побывать на ней не удалось.

— Поэтому ты её и рисуешь.

— Может быть... Хочешь, я прочту, как я писал о ней когда-то?

— Давай.

— «Ушба... Она поднимается над Верхней Сванетией. Вид её поражает, ошеломляет, пугает и восхищает. Два километра

отвесных, недоступных скал из розовых гранитов и гнейсов! Два километра отвеса над зеленым ковром лугов. Попробуйте представить себе это. Нет, не получится, если вы не видели Ушбы. Не получится.

Несколько лет тому назад мне довелось смотреть на неё в предрассветный час с её соседки Шхельды. Пока светало, фантастические краски беспрерывно сменяли друг друга. Синие, розовые, лиловые, фиолетовые тона расплывались, переходили один в другой, издавали в дымке утреннего тумана какое-то своеобразное свечение. Цвета были яркими, насыщенными и совершенно неестественными. Да, да, неестественными. В жизни такого не бывает, не видел. Это напоминало искусно подсвечиваемую декорацию, задник огромной, во всё небо, сцены, созданной художником, ничего общего не имеющим с реализмом. Стена Ушбы обрывалась вниз, вглубь, куда-то под землю, в тартарары. Запрокинешь голову и не видишь за повисшим облачком самой вершины, посмотришь вниз, и не видно под облаками подножья Ушбы. Это было настолько грандиозное, настолько захватывающее зрелище, что я совсем забыл, кто я, где и зачем я здесь нахожусь. А был я в то утро руководителем спасательных работ, лежал на крохотном уступчике над пропастью и должен был с рассветом организовывать спуск своего пострадавшего товарища по стене Шхельды.

Не каждому дано вступить в единоборство с Ушбой. Но нет большего счастья для альпиниста, чем покорить её, возомнить себя её властелином. Тот, кто выиграл этот бой, тот прежде всего победил себя, свой страх, свои слабости, всё, что было в нём ничтожного, ползучего, мелкого. Тот, кто поднимется на Ушбу, навсегда поверит в себя.

Но Володя Моногаров пригласил меня в сборную команду Украины на сложнейший маршрут — Южная стена Южной Ушбы. Первопрохождение. Оно было заявлено на первенство СССР. Команда: Моногаров — капитан, Субартович, Кавуненко и Кенсицкий. Это был год бума по искусственным точкам опоры, по применению шлямбуров, лесенок, площадок.

— Ну да, тогда вышла работа Андрюши Снесарева «Техника спортивных горновосхождений» и мы начали пользоваться искусственными точками опоры и новой техникой. Я помню, впервые стал тогда работать с зажимом вместо узла пруссика.

— Стена 1,5 километра, отвесная, с зеркалами. Была возможность пройти её другим маршрутом (слева или справа, очень сложным лазанием), но Моногаров настаивал, чтобы мы шли эту шлямбурную дорожку. Мы с Кенсицким не любили индустриальную монотонную работу, она не интересна, думать

не надо. И вот на одном из зеркал я получил радиограмму, что у меня родился сын.

Забили мы с Кенсицким крюк, написали записку, посвященную новорождённому Игорю. Прибили шлямбурным крюком баночку с запиской к стене, с тех пор она так и висит там. После нас эту стену никто не проходил. Южная стена обращена в Кабардино-Балкарию.

Моногаров прекрасный организатор, у него всё продумано до мелочей. Подкармливал витаминами три раза в день. Когда подошли под Красный угол, вышли Олег Космачёв и Лев Мышляев. На них было страшно смотреть. Продуктов у них не было, одни сухарики, ведь всё тащить слишком тяжело. Они шли левее нас — по бастиону. Мы встретились под Красным углом, куда идёт спуск перед выходом на Галстук. У нас гора продуктов. Лев и Олег подкрепились и пошли дальше по стене по обычному пути 5а. Я говорю Моногарову: «Через пару часов можем быть на горе». А он — не будем, пойдем вправо по новому пути. Я пытался его отговорить, но Кенсицкий сказал: «Хохол, вперед!» И мы пошли.

На маршруте я натыкаюсь на старинный скальный крюк, такой, что рука проходит в проушину. Огромный, с большим кольцом, расшатать его невозможно. Я кричу: «Моногаров, здесь были люди!» — «Как были?!» С ним чуть плохо не стало. Видно, кто-то запоролся в непогоду на спуске. А если напарываются на эти бастионы Южной Ушбы, то уходить уже некуда, люди, как правило, пропадают. Ушба забрала много жизней, целые команды исчезали.

И вот мы на вершине. В туре множество записок. При хорошей погоде можно сидеть и читать их, прямо летопись восхождения на Ушбу. Были и фотографии.

Совсем недавно стало известно, что кто-то снял эти записки. Очень жалко. Моногаров радовался нашему восхождению, думал, будет золото, а получили бронзу.

Нам с Кенсицким было всё равно, золото или бронза. Главное — хорошая гора и удачное восхождение. Позже я с Моногаровым не ходил, а с Кенсицким меня судьба связала надолго. Лео был старше меня, во время войны его увезли в Германию, он там работал. Человек высочайшего класса. Он был Кулибиным, за что ни брался, всё у него получалось, золотые руки. И ходил он блестяще. Он всегда работал в «Эльбрусе».

Когда организовался альплагерь «Алай», я стал там начучем пригласил Кенсицкого. Отработали наши лучшие годы в горах с Лео. Тогда, в 60-м, мне было 25. Спустились мы тогда с Ушбы, Лео говорит: «Володя, давай ещё что-нибудь сделаем». И мы

сходили на Центральную Шхельду (первопрохождение) и на Восточную Шхельду по северной стене. Оба маршрута 5б.

В том году была катастрофа на пике Победы, в лавине погибло 11 человек. Были запрещены все восхождения по Союзу. Мы с Кенсицким получаем на стене радио с приказом прекратить восхождение. Передавала Светлана, его будущая жена, а мы прошли полстены, обидно спускаться. Говорим Свете по радио, что не слышим и сколько бы она не передавала, всё равно не услышим. Она поняла. Поднялись мы с Лео на Восточную Шхельду и посвятили восхождение погибшим ребятам.

На стене мы встретились с командой Кирилла Барова и просили их дать знать, когда они будут двигаться по гребню, чтобы мы могли идти на юг и не попасть под камнепад. Получили команду и стали уходить на юг. И тут на меня идёт камень размером со стол и разбивается надо мной. Осколки разорвали рюкзак, а меня перевернуло вниз головой. Пришлось рюкзак сбросить, иначе бы мне не выпутаться. Рюкзак ушёл и с концами. Пришли в Шхельду, встреча победителей, ну ты знаешь... Накрытый стол... Очень это приятно.

А как торжественно встречали новичков с восхождения? Перед лагерем вдоль тропинки всегда огонь в консервных банках, венки, музыка... Радость для всех, и для вернувшихся и для встречающих.

— Не говори...

— Теперь о зимней Ушбе, Володя.

— Так... 63-й год. К этому времени уже накопился большой опыт зимних восхождений. Мы успели пройти зимой даже «пятёрки» в Домбае. Очень хотелось сделать зимнюю Ушбу. Зимой наверху 30— 40 градусов мороза, работать голыми руками на скалах трудно, а в перчатках просто невозможно. Сделали под пик Щуровского заброску, спустились в Адылсу — и непогода. Выпало более 5 метров снега, перекрыло все дороги, пошли лавины. Связь с городом только вертолётом. В общем, наши заброски остались под пиком Щуровского. Тем не менее, в следующем 64-м году сделали вторую попытку. Ушбинский ледопад бывает закрыт, а в этот раз он был без снега. Все трещины видны, надо в них опускаться, делать мосты.

На спуске у нас улетел Борис Уткин. Летел метров 300 по желобу. Когда я к нему подошёл, то испугался: лежит без головы, и нет крови. Я даже растерялся, стал кричать ребятам, а потом выяснилось, что пуховка накрыла голову и её просто не видно. А он потерял сознание и не двигался.

Поднялись на Ушбинский ледопад, вышли на «подушку», прошли мимо скал Настенко на «доску». Летом там на снегу

делать нечего, а зимой лёд как гранит. Тогда ещё не было заворачивающихся ледовых крючьев, а был единственный абалаковский крюк «морковка». Лёд кристально чистый, гладкий, как полированный стол. На забивание крюка шло 100 ударов. Иной раз бьёшь, а он вылетает обратно. От частых ударов он греется, образовывается паровая подушка, при малейшей задержке с ударом крюк обмерзает, а следующий удар разрушает лед, и крюк вылетает как пробка. Кошки на таком льду не держат, а рубить ступени — большой расход энергии. Прошли лёд, вышли на скалы. В группе у нас Володя Шагаев, Мысловский, Иванов, Лёша Поляков» Володя Вербовой и я.

К концу дня я начал выходить на гребень. Огромный карниз, я такой в первый раз в жизни видел. На обе стороны свисает, иксообразный, не видно, где проходит гребень, не знаешь, где встать. Прорубил я этот карниз, вышел на гребень и почувствовал, что меня сейчас может сдуть. Страшный ветер с юга. Надел на себя всё, что мог, закрепился и понял, что придётся здесь ночевать. Стал готовить площадку под палатку. Ребят нет, слышимости никакой, веревка натянута. Потом почувствовал, что за верёвку дергают. Она врезалась в снег и трудно было подавать ей сигналы. Поправил верёвку и вышел на голосовую связь. Оказалось, что пока я был на гребне, погиб Володя Вербовой. Шальной камень попал ему в голову.

Володя мой друг. Мы много с ним ходили. Прекрасный художник.

Когда начались разборы причин схода камня, стало ясно, что никто из нас спустить его не мог, над Володей никого из нас не было. Что произошло, непонятно. У него была плохая каска, короткая самостраховка. Даже если предположить, что ему крикнули: «Камень!», он не мог от него уйти, диапазон движений очень маленький. В течение трёх дней впятером мы спускали его. У нас даже мысли не было оставить Володю там. А сейчас что происходит? Во многих местах лежат в горах наши ребята. И не только на больших высотах.

Ниже Ушбинского перевала слышу голос Шалико Маргиани пришла помощь. И вот смотри» как интересно устроен наш организм: появился Шалико, и нас сразу покинули силы, им уже не помощники. Так трагически закончился тысяча девятьсот шестьдесят четвёртый год.

Но в 65-м мы опять двинулись в район Ушбы: Володя Шагаев, Володя Безлюдный, Витя Тур, Коля Родимой, я и Борис Студёнин (Алма-Ата), лидер казахского «Спартака», который по десять раз был на Победе и на Хан-Тенгри. Снежный барс, прекрасный скалолаз. Человек мне очень близкий. Познакомились мы с ним

так: была норма на выполнение мастера спорта — восхождение в разных горных районах. Скажем, не только на Тянь-Шане, но и на Кавказе или на Памире. Вдруг в «Белолакаи» у меня в отделении Студёнин. Знакомимся, узнаю его планы — закрыть мастера. Нет восхождений в другом горном районе, в иной горной системе. С тех пор подружились.

Это был 60-й год.

Идём, значит, в 65-м на Ушбу. На подушке Тур и Родимов под разными предлогами отказались идти дальше, стали спускаться. Осталось нас четверо. Всё снаряжение высшего класса, специальные приспособления делали для работы на скалах. Вышли на гребень, заночевали на Северной Ушбе. Прошли все двухсторонние карнизы, прошли перемычку. На спуске обнаружили, что страхующий с ледорубом стоит на карнизе, пробил его насквозь и штычёк торчит в Сванетию. При выходе на Южную вершину пришлось лезть без рукавиц. Самое интересное, что через 10—15 минут руки привыкают работать на морозе. На Северной вершине мы сразу нашли записку, а на Южной никак не могли обнаружить тура. У меня то ли от переутомления, то ли ещё от чего пошла кровь из носа, я отошёл в сторону, чтоб взять снега для носа, и напоролся на банку тура. Написали записку и начали спуск.

По дороге назад, уже на гребне, я улетел с карнизом. Раздался щелчок, и карниз подо мной рухнул. Понял, что лечу в свободном падении. Не первый мой «полёт», но на севере Ушбы никогда ещё не находили улетевших. Кто улетел, тот с концами. Безлюдный стоял метров на 20 выше меня, у него запас веревки. И он, не раздумывая, сделал «комсомольскую страховку». Он сиганул в Сванетию, а я на юг. Когда мы зависли, я взлетел на гребень в считанные секунды. Не знаю, откуда берётся такая энергия. Даже не успел заметить, как оказался на гребне. Наши полёты видел в трубу Олег Троицкий из КСП. По тем временам такой полёт считался большим криминалом. Спустились, Олег встречает нас и спрашивает у меня — как дела. Я отвечаю, что всё нормально, только вот с карнизом порхнул. Он был удивлён, что я не скрыл наш срыв, и на этом инцидент был исчерпан.

— Скажи, Володя, когда ты летел, что ты испытывал? Страх?

— Страх? Не успел. Страх приходит потом, когда осознаёшь, что было бы, если бы...

— Я почему спрашиваю, мне интересно, как люди чувствуют себя при срыве. У меня был срыв на очень крутом льду. Почти на всю верёвку. Она растянулась, и при рывке меня даже подбросило вверх. Тут я стал быстро соображать и действовать, а когда выбрался к ребятам и посмотрел вниз, только тогда мне стало

страшно. И пропала привычка к высоте, к глубине. А ты как?

— После срыва, конечно, испугаться не успеваешь, а вот спина мокрая, но как только начнёшь работать, — всё проходит. Страх бывает за группу. Один раз я «чемодан» держал, а внизу Башкиров.

Боялся, не удержу, но Володя успел уйти. Вот это был страх. А когда несчастье, я становлюсь совершенно спокойным и начинаю действовать. Если кто запаникует, сразу прерываю.

— И я тоже самое.

Домбайская трагедия

— 63-й год — год Домбайской трагедии. Но в то же время в нём было немало нового, необычного, интересного.

Начался же он с заявки нашей команды «Спартака» на первенство Союза. Южная стена главного Домбая. В это же время команда московского «Труда» в составе Бориса Романова, Владимира Ворожищева, Славы Онищенко, Славы Романова заявила Восточный Домбай с Бу-Ульгенского ущелья.

Вышли мы на перевал, сделали большую заброску, оставили палатки и начали работать. Обрабатываем с Вербовым маршрут с карнизами. На третий день обработки упёрлись в приличный карниз на стене. Большое нависание. Поохали, поохали и начали работу со шлямбурами и лесенками. Я дошёл уже до края, можно было выходить, но времени оставалось мало, конец дня, и вернулся под карниз. Назавтра со свежими силами наметили штурм карниза.

Соорудили мы с Володей что-то вроде площадки, палаточку натянули. К стене прибили, устроились уютно, полусидя, полулёжа. Пьем чай.

Ночью просыпаемся от жуткого грома. Идёт сплошной камнепад, на небе не видно ни звездочки. Мы как в подземелье. Со сна ничего не можем понять. Запах серы, искры во все стороны. Прямо ад!

Когда утром мы посмотрели, что он натворил, ужаснулись. Весь Южно-Домбайский ледник был покрыт камнями. Такого землетрясения не случалось более ста лет. Эпицентр на Кавказе, километров в 15. В районе Птыша зарегистрировали 9 баллов, в Домбае — 6, в Тбилиси — 3. Плотность падения камней была настолько велика, что все наши перила из верёвки (метров 400) испарились. Не осталось ни клочка.

К утру поток камней прекратился, но оставались отдельные толчки, и камни продолжали лететь. Я увидел, что кто-то идет по Южно-Домбайскому леднику, стал кричать, но меня не услышали. И тогда мы начали спускаться. Это был самый страшный спуск в

моей жизни: без веревки, без крючьев, простым лазанием. Эпизодически идут камни, горы продолжают дышать.

— Говорят, Володя, перед землетрясением улары слетели вниз.

— Куда делись улары, не знаю, а вот туры старались держаться поближе к людям. Спустились, ушли из-под обстрела, нам сообщают, что группой наблюдения принят сигнал бедствия в районе Бу-Ульгенской пилы. Группа Шатаева на Восточном Домбае тоже видела сигналы бедствия, но подойти не смогла.

Тут такие картинки происходили... Шура Балашов выходит на сорокаметровый скальный выступ и вдруг этот мыс в тысячи тонн вместе с ним откалывается и падает в нашу сторону. Шура со скоростью звука перепрыгивает через образовавшуюся трещину между скальной стеной и массивом, который уходит на Южно-Домбайский ледник.

На группу Шатаева камнепад обрушился у подошвы ледника, под стеной. Шатаев прыгнул, как кошка, в какую-то трещину. Причём он не знал, куда прыгает, какая там глубина. Мы наблюдаем всё это, как в замедленном кино, и ничего не можем сделать. Они были в связках, верёвка мешала. Надо было видеть, как они уворачивались, прятались от камнепадов. Травмы у них были, но все спустились сами.

Сигналы бедствия шли от группы Бориса Романова уже три дня Я даю на КСП Коле Семенову радио и комплектую команду для выхода на помощь Романову. Но тут начинаются психологические сложности. Мне удалось собрать только одну четверку, чтоб выйти на помощь. Это Безлюдный, Романов, Онищенко и я. Поднялся весь Кавказ, идут люди с перевала, несут продукты, но выходить на скальный маршрут отказываются.

Ушёл вверх с четверкой под Восточный Домбай. Я этот маршрут хорошо знаю, но сейчас совсем не узнаю. Всё снивелировано, разбито, сглажено. Мы уходим по Южной стене Главного Домбая, правее карниза. Камни бьют прилично. Бьют так, что у Безлюдного от каски остался один ободок. У Славы Онищенко тоже разбило каску. Каски слабенькие, но своё дело они сделали. Представляешь, если бы их совсем не было?!

С двумя ночёвками подошли к ребятам. Их надо было видеть. Полочка чуть больше стола. Лежит Кулинич — детский врач, кандидат наук. Я его плохо знал. На груди у него камень, который ребята не смогли сдвинуть. Раздавило даже стальной карабин. Сидит Боря Романов, Коротков лежит. Как я увидел эту картину, не мог вымолвить ни слова. Я ещё не подошёл, вижу их метрах в 40. Знаками обмениваемся с Онищенко: один мёртвый, один живой, один (Коротков) лежит и непонятно, жив или нет.

Ворожищева я совсем не вижу.

У Короткова оказалось 13 переломов: таз, бедро, грудь. Борис смотрит на меня, я показываю, что сейчас к ним подойду. Третьи сутки они без еды и без воды. Они уже пытались связывать верёвки, чтобы в таком состоянии подойти к снежнику за водой. Я спускаюсь к ним, остается три метра до них и не хватает верёвки. И тут вдруг у меня страх, психологический тормоз. Не могу спуститься без верёвки и всё. Еле-еле пересилил себя.

— В такой ситуации, Володя, это понятно. Просто так идти по скалам, когда у тебя под ногами глубина в сотни метров, без верёвки страшно. А тут...

— Спустился. В нише лежит Ворожищев. У него подозрение на перелом основания черепа. Он то приходит в сознание, то теряет его. У Бориса Романова перелом рёбер и пробита плевра лёгких, началось кровохарканье. Борис спокоен, как всегда, но дышит с трудом. Скажет слово и должен отдышаться. Чёрный весь. При такой травме, как у Ворожищева, редко кто остаётся жить, а он помогал нам спускаться. Оказали мы первую помощь, как смогли, Романов и Ворожищев ведь врачи, теперь надо их транспортировать.

Когда подошла вторая четвёрка со всеми спасательными причиндалами, упаковали Кулинича. Если это можно назвать упаковкой, всё же рваное в клочья. Где-то на полпути он распаковался. Спустили на сто метров. С продуктами полный завал. Даю «SOS», нужны продукты. А тем временем идут спуски на тросах и с подвесными ночёвками. Тросовая система спуска пострадавших на скальных отвесах незаменима. Шестимиллиметровый трос ста метров при помощи тормозного барабана и страховочной лягушки (она для закрепления троса намертво при необходимости) позволяет потихоньку спускать по стене одного или двух пострадавших. Стометровые тросы наращивают.

Мы спускали всех по два человека: пострадавший и сопровождающий. Спуск очень сложный. На 5—6-й день продукты совсем кончились. У меня в радиостанции село питание. Я начинаю имитировать связь, для спокойствия ребят. Но Борис сразу понял, что я их обманываю.

Эрик Петров целый день набирал флягу воды на скалах, по капельке капало во фляжку. Мы разбавили этой водой несколько ложек чёрной икры, единственной из оставшихся продуктов. Представляешь, какая мерзость получилась? С этим «супом» я обошёл сначала больных, и нам немного осталось. Калории были так нужны!

Я выхожу на гребень и вижу: на перевале людей тьма.

Слышу их разговоры, кто-то кричит: «Опять тушонка!» Нервы сдают, я начинаю выходить из себя. Пошёл нецензурный монолог. Безлюдный меня остановил. Там были Беляев и Кораблин. Беляев кричит: «Володя, спусти трос, я по нему залезу». Ну, думаю, ещё один придурок. А они ребята золотые, на следующий день подошли к нам. Как я увидел Беляева и Кораблина, то понял, что всё, я уже не руководитель спасработ, моя миссия закончена. Единственно, что я мог ещё сделать, это ограничить первый приём пищи. Разрешил на всех банку сгущенки и немного сухариков. Есть очень хотелось, но надо было ограничить еду на первый раз. Не все понимали, чем пахнет сейчас эта еда. Меня начали уговаривать, и я не смог устоять на уговоры Вербового, который просил разрешения съесть по 1—2 шпротины.

Спустили всех ребят, остаются Безлюдный, Беляев, Кораблин и я. Три или четыре рюкзака. Нанизали мы их и стали спускаться. Вдруг слышу крик Кораблина: «Володя, закрепись на стене, счалку заело!» Чтобы протащить трос, надо его разгрузить. А мы на нём висим, и до стены пять метров. Я понимаю, что мы катастрофически застряли. Висим мы с Безлюдным, крутимся вокруг себя, и вдруг я чувствую свободное падение. Безлюдный так схватился за меня, что на спине остались шрамы, отпечатки его пальцев. Оказалось, они пропустили счалку, сделали слабину, и эта слабина проскочила.

Хотя наш спуск сопровождался камнепадами, всё окончилось благополучно. Пришли мы в Домбай, стою разговариваю с начальником «Белалокаи» Гуревичем, а рядом стоит его жена. Я отхожу, она спрашивает: «Кто это?» Гуревич: «Кавуненко». Она как заплачет. Представляешь, не узнала меня. Я потерял за эти спасработы 14 килограммов веса.

Кулинича похоронили на Домбайском кладбище альпинистов, Ворожищев умер на пике Победы, Вербовой ушёл на Ушбе, остались Борис Романов, Слава Онищенко, Юра Коротков. Замечательные люди. Борис Романов заведует кафедрой в мединституте, Онищенко — отличный спортивный врач.

При этом землетрясении много хороших ребят погибло. Вся группа Мышляева, кроме двоих.

На следующий день, когда наблюдатели увидели, что творится на леднике под стеной, где мы были, нашу команду спасателей сочли погибшей. По радиосвязи передали, что Кавуненко и Вербовой погибли. В течение суток нас поминали, выпили, небось, за упокой наших душ. Первые поминки по мне. В дальнейшем меня поминали ещё не раз.

Когда закончились спасательные работы в Домбае, ребят увезли в Москву. Мне было нужно ехать в «Безенги», там

«Спартак». Сбор разрядников. Чувствовал себя неважно, фантастическая слабость, движения неуверенные, сказывается потеря веса. В это время получаю радиограмму от Каспина: «Срочно заняться подготовкой для поездки в Болгарию, для участия в международных соревнованиях по скалолазанию».

Всё тот же 63-й год. Я ещё не бывал за границей. Заманчиво, конечно, но у меня хватило ума дать радиограмму, что физически не готов и не смогу принять участия в соревнованиях. Я боялся, не успею физически подготовиться. Повторная телеграмма: «Срочно начинайте подготовку с Хергиани для поездки в Болгарию».

У нас в запасе всего три недели перед выездом в Болгарию. Передал дела и поехал в Нальчик. Здесь мы познакомились с Мишей Хергиани по-настоящему. Конечно, я был с ним знаком. Но мы никогда не ходили вместе. С этого момента мы по 7—8 часов не слезали со скал в альплагере «Шхельда» и потом в Крыму. Мы ежедневно набирали форму. Я пришёл в такую спортивную форму, какой у меня никогда не было. Международные соревнования, — надо показать, что и у нас есть спортсмены, на что мы способны.

Болгария

— Мы с Мишей Хергиани готовимся к Болгарии. Я предложил работать босиком, он согласился. Возникла идея пойти в альплагерь «Улутау» к Чернослівину босиком, попросить у него образцы титановых крючьев. Идти босиком — дурная затея, но самое обидное, что Чернослівин не дал нам ни одного крюка. Только показал. Путь назад — настоящая пытка.

У нас было десять дней в Крыму. Сбор из двух человек, Миша начальник сбора, я участник. Работали без обеда, брали с собой перекус и уходили на скалы утром, возвращались вечером. Постоянно меняли ведущего, то он, то я. По правилам соревнований в Болгарии при одном ведущем теряются очки, поэтому мы шли первыми по очереди.

Там был такой случай: при выходе на Крестовой скале (обычный наш союзный маршрут скалолазания) он схватил ледовый крюк, вбитый в скалы, такой хваткой, что вырвал его с породой. Какую надо иметь силу, чтобы вырвать из скал ледовый крюк! Потом он стал «порхать». Это был наш первый полёт, но не последний. Сработала страховка, всё обошлось нормально. Отработали мы со Сваном все крымские скалы, я говорю: «Поехали, отдохнём в Севастополе».

Сели мы на пароход, познакомились с какими-то девушками. Тары-бары, разговоры. Вот когда Миша разошёлся, я понял, мне

делать нечего. Настолько он был остроумным, весёлым, талантливым. Мне слово негде вставить, он вёл себя просто здорово, блестяще.

— Ну не скромничай. Ты всегда был самым красивым парнем, на тебя женщины обязательно оглядывались.

— Выражение «самый красивый» не для мужчин. А то будут называть «Марья Ивановна». Сван был хорош во всех отношениях.

После бешеной подготовки летим в Болгарию, С нами Саша Каспин — начальник управления альпинизма, функционер высокого класса. Мне он симпатичен. Спортсмен он не очень, но начальник хороший. Меня устраивают люди, которые доходили до мастеров спорта и не шли дальше. Они ценнее, чем те, которые продолжали ходить, и это заканчивалось катастрофой для других.

В Болгарии отношение к нам замечательное, встречали, начиная с Софии. Душевное отношение, всюду внимание. Приехали в Врацато, устроились. Маршруты протяженностью 350—400 метров стены. По классификации высшей категории трудности. Глянули мы на них и только тут поняли, что нас ожидает.

Главный у них Георгий Атанасов, я познакомился с ним ещё в Домбае. Скалолаз высочайшего класса, его в Болгарии называют «Паук». Он маленького роста, весом не больше 50 килограммов. В Домбае он вместе с Олегом Троицким и Колей Семёновым сходил на Восточный Домбай. Но поскольку Троицкий и Семёнов уже в годах, люди солидные, они шли по-семейному. А Георгий — конь, ему нужен темп. Пришёл он расстроенный. Меня вызывает Кропф и говорит: «Вот Георгий Атанасов не доволен, как прошли маршрут на Восточный Домбай. Пройди с ним пару маршрутов».

Начали мы с ним с Южного Домбая. И когда стартанули с Птышских ночевок, а мы шли двойкой я так рванул, чуть ли не с низкого старта. Думал умру, в таком темпе шел. Чтобы показать Георгию, какие мы мощные. Надо же придумать такую глупость. И когда Георгий сказал: «Володя, подожди, мне надо в туалет», я так обрадовался. Это спасло меня. А когда я увидел, что Георгий сел, не снимая штанов, и еле дышит, то я понял, в чём дело. Я его загнал. Как и себя. Сообразил наконец, какая это глупая затея, и дальше мы пошли нормальным темпом. Сделали с ним ряд скальных маршрутов и подружились.

Георгий Атанасов сказал, что в Болгарии будет 17—18 стран. Фавориты альпинизма: «Вы первые русские, никто вас не знает, мне известно, как вы ходите, в первую десятку попадёте». Снаряжение у нас прекрасное, ворованный титан. Ребята для себя делали титановые крючья в почтовых ящиках, на закрытых оборонных заводах. Титан ведь был стратегическим, секретным

сырьем. Аналогов металла, легкого, как у нас, ни у кого не было. Перед отъездом мы получили ещё новые скальные французские туфли.

Когда мы со Сваном посмотрели на маршруты, то нам, честно говоря, стало как-то не по себе. Все маршруты отвесные, по 90 градусов. Спросили разрешения у Георгия пройти их, познакомиться со стенами. Скалы из крепкого известняка, типа крымских. Довольно много зацепов, есть за что взяться и куда ногу поставить. Все скалы классифицированы до 6-й категории. Есть маршруты на этих стенах даже с ночёвками. Прошли пару маршрутов, стало на душе легче. Шли мы с Мишей довольно легко. Постоянно менялись, прошли несколько небольших карнизов и даже без лестниц, настолько хороша была подготовка. Вешали несколько карабинов и держались за них руками. Почти все маршруты окрючены.

На следующий день мы заявили одну из двух «шестёрок». Маршрут называется «Второй конгресс». Первый раз его прошли с ночёвкой, потом повторили за 18 часов, потом за 12. Нас предупредили, чтобы взяли воду и всё необходимое для ночёвки. Мы с Мишей, конечно, сначала изучили маршрут. Вышли под стену, переглянулись, Сван говорит: «Давай мы сейчас перекусим, а всё остальное, необходимое для ночёвки, оставим здесь». Так и сделали. Взяли одну флягу воды и начали лепить в крымском темпе.

Был интересный момент. Верхняя часть маршрута уходила вправо на 30 метров, вверх на 15 и затем влево. Получалась лежачая буква «П». Я спросил у Георгия Атанасова, почему такая большая петля, он отвечает, что кусок этот непроходим, там невозможно сделать страховку. Я это запомнил. Получилось так, что на этот кусок я вышел первым. Когда мы со Сваном обсуждали этот участок, то решили идти прямо, а не делать эту букву «П». Там очень крутой желоб и черепичные скалы не в нашу сторону. Захват идёт снизу. Скалы крепкие, ничего не сыпет. Я прошел метров 7-8 при 70—80 градусах. Идётся нормально, новые скальные туфли держат. Потом идёт прямой участок 90 градусов и дальше желоб ложится на 80 градусов. Подошёл я к этой ступеньке, стал её переходить и чувствую, мне не хватает рук. Я завис. И не могу ни вниз, ни вверх. В таком положении никогда не был. Кричу: «Сван, у меня плохо. Возможен срыв». — «Хохол, не вздумай!». У меня начинается дрожь от физического перенапряжения. Сван кричит: «Хохол, держись!» Я держусь. Миша идёт на полку, снимает страховку и подходит ко мне. Я понимаю, что если сорвусь, порхать будем вместе. Сван подходит под меня и говорит: «Держи ноги».

Я не чувствовал, как он использовал мои ноги и использовал ли их вообще, но он переходил через меня. Другого варианта не могло быть. Сван опять говорит: «Держи левое плечо». Я уже на пределе. Он переходит через меня, проходит метров 12 по крутому желобу. У меня уже нет сил держаться. Вдруг слышу удар молотка. Раз молоток, значит, будет крюк. Сван натягивает верёвку, и в этот момент я отпускаю руки. Меня качнуло маятником, Сван подтянул верёвку, я прошёл эту ступеньку. Дальше пошли нормально, проблем не было. Весь этот маршрут мы проходили на глазах у зрителей. «Шестёрочные» маршруты, а их всего два, всегда вызывают интерес. Весь маршрут мы прошли меньше чем за пять часов, вдвое быстрее, чем предыдущие скалолазы.

Пришли вниз, решили отдохнуть, посидеть, выпить чего-нибудь. Подходит Георгий и говорит что румыны прошли вторую «шестёрку» и говорят, она сложнее нашей. Видим, идут какие-то разговоры. Мы с Мишей отставляем в сторону налитые уже стаканы с вином и решаем на следующий день сделать румынский вариант «Винкель». Завод у нас приличный. Всё узнали, проконсультировались и прошли этот маршрут, обставив румын на два часа. У нас наступила такая хорошая спортивная форма, какой у меня больше уже не случалось.

Спустились вниз, публика ликует. Мы с Мишей решили отметить победу. Только налили в стаканы, опять подходит Георгий Атанасов и говорит: «У нас есть прекрасный маршрут. Так как вы ходите и с вашим снаряжением у вас не будет на нём проблем. Пройдите его на память».

Маршрут действительно прекрасный. Там есть место, которое мы назвали «Кровавое зеркало». Из-за цвета. Цвет тёмно-красный, кардинальский. Огромное пятно, по высоте метров 40 и по ширине метров 15. На этом участке общая отрицаловка и обходов нет.

Набрали мы снаряжения и начали маршрут. Собралось много зрителей. Первая часть маршрута проходила вне поля их зрения, низа не видно. Быстро прошли под зеркалом два карниза. Уже на самом зеркале выветренная дырка, я туда забил дюралевый клин, повесил лестницу, всё хозяйство, принял Мишу.

Рассмотрел и понял, что это за порода на зеркале. Это колония микроорганизмов, по глубине миллиметров на 5—6, довольно рыхлая.

— Как мох, что ли?

— Нет, кораллы. Здесь надо бить шлямбура под завязку. Мы с Мишей не любили шлямбура и всякие искусственные опоры, но пришлось. Сван забил 5—6 шлямбурных крючьев и работает на

площадке. В это время он оказался чуть за мной. И вдруг он начинает «порхать» мимо меня вместе с площадкой. В моей голове одна мысль — на какой верёвке повиснет? У него две, синяя и красная. Крючья вылетают, как гвозди. Дзинь, дзинь! Я понял, что у меня наверняка останется клин. Беру обе верёвки, руки голые. Протравливание при рывке. Часть верёвки я всё же отдал Мише, он завис. А я увидел, что у меня всего полметра верёвки в руках осталось.

— Сколько же у него было падения? Падение ведь свободное.

— Да. Свободное падение метров на двадцать.

— Когда вырывались крючья, он этим гасил падение?

— Конечно, гасил. Если бы крючья не вырывались, то клин мог и не выдержать. Я посмотрел на руки. Хреновая картина, крови нет, но ладони порваны, белые сухожилия наружу. Вид не для слабонервных. Сван кричит: «Выдай верёвку, Володя!» Видно, когда он падал, его перехлестнуло верёвкой. Вроде за шею давило. Я начал выдавать верёвку, а на ней висят кусочки кожи. И больно. Выдал я ему веревку, Миша встал, и я слышу, он забивает крючья. Зачем, думаю? «Хохол, ты готов вперёд лезть?» — «Нет, Сван, у меня руки обожжены, я и вниз не сильно готов». Миша закрепил верёвку, я стал готовиться к спуску через пожарный узел. Этим способом можно спускать самого себя. Закладывается верёвка в твой карабин на груди, и ты можешь спускаться фактически без усилий. Или напарник может спускать тебя на верёвке, закреплённой на крюке. Сделал я пожарный, подошёл к карнизу, который прошёл перед страховочной точкой, чувствую руки у меня плохие, не удержаться.

С карниза кричу Мише, прошу подтянуть верёвку немного для того, чтобы я завис, и у меня не было бы маятника. Миша подтянул верёвку и вдруг я чувствую, ломается единственный клин, на котором всё держится. Я хотел, кстати, попробовать этот клин молотком, но не смог удержать молоток в руках. Подумал, раз клин выдержал Мишу, значит, выдержит и меня. Но он дал трещину. И я начал свободное падение. У меня был небольшой рюкзак, он меня перевернул, и я лечу вниз головой до Миши и от Миши дальше.

Говорят, в критические моменты люди начинают вспоминать биографию, маму, папу, и жизнь перед ними проходит как кинолента. Ничего подобного у меня не было. Весь полёт я боролся за то, чтобы лететь вертикально и головой вверх, ногами вниз. Отвес, ни одного касания. Миша мне потом рассказывал, что я делал такие акробатические этюды, выкидывал такие перевороты, будто я в цирке работаю. Он никак не мог понять, что я делаю.

Приземлился я на косую полку, она слегка погасила прямое падение, спасла же верёвка, которую Миша натянул. Тем не менее я получил 17 переломов.

— Полка тебя остановила или верёвка?

— И то и другое, но одна полка меня бы не спасла, верёвка сильно задержала. 17 переломов: все плюсневые кости (видно, первый удар пришёлся на ноги), затем бедро, лопатка... Сотрясение сильное. Миша подошёл ко мне на полку, у меня сильная рвота. До земли 60 метров. Миша говорит, надо спускаться.

Мой полёт снизу не был виден, все видели только падение Миши. Вышли спасатели. У нас две веревки, одна 60, другая 40 метров. Мы, конечно, могли подождать спасателей, но в горячке разве поймёшь!

Стали спускаться. Закончилась страховочная веревка, и Миша вдруг говорит. «Сможешь метров 20 спуститься сам по закреплённой веревке?» Мозги у меня не работают, говорю, что смогу. Сделал пожарный, начат спуск и тут только дошло до меня — рук-то у меня нет. Я опять начал падать и сел мужским хозяйством на какой-то выступ. Боль была настолько острой, что всё остальное я перестал чувствовать. В это время я увидел спасателей Георгия Атанасова и успел крикнуть, чтоб сильно не тянули за верёвку. Иначе не выдержал бы боли. Спустили меня уже без сознания.

Очнулся, мне делают перевязки, накладывают шины, голову бинтуют. Когда мне всё сделали, Миша взял меня на спину. У него тоже порваны мочки пальцев, кожа на спине содрана, множество ушибов, но переломов не было. И он взвалил меня на спину, ни за что не хотел отдавать меня спасателям и нёс на спине по осыпному склону до самой дороги, а по бокам, как эскорт, шли спасатели. Я говорю: «Сван, отдай!» — «Не отдам».

Донёс меня до дороги, там уже ждала санитарная машина, отвезли в больницу. Всю одежду снять не могли, её просто разрезали ножницами. Состояние у меня настолько хреновое, что не мыли, протирали какими-то растворами. Перевезли в больницу Софии. Все переломы закрытые, всего загипсовали. Физиономия сильно разбита, вместо глаз одни щёлочки. Я даже сейчас удивляюсь, почему не осталось шрамов.

Из больницы перевели в шикарную гостиницу. Министр культуры и спорта сделал заявление, что предоставляет нам с Мишей открытый счёт. Мы можем заказывать, покупать всё, что душе угодно. Представляешь, по тем временам и открытый счёт? Интересная началась жизнь. Прикрепили к нам специального официанта, приходит в смокинге, бабочка, салфеточка... «Дую

спик инглиш?» Не знаю почему он так спросил, видно ему сказали, что разбился иностранец, но не объяснили какой. Мы с Мишей переглянулись и между собой на русском переговариваемся, что, мол, ему нужно? Официант как услышал русскую речь, обрадовался: «Так вы русские! Братушки! Я по-русски говорю так же, как по-болгарски. Что вам принести?» Я ему говорю: «Давай каждый раз приноси нам новое болгарское блюдо, чтоб мы узнали болгарскую кухню». На том и договорились.

Поскольку я очень не люблю все эти «утки» больничные, то у меня возникла проблема с туалетом. Я пытаюсь делать это сам, без посторонней помощи. И вот я, весь загипсованный, наматывал себе на локти, что было под рукой, и таким образом сползал с кровати. Миша мне помогал, но часто я делал это сам. Сползал с кровати и на четвереньках полз в туалет.

И вот однажды, когда я уже дополз на четвереньках к двери, открывает её наш официант с подносом. Он так растерялся, что уронил поднос со всей едой и посудой. Потом он мне рассказывал, что сильно испугался, думал, что я сейчас начну гавкать.

К нам приходили гости: немцы, болгары, румыны, австрийцы — альпинисты, участники соревнований. Мы привезли с собой две банки осетровой икры. Синие такие банки были, помнишь?

— А как же! По 1,8 кило.

— Все наши запасы и водку ставили на стол. Приходит наш официант и видит, мы едим ложками чёрную икру прямо из банки. Он второй раз чуть не уронил свой поднос, увидев такой беспредел. Тут же взял хлеб, аккуратно нарезал его и намазал икрой, сделал нам культурные бутерброды.

Когда нас грузили в самолёт, был прямо крестный ход с подарками: ящики с вином, корзины с виноградом, сувениры. Трудно передать, сколько принесли они всего и главное теплоты, дружеских чувств. И сейчас там остались друзья. Я потом несколько раз бывал в Болгарии после этого, и всегда нас встречали, как самых дорогих друзей. А теперь вон НАТО к ним подходит.

Сели мы в самолёт. И опять судьба. Нас обслуживал тот же экипаж, та же стюардесса — красавица. Я сразу её узнал, а она меня всего загипсованного не признала. Я ей говорю: «Вы меня не узнаёте? Я же с вами летел». Она аж расплакалась, увидев меня в таком виде.

В Москве нас встречали Арий Иосифович Поляков, Александр Каспин и Римма Владимировна. Мы из аэропорта едем прямо в Центральный институт травматологии и ортопедии. Едем туда,

куда после землетрясения 63-го года я отвозил Бориса Романова, Володю Ворожищева и Юру Короткова. Мы привезли их в июле, а я еду в сентябре.

Арик — начальник, он занял место рядом с водителем. Меня надо было туда посадить, ведь я в гипсе. Но это меня спасло. Опять судьба. Мы ехали по Ленинградскому шоссе, около Белорусского вокзала на пересечении с улицей Правды врезаемся в грузовик. Разбились прилично, машину покорёжило. Арий Иосифович лбом разбил лобовое стекло, немного поранил лоб, но, в общем, пустяк. Если бы я там сидел, я бы вылетел через лобовое стекло, руки у меня в гипсе, упираться нечем. Каспин сидел справа, сломал ключицу. Я тоже сломал ключицу, которая оставалась ещё целой, сломал гипс на ногах. Римма Владимировна, как сидела, так и сидит, никаких травм, только испуг. На улице хлещет дождь. Двери у машины заклинило, сами не можем выбраться. На перекрестке образовалась пробка. Вынули меня из машины, люди удивляются: только что произошла авария, а я уже в гипсе. Арик сидит и кричит: «Ой, умираю!»

Когда приехали в ЦИТО, Арик пропал. Начали его искать, а он уже оказался в операционной, и ему первому помогали.

Монблан

— Италия 64-го года для нас была первой настоящей заграницей. Если не считать мою Болгарию.

Ты помнишь, в Италию мы попали неожиданно, как у нас бывало. Кто-то, где-то, что-то решил, подписал и нас всех прямо с Кавказа, с Памира — в Италию. Дома всего несколько часов побыли и прямо из ЦК в самолёт.

Кто с нами был? Саша Каспин, он всегда руководил заграничными поездками; Владимир Кизель, физик, профессор — в качестве тренера; из Ленинграда Гера Аграновский и Костя Клецко; из Москвы Володя Шатаев, ты и я. Все мастера спорта, Кизель — заслуженный. У нас на Кавказе были итальянцы во главе с их министром культуры и спорта Фабиаио Савиацем. Его по обычаю свирепого кавказского гостеприимства так напоили, что он два дня голову не мог поднять. Вот он нас и приигласил. Предложил несколько вершин, гидов дал. Мы, конечно, ни по-французски, ни по-итальянски не соображаем, один Кизель у нас языки знал.

Накачка в ЦК, чтоб все при галстуках и никаких выкидонов. А прилетели в Милан, идёт по аэродромному полю нам навстречу министр Фабиаио Савиац в ковбойке с засученными рукавами. Мы тут пиджаки скинули, галстуки в карманы и больше их не

надевали. Нас в ресторан, перед каждым графин вина.

— С расширяющимися горлышками.

— Но мы же советские альпинисты, мы вина не пьём. А у них вино вроде супа, на первое. Мы сперва игнорировали эти графинчики, потом привыкли. Наши гиды даже на вершины брали с собой сухое вино вместо воды. Привезли нас в горы, на подъемнике доставили в хижину «Торино».

— Рифудже Торино. Так у итальянцев.

— Одно название — хижина, на самом деле трёхэтажный дом над ледником. Как он назывался?

— Мэр де Глас, вроде. Он во Францию уходит, с той стороны Шамони.

— Высота 3370, напротив стоит Монблан. С одной стороны хижины — Италия, с другой — Франция. Жили, как боги, далеко ходить не надо, вершины рядом. С нами француз Франко Гардо, знакомый нам по Кавказу, и ещё один гид — итальянец Джино Бармас.

— А помнишь, Володя, в хижине от нас не отходила некая горнолыжная дама с чисто собачьим именем — Линда?

— Как не помнить. Весёлая блондинка.

— Шатаев мне говорил: «Ты что делаешь?! Она же приставлена, она шпионка». А когда мы вернулись в Милан, она повела нас в большой магазин, и сказала: «Выбирайте себе каждый, что хочет».

Не помню, что ты взял, я выбрал большую книгу «Птицы Италии».

— Линда оказалась женой знаменитого адвоката и коммунисткой. Помню, помню. Но больше всего мне запомнился, Саша, бармен в хижине. Он всё кричал нам: «Хорошо! Молоко! Картошка!» Он был у нас в плену, русские женщины, сами голодные, подкармливали его, вот он нас и пичкал всё время пивом. А как мы скатали в Париж! А?

На Дельта Жиганте мы взяли одного клиента, француза или итальянца, не помню. Вернулись, он предлагает нам деньги за это. Мы, конечно, отказались. А Гардо взял у него деньги и сказал, что на эти деньги мы с ним поедем в Париж. Уговорили Каспина, он согласился оформить визы. Мы сели в автобус, из Италии переехали во Францию и через всю страну с юга на север до Парижа. По тем временам довольно авантюрное мероприятие для советских людей. Мы, конечно, с удовольствием пошли на эту авантюру, но и Каспин молодец. Не побоялся без разрешения ЦК махануть в Париж.

Сделали несколько восхождений. Для разминки сходили на Монблан. Маршрут не сложный, но всё-таки высшая точка Европы

(48-10). Главное восхождение — стена Гран Капуцино. Она давит, конечно, своей крутизной и мощью. Начало несколько необычно. После 30—40 метров сложного шестерочного лазания идёт не менее сложный траверс, вправо и без крючьев абсолютно гладкая стена. Этот траверс проходится на микрозацепах с минимальным количеством трещин. Идёшь на трении.

На 500 метров забито 400 крючьев. Конечно, не все крючья хорошо сидят, их надо было проверять. В первый день мы прошли 7—8 карнизов. Мой рост позволял мне работать первым, используя старые крючья, но я устал идти первым, и тогда попробовал первым выйти Костя Клецко. Но ему не хватало роста, он ниже меня. Пришлось опять идти первым. Мы тогда впервые узнали, что местные альпинисты ходят с «удочкой». Это маленькая деревянная или бамбуковая палочка с крючочком. Они берут удочкой лесенку и надевают её на верхний крюк.

В первый день мы устали очень сильно. Фактически прошли маршрут, нам оставался последний большой карниз и дальше выходим на нос, который выводит на вершину Гран Капуцино. И вот, когда мы подошли под этот нос, началась сильная гроза. Нам было очень плохо. Во-первых, мы промокли до нитки, во-вторых, с этого носа при грозе шли большие фосфорические столбы. Они трещат, зрелище впечатляющее. Гера Аграновский шел последним, и ему доставалась черная работа — выбивать крючья, снимать карабины. Он весь в железе. Гера не мог взяться за верёвку, по ней шли электрические заряды. Так мы мучались, пока гроза не кончилась. На следующий день мы поднялись на вершину и начали спуск. Довольно неприятный, «пятёрочный».

Потом в хижине теплая встреча. Сам Бонати с группой клиентов пришёл специально для того, чтобы в бинокль с балкона «Торино» посмотреть, как русские пройдут его знаменитый маршрут. Мы первыми проходили его четвёркой, все на Гран Капуцино до нас ходили только двойками, двойка более мобильна.

Маленький городишко Бреуль, построенный для альпинистов и горнолыжников. Под самым Маттерхорном на высоте более 2000 метров высокий отель «Компаньони». Маттерхорн, Саша, так себе работа. По-нашему, что-нибудь 4 б. А у них — достижение! 4478 метров! Специальные значки мы получили, прямо, как за Ушбу.

— Но всё-таки, Володя... Даже в день нашего восхождения на Маттерхорне погиб один француз и замёрз англичанин. Англичане шли из Швейцарии и схватили холодную ночёвку. Один замёрз, остальных сняли помороженными.

Меня поразило тогда, что в нижней части маршрута в скалы

вцементированы кресты и портреты погибших на этом маршруте альпинистов. Идёшь как по кладбищу. Берёшься за выступ, а на тебя смотрит очередной покойничек. Впечатляет...

— Поднялись мы тогда не все, с нами были Гарда и Бармас. Кизель остался в хижине, а Каспин не пошёл.

В Бреуле мы познакомились с Компаньони. Он знаменит тем, что вместе с Лачеделли впервые поднялся на К-2, на вторую по высоте вершину мира. Не забыть, как мы сидели у него внизу, в баре. Сам отель огромный, в 12 этажей. И сверху вниз светятся буквы — «Компаньони». Помнишь, мы сидели у огромного камина, он в грубо вязаной кофте, в толстых шерстяных носках, руки без пальцев на коленях...

Он рассказывал нам о том как они поднимались к вершине, и Лачеделли был совсем плохим и всё время спрашивал его: «Кто я?» — «Ты Лино Лачеделли». —"Куда мы идём?» — «Мы идём на вершину». Потом появилась Белая женщина. Помнишь этот рассказ?

— Хорошо помню, Володя.

— Белая женщина шла за ними до самой вершины. Компаньони говорит: "Лино, посмотри назад. Что ты видишь?» — «Я вижу Белую женщину, она идёт за нами». И тогда Компаньони стал думать, кто это — их смерть или судьба? И решил, что, если они дойдут до вершины, то женщина исчезнет, если нет, то это их смерть. И когда они поднялись на вершину, Белая женщина исчезла и больше не появлялась.

Не знаю, насколько это правда. Ведь, если бы её видел один, то можно было бы вполне объяснить это горной болезнью, но когда два человека видят одно и то же, такое объяснить трудно.

И вот мы в Париже, хотя Франция у нас не была запланирована. Потом меня долго приглашали по линии райкомов партии и комсомола в разные учреждения, где я показывал слайды и рассказывал об Италии и Франции. Мы много ездили с Юрой Визбором, он пел, а я рассказывал. Объездили всё Подмосковье: Дубна, Обнинск и другие научные городки. Тогда ведь за бугор ездили мало и всем было интересно послушать.

— Мы ведь тогда и по телевизору выступали всей группой, помнишь, Володя?

— Было дело. Ведь мы проехали пол-Франции, было о чём рассказать. Помнишь, маленькие городки, улицы которых были засыпаны мандаринами? Таким образом фермеры протестовали против понижении цен. Машины едут по мандаринам. Для нас такое дико, звериное лицо капитализма. Мы только читали о том, что зерно тоннами топят в море, тут — пожалуйста! А Париж?

— Мы с Герой Аграновским не спали, ходили по ночному Парижу.

— Помнишь, Саша, как Кизель сказал, когда мы ехали в Париж: «У меня четыре желания — суп Кансоме, луковый суп; устрицы; стриптиз; рынок "Чрево Парижа". Всё ему удалось, кроме стриптиза. По тем временам это такой криминал! Но мы с Костей Клецко, тайком от всех, сели с Ардо в такси и поехали. Вытащил он справочник, а там 200 заведений, начинающих работать с 23 часов. Куда ехать? Гардо выбрал одно, приехали, нас встречает человек и смокинге. Проводит за стол. Не успели сесть, как к нам подходят три девушки. У одной эксцентрическое декольте, у другой просто одна грудь наружу, правда, красивая грудь. Тут подошли официанты, один несёт вино, другой закуски, третий сигареты. Гардо нас успокаивает, деньги есть, полученные за «Зуб Великана».

И стриптиз посмотрели. Высокого класса зрелище, красивый танец. Раздевание видели впервые, для нас это было просто откровение. За девиц Франко тоже заплатил, они были включены во входную плату. Мы так и не поняли, для чего они, — просто развлекать нас были должны или надо было переспать с ними. Видимо, второе, ибо хозяин заведения очень расстроился. Вам не понравилось? Может, заменить? Что вы ещё хотите?

Тогда всё это было для нас так необычно, а теперь по телевидению у нас одни голые задницы, смотреть противно.

Когда ночью шли по Парижу, по набережной Сены, везде стояли женщины. Конечно, все они хотят снять клиента, но как подходят, сколько такта!

— Не скажи, Володя. Мы с Герой тоже ходили по ночному Парижу, к нам тоже подходили. Мы говорим: «Не понимаем». А они отвечают: «Не понимай, не понимай! Советико импотентико!»

Помнишь, какая у нас была гостиница? В стиле ретро. Венские стулья, старинные комоды конца прошлого века, обои в стиле модерн. Симпатичная маленькая гостиница.

— Помнишь, как мы опаздывали на самолет? Видим, что опоздали на рейс, не рассчитали время. Каспин аж чёрный. Но рейс случайно задержали. Какое для нас это было счастье!

Австрийская школа альпинизма

В Австрии существует всемирно известная школа альпинизма. Тренерами в ней работают лучшие альпинистские гиды мира. И вот в нашу Федерацию альпинизма пришло приглашение принять участие в работе этой школы. Ануфриков звонит мне: «Поезжай». Вторым выбрали Володю Углова, как знающего немецкий язык. Правда, на месте оказалось, не очень он

его знает, но это неважно.

Школа в горах. Порядок в ней такой: у тренера всего два ученика и занимается он с ними всего семь дней. Клиенты приезжают отовсюду. Инструктор-тренер получает шикарную форму и ходит только в ней. У меня по сегодняшний день сохранился свитер с водостойкой пропиткой и с эмблемой австрийской школы альпинизма. Руководит школой Фриц Моровец.

На общем собрании Фриц представляет клиентам тренеров, даёт каждому характеристику, называет их лучшие восхождения. По набору вершин у меня полный порядок. Семитысячники, по тем временам, высоко котировались.

Мне в отделение попались два здоровенных парня, на полголовы выше меня, где-то под метр девяносто, и одна девушка. Мы познакомились. Я сказал, что не очень разбираю по-немецки, плохо соображаю по-английски, но хорошо говорю по-русски и еще лучше по-украински. Ребята были французами. Сильные легкоатлеты, девушка из Израиля. Распорядок дня такой: 6:00 — подъём, играет лёгкая приятная музыка. 15 минут на туалет и завтрак, которого практически нет: «мюсли» (это овсянка с орешками), чай или кофе и несколько бутербродов с собой. В 6:30 уже выход на занятия, на скалы. Языковой барьер погашался за счёт жестов и показа. Всё было понятно! и без слов.

С Володей Угловым мы сначала старались быть поближе друг к другу, ведь он немного все-таки знал немецкий. Но в первый же день оба не поняли, когда у нас обед. Задержались на час. Я думал, у нас будут неприятности, но участники нас благодарили за то, что мы с ними лишний час позанимались.

— Ты, по старой привычке, называешь их участниками. Дурацкое это было название. Можно быть участником восхождения, но участником лагеря... Не по-русски. Но мы привыкли и не замечали этого.

— Нашими взаимоотношениями там и не пахло. И кормёжка не наша. Приходишь с занятий, тебе дают супчик, вроде нашего пакетного. Все маленькими порциями.

Такой же лёгкий ужин. Я думал, умру через три дня. Мы привыкли есть по-другому. И мы с Володей стали потихоньку добавлять в свой рацион то, что привезли для угощения, чёрную икру, чёрный хлеб, консервы. Гори всё огнём! Не помирать же с голоду. Мы привыкли, если хлеб, то полбуханки, если мясо, то в две руки. Но, ты знаешь, когда закончились наши продукты и мы вынуждены были питаться тем, что дают, мы стали привыкать к их количеству пищи. После этой поездки я стал есть гораздо меньше хлеба и вообще меньшими порциями.

Закончив занятия, все расходились по своим кельям и всё — тишина. Я стал сажать своих французов и девушку за стол, брал привезённую водку, икру. Мы чуть-чуть выпивали, знакомились. Одну бутылку пили семь дней на четверых. К нам потянулись люди. Я с бумагой и карандашом объяснял им, что я по профессии инструктор альпинизма, что у меня семья, сын, что наши горы — это Памир, Тянь-Шань, Кавказ. Наши вечерние посиделки заинтересовали многих. Фриц заметил это и, когда после первой смены приехали другие клиенты, закатил хвалебную речь в наш адрес. Я думаю, специально под одну клиентку, которую мне и передал. Эрна Траунэ, миллионерша из Вены. В прошлом известная манекенщица, а сейчас талантливый модельер и предпринимательница. Её модели женского и детского платья имели большой спрос. Попала в моё отделение.

— Опять «отделение», Володя!

— Ну привык, что делать?!

— Фриц несколько раз извинялся за то, что у меня в отделении три человека вместо двух. Эрна Траунэ по-нашему разрядница. В школе дают много скал, льда, техники безопасности, спасработы по самостоятельному выходу из трещины, что у нас тогда не преподавали. За семь дней учёбы — два восхождения. Закончили со вторым курсом, начался новый заезд участников, уже альпинистов «мастер-класса». Это последняя ступень по подготовке в школе. Им дают высшую технику по скалолазанию с применением искусственных точек опоры, дают лёд, два восхождения 5—6-й категории трудности. Одно ледовое, одно скальное. Я уже освоился полностью, никаких проблем с преподаванием.

В соседнем отделении был тренером немец. Мы из спортивного интереса наблюдали друг за другом. И вот в одно из воскресений он предлагает мне устроить соревнования. Он и я. Прекрасно понимаю, что мы в неравных условиях. У меня большой соревновательный опыт. То, что мы проводили по скалолазанию у нас в стране, нигде больше не бывало. Аналогов просто нет. Я согласился.

Наши соревнования предали гласности,и собралось в этот день много туристов. Стартовали по секундомеру. Протяжённость скал всего 50 метров. По жребию он стартовал первым. Готовлю себя к старту, завод сильный, будто защищаю честь Родины. Он прошёл маршрут, объявляют его время. Подхожу к старту. Я же взрывной, стартанул так, будто решается судьба. И просто вылетел наверх. Обогнал его на 30 секунд. Он не поверил. Сменили секундомеры и стартовали по второму разу. Разрыв по времени оказался ещё больше. Он подошёл ко мне, обнял меня и

подарил крючья. Мы стали друзьями. Потом я тоже одарил его титановыми крючьями. Его радости не было границ.

С разрешения Фрица сделали личное восхождение на «Гросс-Глокнер — по Ловичине» с Володей Угловым. Нормально прошли маршрут, но он не понравился, сыпучий какой-то. Потом в гордом одиночестве залепил ледовый маршрут. Фриц меня засёк, но никакой крамолы, там одиночные восхождения не запрещены.

Кстати, не помню, говорил я тебе или нет: когда Фриц рассказывал о снаряжении, он показывал образец итальянских крючьев, французских — любых. Говорит он прекрасно, показывает снаряжение артистично. Берёт ботинок, что-то объясняет, а потом выбрасывает его в окно. Это «швайн». В нём ходить нельзя. Получается очень эффектно. И вот он показывает наш старый, ржавый скальный крюк и нашу ледовую «морковку». «Это советские крючья». Мне неудобно и стыдно за это. После лекции подхожу к Фрицу и говорю: «Фриц, ты, что не знаешь, что у нас сейчас есть хорошее титановое снаряжение, которого еще нет в мире?» «Знаю, — говорит, — но у меня ничего вашего нет». Конечно, я подарил ему полный набор. Всё, что у меня было по одному экземпляру. Он хотел заплатить, но я отказался, сказал, что это подарок. Надо было видеть на следующий день, с каким восторгом он говорил об этих крючьях, как восхищался ими. А мне было приятно, что весь мир узнает наконец-то, что и мы не лыком шиты.

Почему я вспомнил этот эпизод. Когда Фриц меня рассчитывал, он вычел из моей зарплаты 1,5 дня за восждение на Гросс Глокнер. Вычел даже за сувениры, которые мне дал. Я считал их подарком. Потом я получил еще один подобный урок. Пригласил меня один тренер в ресторан. Выпили по кружке пива, подходит официант. Пригласивший меня платит только за себя. Я сижу и не пойму, мне неудобно. Деньги у меня есть, но сам факт?! Он меня пригласил, а я сам должен рассчитываться. У нас так не принято.

Миллионерша, что была у меня в отделении, хорошо закончила курс. Красивая, симпатичная, молодая женщина. Мы подружились. Она говорит: «Владимир, ты обязательно будешь гостем у меня в Вене. Я тебя встречу».

Когда закончился мой контракт в школе, Фриц предложил мне остаться на второй срок и обещал платить вдвое больше. Я крутился и так и этак, не понимает он, что срок у меня вышел. Не знаю, как ему объяснить, что виза у меня закончилась, и никто мне её не продлит. Потом говорю ему, давай я съезжу в Вену, зайду в посольство, может быть, и решу что-то. С этим и поехал.

В Вене зашёл в посольство. Меня спрашивают: «На какое

число у тебя билет?» Отвечаю. «Так вот, чтоб после этого числа духу твоего здесь не было». Я пытался объяснить, что платят деньги, и они идут в пользу государства. Ничего не хотят слушать.

У них безвалютный обмен: австрийцы были в Узбекистане, а теперь сюда приехали 15 человек. Сегодня последний день. Он приглашает меня на прощальный вечер. Зашёл к ним, сидим, разговариваем и вдруг открывается дверь и бежит ко мне Эрна Траунэ: «Владимир!»

Роскошная женщина, прекрасно одета — блеск! Мы обнялись. Вадим — большой любитель и знаток женщин, у него аж челюсть отвисла. Глаз стеклянный, как у циклопа. Эрна говорит: «Всё, ты мой гость, поехали ко мне домой!» А там был Петя, сын Густава Деберля, австрийского альпиниста. Я прошу Петю объяснить, что у нас не принято ходить в гости за границей на несколько дней, тем более к женщине. Он говорит: «Не бойся, она член общества дружбы СССР — Австрия». 65-й год. Представляешь, что это значит? Сразу станешь не выездным. Я говорю, один не пойду, только с Угловым. Пошли вдвоём. Она несколько раз извинялась, что у неё ремонт, и она не сможет принять нас в апартаментах. Шикарная квартира в центре Вены со всеми невиданными удобствами. Холодильник забит яствами.

Утром раздаётся звонок: «Владимир, доброе утро! Собирайтесь, поедем в Швейцарию». Я обалдел. Оделись, сидим, ждём. Влетает Эрна: «Поехали!».

И понеслись в Швейцарию. На границе она сбросила скорость, помахала рукой, не останавливаясь. То ли её знают там, то ли там наших проблем на границе нет. В Цюрихе она сунула мне в карман деньги и записку, где написано место и время встречи, и поехала по делам.

Хожу, гуляю по Цюриху, подходит время встречи, я в карман, а там ни записки, ни денег. Не знаю, куда делись. Наверное, выпали из кармана, когда доставал платок. Я к полицейскому, он смотрит на меня как на ненормального, не может понять, что я хочу.

Захожу в ресторан. Сажусь, тут же вырастает официант. Больше в ресторане никого нет, я один. Заказываю пиво. Достаю какую-то бумажку, пытаюсь изобразить делового человека. А в голове, сам понимаешь, что творится. Выпиваю пиво, заказываю вторую кружку и соображаю, как мне свалить. Встаю из-за стола, делаю вид, что нужно отойти, начинаю спускаться вниз и вдруг в отражении большого зеркала в вестибюле вижу Эрну. У меня ноги подкосились. Она бежит мне навстречу и радостно кричит: «Виктория! У меня состоялась хорошая сделка!» Не знаю, что она

продала или получила заказ на свои модели одежды, но очень она радовалась, просто сияла. Рассказываю ей, что со мной приключилось, она хохочет. Сейчас и мне смешно, но тогда было не до смеха.

— Что бы ты стал делать, если бы вы не встретились?

— Пошёл бы в посольство. Не посадили бы меня за это. Отправили и всё.

Эрна провожала меня. У неё есть гигантская коллекция женского и детского платья, собранная во всех странах мира в огромном доме — зале. На прощание она приготовила мне подарок — мужской костюм тройку. Я категорически и довольно резко отказался от подарка. Она не стала настаивать, спросила только, есть ли у меня дети, и предложила подобрать что-нибудь для сына. Потом проводила меня.

Эрна написала мне в Москву, что едет в Индию и может на 2—3 дня остановиться в Москве, если у меня будет время. Я подумал, время-то я найду, но где размещать? Мы тогда жили в Люблино, шесть кроватей в комнате плюс еще соседи. Короче говоря, я соврал, что уезжаю из Москвы на Памир.

Мы ещё переписывались, я посылал ей журналы, но потом всё постепенно закончилось.

Мраморная стена

— О Борисе Студёнине мы уже говорили. У него вся жизнь — горы. И вот задумал он сделать зимнее восхождение на шеститысячник. Аналогов по тем временам не было.

— Какой это был год?

— 66-й, сразу после Ушбы. В конце февраля я прилетел в Алма-Ату. Вся подготовка уже проведена, команда готова. Запланировали первопрохождение на пик Мраморная стена.

— Центральный Тянь-Шань?

— Да, район Хан-Тенгри и пика Победы. Первый зимний выход в этот район и на такие высоты. О состоянии снега зимой в том районе мы ничего не знали. Боялись, будет по грудь рыхлого, сыпучего снега. Знаешь, идёт первый и роет траншею, второй идёт и делает то же самое.

— Порошкообразный снег.

— Да, за первым всё засыпается.

— Не мёд.

— Стоит погранзастава. Граница на замке. А ближе к леднику — домики геологов. Пустые, конечно, зимой. Едем на машине, вдруг из снега встают люди, останавливают. Пограничники. На заставе мы утром провели встречу с её составом, рассказали с Борисом молодым ребятам об альпинизме. Поехали дальше и от

домиков геологов стартовали на пик Мраморная стена (6400).

— По леднику шли? Вертолета не было?

— Всего 5—6 часов шли по заваленному снегом леднику. Снег рыхлый, плохой. А уже на высоте около 5000 попали на твердый фирн. Тоже плохо: кошки не держат, ногой не пробьешь, ступени не рубятся. Но основная проблема — мороз и ветер. Ветер ураганный, мороз зашкаливает за 30 градусов. Две ночёвки на самом маршруте восхождения, последняя на 6100. Пещеры вырыть нельзя, ставили палатки и обкладывали их снежными кирпичами. Но от холода это нас не спасало, продувало насквозь постоянно. А при выходе на вершину был такой ветер, что верёвка не лежала на снегу, а шла между нами дугой.

Я умудрился потерять кошку и шёл как француз из-под Москвы. Снаряжение у нас было отличное, но ветер пронизывал до костей.

— Пух, конечно.

— И пух, и шекельтоны, и валенки, всё имели, но мороз и ветер совершенно невероятные. На 6000 Саша Воронов отвалился, не пошла высота у него. Из Москвы в группе мы с ним были только вдвоём, остальные алмаатинцы.

— Сколько времени заняло восхождение?

— От домиков до домиков — шесть дней.

— О! Немного.

— Мы шли в альпийском стиле. Очень уж холодно.

— А погода?

— Погода нас баловала, один день слегка помело. Мы спасали руки и ноги. Борису ноги оттирали, а руки упустили. Он прилично был прихвачен, настолько, что решили вызывать вертолет. Да и не только у Бориса, мы все обморозились.

— А у тебя, Володя?

— У меня меньше, чем у других. Хотя на пальцах рук и ног черные «чехлы», ты знаешь, как это бывает. Но в тот раз обошлось без ампутаций. Чтоб вызвать вертолёт, надо бежать на заставу. Ещё не очухались, не восстановились, но вышло солнышко, стало тепло, ветра нет. Поскольку у меня состояние лучше, чем у других, идти на заставу мне. Спрашиваю у Студёнина, сколько он думает до заставы, говорит километров 20—25. А оказалось около сорока. Но солнышко пригрело, и я решил бежать вниз налегке. Даже куртку пуховую не взял. И пошел рысью вниз. Но снег-то глубокий. К вечеру стал я сдавать, не восстановился ещё. Солнце ушло, опять мороз.

— Ты за один день решил пройти 40 километров?

— Вниз же и без рюкзака. Но силы свои не рассчитал, стал садиться. Понимал, если не встану сейчас, то уже никогда не

встану. В последний раз сел и «поплыл», стал ловить кайф.

— Вдруг меня дёргают люди, поднимают под руки, сажают на лошадь. Пограничники делали объезд и наткнулись на меня.

— Еще бы немного и всё...

— Лошадью я не правил, она сама бежала домой. На заставе говорю, срочно нужен вертолёт, там плохо. Наверное, я так выглядел, что сразу убедил их. Налили мне чай со спиртом, у меня сразу жар, тепло по всему телу. Очнулся в машине, которая идёт вверх, к домикам. Я в тулупе, в ушанке, в валенках. Одели меня в бессознательном состоянии. Слышу, идёт вертолёт. Мы прибыли почти одновременно.

Подъезжаем к домикам, сидит Боря с картами в руках. Физиономия цветущая, сильно загорелая, а пальцы чёрные, заострённые, знаешь, как у Бабы-Яги. «Где больные?» Сперва не поверили, пока руки и ноги его не увидели. В этой эпопее мы в общей сложности потеряли около 30 пальцев.

— Ты говоришь, тебя не под резали, а на правой ноге у тебя не скольких пальцев нет. Поскольку ты всегда дома ходишь в шортах и в босоножках, заметно.

— Это уже потом, после Мраморной стены. Спасработы на Эльбрусе. А после Тянь-Шаня повезли меня в Москве в институт сердечно-сосудистых заболеваний. Руки и ноги мне уже почистили без ампутаций, но что-то с сосудами. Завели меня в палату ампутированных и сказали, если я и дальше буду делать восхождения, то со мной будет то же самое. Вышел оттуда, метро не мог найти, так на меня это подействовало. Представляешь?!

Пошёл ко Льву Успенскому, он прекрасный психолог. Говорю, мне сказали не бегать, ноги не сгибать, на рабочем месте сидеть с прямыми ногами. Лев спрашивает: «А ты чего хочешь?» — «Я хочу в горах ходить. Скажи, сколько я могу ходить?» — «Сколько хочешь?» — «Я хочу долго ходить». — «Ну и ходи долго». Это было в 65-м году. Если бы я тогда стал сидеть, не сгибая ног, мы бы с тобой сейчас не говорили.

— А где всё-таки ты пальцы потерял?

— Мы в Москве получили телеграмму о том, что на Эльбрусе пропала группа альпинистов. Тут же вылетели — Толя Нелидов, Слава Романов и Коньков. Приехали в Баксан и с ходу на Эльбрус, без ночевки на «Приюте одиннадцати», без акклиматизации. Нашли ребят около седловины в плохом состоянии. Троих не досчитались, так где-то они и лежат по сей день.

— Их группа рассыпалась, они разошлись?

— Да, собирали по одному, они уже ничего не соображали. А тогда ещё хижина на седловине, между вершинами, была цела. Через дырку в крыше можно было туда забраться. Холодно всё

равно, но зато ветра нет.

Какую-то свою одежду пришлось им отдать. В результате их мы сняли, а сами так обморозились, что сразу повезли нас в больницу Тырныауза. Там хирург говорит, что мне надо ампутировать по две фаланги пальцев на руках, отрезать на правой ноге две трети стопы и все пальцы на левой ноге. Вот видишь, у меня остались следы на пальцах? Тогда до этого места чёрные «чехлы» на них были. Я с этим приговором не согласился, полетел в Москву. Нелидова вообще хотели четвертовать, предложили отрезать ногу выше голеностопа.

— Наверное, Володя, хирург боялся гангрены. Ему за это отвечать.

— В Москве нас долго лечили, буквально вытаскивали. Операцию сделали только в начале февраля. Отняли всего полтора пальца на правой ноге. Толе Нелидову основательно постригли пальцы, но в 2—3 раза меньше, чем планировали в Тырныаузе.

За свои пальцы надо бороться.

Пик Коммунизма

На Памир мы уехали в августе, экспедиция на первенство Союза, сборная команда центрального совета «Спартака». Начали работать, делали разведку. На обратном пути Олег Абалаков прыгает через трещину и подворачивает ногу. Да так, что о восхождении и речи не может быть. Один из сильнейших альпинистов отпал. Нас осталось пятеро. Потом ещё один отвалился. Осталось уже четверо: Володя Шатаев, Юра Пискулов, Саша Воронов и я. Команда из четырёх для пика Коммунизма приемлема, хотя без запаса. Первопрохождение мы оставили в покое, и пошли со стороны Гармо. Вышли на плато. Ледник Гармо настолько в подвижке, что, возвращаясь с забросок, мы не могли найти свою маркировку. На второй, третий день маркировка исчезает совсем. Но это детали.

Поднялись мы на плато. В пещере на 6200, что вырыли ребята из Киева, сидит Ася Клокова, украинская альпинистка. Сидит грустная, её не взяли. Если бы не были заявлены на первенство, мы бы взяли её с собой, но, сам понимаешь, состав группы менять нельзя.

Пещера на 6200 шикарная, украинские альпинисты готовили рекордное массовое восхождение на высшую точку Советского Союза. Шли они со стороны Грузинских ночёвок, из Березовой рощи. Мы в этой пещере переночевали, на следующий день вышли на акклиматизацию и на первом этом выходе у нас «сварился» Саша Воронов. Да так, что нам пришлось спускать его ниже пещеры, в базовый лагерь. Думаю, это просто горняшка, судя по его самочувствию на Мраморном ребре. У него с высотой не особенно… Низковат потолок. Остались мы втроём. Втроём так втроём — вперед!

Не выходя на предвершинный гребень, где-то на 6800 сделали пещеру, переночевали. А там уже и Володя «поплыл», и Пискулов тоже. Горняшка. Высота большая.

— Шатаев в своей книге две главы об этом написал, а ты больно краток: этот «поплыл», да этот.

— Чего тут скажешь? Володя свалился в пещере и доходил, пока я ему в руки пилу не сунул. А как стал снежные кирпичи выпиливать, чтоб загородить от ветра вход в пещеру, так ожил. Я его знаю, не первый год в одной связке. Пискулов предлагал его спускать, а я говорю: «Ты его не знаешь». И Шатаев, сперва на колени, потом на ноги встал. Тут Пискулов забрался в мешок, дышит тяжело, с хрипом. Был момент, был, что говорить… Но год подготовки, семь километров уже внизу, под ногами, я тогда Пискулова встряхнул, и ему пилу в руки — давай работай! И он молодец. Выполз из пещеры. Я заставляли себя и их активно

двигаться. У Шатаева в книге, помнишь? Он рассказывал об этом нашем восхождении на пик Коммунизма, что была борьба за активный образ жизни, вплоть до применения нецензурных слов.

— Это еще не самое страшное, наверное. Женя Гиппенрейтер в своей книжке о гипоксии писал, что люди на такой высоте теряют способность адекватно оценивать свои силы и опасность ситуации. Меняется поведение и весь психологический облик человека. Да мы и без всякой теории видели это. Я помню, Лёша Страйков подошёл к ледниковой трещине и начал отстегиваться. «Нашёл, — говорит, — наконец место, что давно искал. В ней и хочу остаться навсегда». Мы его силком тянули. Спустили немного, тогда он пришёл в себя.

— Нам пришлось ещё раз заночевать под самой вершиной, и решили оттуда сходить туда-сюда, налегке. Взяли только тёплые вещи, палатку и мешки не взяли. Но план мы не выполнили, до вершины не дошли, заночевали на гребне. Вырыли какую-то конуру, такую, что с трудом в неё влезли. Ночью Пискулов кричит: «Стой! Кто идёт?!» Я спрашиваю: «Юра, что случилось?» — «Кто-то ходит». Я говорю: «Ты что, больной? Мы на 7100, кто тут может ходить?» А он: «Я слышал, я хорошо слышал, кто-то ходил». А Шатаев, всегда со своей трезвой головой: «Это я стучал ногами, у меня ноги замерзли». До вершины от нашей конуры на 7100 всего 400 метров по вертикали. Встали утром и потихоньку пошли вверх. Поднялись на вершину и в этот же день спустились к пещере на плато. Захожу в пещеру и понимаю, что там не только кто-то есть, а что нас встречают: пахнет яблоками. Свежие яблоки на такой высоте настолько неожиданны, да ещё после горы... Да какой горы! А там, оказывается, группа разведки Моногарова — три человека. Я спросил, где остальные. «Остальные сзади, заночуют, наверное, на 6200».

На спуске встретили колонну с красным флагом, человек 50. Сбоку ползут кинооператоры из альпинистов. Во главе сам Моногаров. Обнялись мы с ним и посоветовал я Володе рассортировать бригаду потому, что такому коллективу никогда не подняться на вершину. «Ты посмотри, — говорю, — видно же людей. Не тот вариант,, чтобы все поднялись». Посоветовал ему отобрать человек десять. А он отвечает: «Нет, пойдем все». Я их разведчикам рекомендовал не ждать никого, делать разведку до вершины. Сказал им, если забросите при этом немного продуктов, будет вам хвала, если нет — гору сделаете.

Так оно и случилось, эти трое поднялись на вершину, а из остальной группы Моногарова, из всей этой компании не взошёл ни один человек.

Мы встретили их на 6500—6600. Спустились в пещеру,

встречает нас Ася Клокова, почему-то её опять не взяли. Ася прямо со слезой говорит: «Мне бы хоть на пик Правды сходить, на 6400». Ну, конечно, после пика Коммунизма снова подниматься — тоска зелёная. Я с ней поговорил сначала о женском альпинизме, а потом всё-таки сломал себя и говорю: «Одевайся, поехали!». И вчетвером, Володя, Юра, Ася и я, потопали.

Пик Правды всего-то на 300 метров выше плато. Погода хорошая, посидели на вершине. Смотрю — люди! А это бригада Моногарова идёт на пик Правды. На безрыбье и рак рыба. Но даже сюда всей толпой не поднялись. Массовость не для семитысячников.

Вот так закончилась наша эпопея с восхождением на пик Коммунизма, на высшую точку СССР — 7495 метров.

Памир

****

Вокруг стоят шеститысячники. По тем временам мало кто замахивался на них, очень сложны все маршруты.

Образовалась команда — сборная солянка, ребята из Москвы, Питера, Украины. Начальник экспедиции у нас Кизель. Старший тренер Филимонов. Оба заслуженные мастера спорта из старшего поколения. Кизель предлагает нам сделать на первенство Союза северную стену. Я думал пройти «телевизор», а они с Филимоновым выбрали менее интересный маршрут. Я отказался от этого восхождения, предложил со вспомогательной группой сходить на несколько непокорённых вершин, высотой чуть ниже 6000 метров. В это время в космос полетел Титов, одну из вершин мы решили назвать пиком Титова, он рядом с пиком Маркса. Подниматься на пик Маркса нам не разрешили, но мы с Вербовым и Родимовым сходили на него по новому маршруту. Нам здорово влетело, я даже получил выговор за нарушение дисциплины. Но зато этот маршрут мы подали на Союз.

Каждая экспедиция интересна по-своему. Мы познавали национальные обычаи. Кизель знал их неплохо, он старый, бывалый памирец, а для нас многое было новым. Приехали к председателю поселкового совета в Джаушангосе. Кизель говорит: «Только не говорите о делах». Мы сидим, молчим.

Нам нужны были ишаки. Председатель ответил, что даст ишаков, сколько нам нужно, но при них будут погонщики и им нужно платить по одному рублю за ишака. Это из Джаушангоса до подножья вершины Маркса и обратно!

Вот такие там обычаи. Восточная неторопливость, надо посидеть. Пить чай и никуда не спешить. Наливают по четверть пиалы, и хозяин следит, чтоб в пиалах всегда был чай. Как только

выпьешь, тут же подливает. И так будет подливать до тех пор, пока не перевернешь пиалу вверх дном. Мне все это безумно нравилось, и я решил, что в Москве обязательно буду пить чай из пиалы. Но как-то не пошёл у меня в Москве зелёный чай, видимо, не хватает всей памирской обстановки, азиатского колорита.

Никакого национализма, только дружеские, уважительные отношения. Руку к сердцу с поклоном. Низкий поклон не унижение, а дань уважения и почтения. Откуда теперь взялся национализм не понять.

После 1961 года я ещё четыре раза бывал на Юго-Западном Памире с разных сторон. Очень силен и могуч этот наш Марксистско-ленинский узел. Там нет ни одного маршрута ниже 5 б, много маршрутов 6-й категории. Все они крутые, с отвесами и просто так, с налёта их не пройдёшь. В этом благодатном краю мы проложили шесть маршрутов.

Сроднился я с Памиром и тамошними людьми, что с пограничниками, что с местными таджиками. Невозможно представить, что теперь Памир стал вдруг совсем чужой страной. Сколько там осталось друзей, сколько прожито там и пережито, увидено. У меня сейчас жуткая ностальгия по тем местам, ведь с 58-го года я каждое лето, в среднем по 2—3 месяца, проводил в горах Памира. И всё новые места, новые люди.

Мы всегда уважительно относились к их обычаям и традициям, хотя порой для нас они бывали чуждыми и непонятными. Но мы гости и поэтому уважали хозяев. И они отвечали нам добром, никогда не сделали нам никакой пакости. Я когда приезжал в азиатские горы, то сначала обходил кишлаки, знакомился с аборигенами, общался, беседовал и уж потом приходил к ним с делами. Наши отношения, наша советская психология очень здорово отличались от западных. В Гималаях к шерпам относятся иначе, всё строится на деньгах. У нас такого не было и в помине.

Альпинизм — наше счастье. Прежде всего, он дал нам возможность посмотреть мир, увидеть новых людей, понять их образ жизни. Он обогащал нас.

В 1968 году мы опять ходили в районе «вождей». Сделали пик Энгельса по пути 6-й категории трудности, вошли в тройку призёров на первенстве Союза. Хорошее восхождение. Получили удовлетворение.

— Интересно, Володя, что ты чувствовал на вершинах? Может быть я ошибаюсь, но мне кажется, что существует укоренившийся со времён фон Мекка штамп описания чувств человека на вершине. Будто наступает этакая эйфория, восторг, душа парит. Сердце разрывается от радости и на глазах слёзы. В общем, «на

вершине стоял хмельной». Про себя могу сказать, если маршрут сложный, то на вершине я был доволен, что остался цел, что всё прошло хорошо. И думал о спуске. Только внизу, а не на вершине, получал я удовлетворение от пройденного маршрута, испытывал чувство гордости собой. Если же вершина простая, то я на ней всегда был с новичками или со значкистами и тогда смотрел на своих ребят, радовался их реакции и опять думал о спуске. Конечно, полюбуешься открывшейся панорамой, не без этого. Что скажешь?

— На вершине можно радоваться, но это еще не финиш, надо спуститься. Спуск, ты знаешь, всегда опаснее подъема. Расслабляться нельзя.

— Да. Как Лена Мухамедова погибла. Её партнер по связке сказал на спуске: «Всё, Лена, здесь уже делать нечего», и полетел.

— Я всегда, Саша, был внимательным до морены, до травы.

Хороша была экспедиция на Памир в 1977 году. Первенство Союза, команда московского «Спартака». Но мы каждый год вывозили и молодых ребят, наше будущее. Старались одною, двух включать затем в группу. Как раз в том году в нашу команду попали Башкиров и Олег Коровкин.

Я, как одессит, помогал одесским молодым альпинистам спортивно расти. В том году мы включили в нашу команду ещё двух альпинистов — Лёшу Ставницера и Вадима Свиреденко. Таким составом и выехали. Нас очень поддерживал Витя Некрасов, лидер армейского альпинизма, мастер высокого класса, многократный участник первенства. Самая же большая его заслуга в том, что он организатор всего армейского альпинизма. Он был образованным, высоко культурным человеком. Знал о горах всё — историю, географию. С ним бывало всегда интересно, и в Москве, и в горах.

В одной из встреч в Москве он рассказал о районе Лукницкого на Юго-Западном Памире. Предложил заявить, если соберётся сильная команда, пик Лукницкого по северо-западной стене. Стена проблемная. Экспедиция на 30—40 дней. Подъезд сложный, подход с караваном ишаков. Организовали базовый лагерь, и началась обычная повседневная работа по разведке, по наблюдению, по обработке маршрута. Первая заброска, вся группа вышла под стену, взяли верёвки, палатки. Дав ребятам команду уходить вниз, я остался один на ночёвку под стеной. Хотел понаблюдать за стеной, пока они готовятся к выходу. Я уже говорил, что люблю ходить один. Взял метров 100-120 веревки и пошёл под стену. Провесил ее в нижней части маршрута. По тем временам такая работа в одиночку считалась криминалом, и я попросил ребят никому об этом не рассказывать.

Когда я шёл обратно из-под стены, то на крутой морене почувствовал вдруг, что кто-то меня ведёт, кто-то на меня смотрит. Оборачиваюсь, и сзади себя, метрах в 30, вижу снежного барса. Красивая такая кошка, стоит на морене и смотрит на меня. Хорошо вижу его морду, глаза, усы. Видимо, он шёл параллельным со мной курсом, немного позади. Тут я вспомнил «Мцыри» и стал думать, что делать, хватит ледоруба или взять еще камень. Никто никогда не говорил и не писал о нападении барса на человека, кроме Лермонтова: «И в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть свое оружье». Не знаю, сколько мы так стояли и смотрели друг на друга. Потом я скосил глаза, чтобы оценить, куда мне отступать, и, не разворачиваясь, сделал шаг назад-вниз. После этого отступления барс взглянул на меня (как мне показалось, с превосходством) и невозмутимо пошёл вверх, в горы. Не забыть, как он спокойно, с достоинством смотрел на меня.

Когда я прибежал в лагерь и начал рассказывать о барсе, Юра Визбор скептически улыбнулся, не поверил. Но через несколько дней наш поварёнок тоже встретил барса. Он охотился на уларов и прибежал в лагерь без ружья, глаза квадратные: «Вы сидите, в карты играете, а там барсы ходят»

Потом, когда мы шли в ущелье под пик Лукницкого, мы увидели на снегу следы барсов. Целой семьи, судя по размерам. Тут уж все поверили нашим рассказам. Появились в горах другие живые существа и они наблюдали за нами, что мы делаем, как живём.

Как я говорил, когда космонавт Титов летал в космосе, мы назвали вершину пиком Титова. Во вспомогательной группе, кроме Визбора, Лёша Лупиков и еще два-три человека, и конечно Аркадий Мартыновский.

Значит, стена пика Лукницкого. В средней части гигантские сосульки, надо их пройти траверсом, иначе нет выхода на стену. Лёд нависает на скалы. Траверс метров 25. Планировали пройти его рано утром, когда скалы под сосульками покрыты льдом. Кошки тут не помогут, срубать его, умаешься. А ждать, пока оттает, тоже нельзя, сплошным потоком будет лить холодная вода. Подошли под сосульки, лёд уже начал оттаивать. Прошёл я метров 15 и у меня начало сводить руки и ноги от переохлаждения. Я спросил, кто хочет работать первым. Ринулся вперед Башкиров. Отработал он блестяще, хотя уже шёл сплошной поток. Вышли мы на скалы мокрыми насквозь. Всю одежду пришлось выжимать.

Я пытаюсь ему подсказать, но он решил все делать сам. И запоролся так, что еле спустился. После этого пошёл Володя

Башкиров. Впервые я видел его на маршруте первым и это был высший класс, и по тому, как он шёл, и по тому, как надежно обеспечивал страховку, и по тому, как выбирал маршрут. После этого я понял, что появился в альпинизме новый лидер. К этому времени я уже 17 лет работал тренером в «Спартаке» и за всё время ничего подобного у себя в команде не встречал.

Сразу после восхождения возникло желание сделать что-нибудь ещё, и мы пошли с Володей Башкировым вдвоем на красивую гору, через перевал. Решили назвать вершину «Пиком Восьми». Она выше пятой категории трудности, ближе к «шестёрке». Мы постоянно менялись ведущими, и я ещё раз убедился, уже окончательно, что его работа — это высший класс. Раз он застрял при прохождении карниза лазанием. До этого мне не приходилось смотреть за впереди-идущим. Поверь — это для меня хуже, чем самому идти первым. Я гляжу, он висит на этом карнизе. Подсказывать в таких случаях нет смысла. Висел он минуты две и на руках вышел оттуда. После этого восхождения я с большим удовольствием передал капитанский жезл Башкирову, как капитану спартаковской команды. Володя стал командовать на всех наших восхождениях на первенство Союза, а я уже ходил, как играющий тренер.

В 78-м году я впервые попал в Саяны. Всегда мечтал о новых местах, и практически каждый год мне в этом везло. Приехали в Иркутск и 400 километров по тракту. Был май. У иркутских альпинистов плановые восхождения. Успели мы сходить на пик «Динозавр» третьей категории трудности. Предстояло пройти несколько новых маршрутов и классифицировать их. Они меня пригласили как члена комиссии по аттестации. Высоты небольшие, за 2000 с лишним. Перепады стен 300—400 метров, снежники, ледников практически нет.

Я собирался уже на выход, стоял уже с рюкзаком и тут подбегает ко мне парень и сообщает страшное известие — у меня умер отец.

Естественно, сборы были не долги, собрался за 10 минут. Приехал в Иркутск — Москва не принимает, полетел в Харьков, в Одессу попал с сильным опозданием, думал уже похоронили, и ехал из-за матери. Когда же я добрался до Одессы, отец лежал ещё дома. На что я уже и не надеялся. Звонил по дороге изо всех точек, где был телефон, звонил в Одессу, сообщал о своём местонахождении. И тогда мать решила меня ждать. Успел попрощаться с отцом. Так закончился май и вскоре я уже был на Памире.

Когда мы ехали под пик Лукницкого, с дороги, с Памирского тракта, увидели сказочной красоты вершину. Глаз у нас

загорелся. В том углу ещё никто не был, хотя от дороги подход небольшой. Мы отсняли вершину и заявили её на первенство Союза 78-го.

Были сложности с подходом под стену. Ледник разорван, много трещин, поворотов, перегибов. Не сразу начали работу на стене. Здесь Башкиров получил первую свою травму. Обработали мы большую часть стены. На плече вершины у нас ночёвка, абсолютно безопасная. И ночью скатился камень, перекатился через Башкирова и травмировал ему голову. Потеря сознания, сотрясение мозга. Кстати, у Башкирова очень интересно организм реагирует на травмы, он моментально отключается, сознание полностью вырубается. Оказали ему доврачебную помощь (довольно много шло крови) и как только начало светать стали спускаться вниз. Доставили в Хорог, положили в больницу и через день вышли на стену. Володя отлежал в госпитале день и убежал без разрешения. Все его искали, в том числе и пограничники.

Стену мы прошли, и я предложил назвать гору «Пик отцов». Никто не возражал.

— Володя, расскажи, с чего ты начинал в «Спартаке»?

— Начало было сложное. Лидер «Спартака», известный альпинист, заслуженный мастер спорта Абалаков В. М. и ещё ряд «китов»: Кизель В. А., Ануфриков М. И., Аркин Я. Г., Боровиков А. М., Филимонов Л. Н., тоже заслуженные мастера спорта, чемпионы страны. И вдруг, какой-то хохол просто мастер спорта свалился им, как снег на голову. С Абалаковым у меня отношения не сложились, хотя он и включал меня в основной состав на пике Коммунизма по Южной стене, правда, это неудачная попытка 1962 года.

Я активно взялся за работу с молодежью. Задела фактически никакого не было. У Олега Абалакова — 2-й разряд, у Балашова Шуры тоже, у Шатаева Володи — 3-й и т. д. Ходили мы много и через три года команда наша созрела до первенства Союза. Потом пошла вторая заявка, а на третьей я понял, что мы не готовим себе смену. Ходили мы жёстко, с короткой командой, заявлялись на Союз. Я подумал, что наша команда может провалиться, как это было уже с другими. Я стал запрашивать маленькие справки из альплагерей, куда мы ежегодно отправляли 200—300 новичков и разрядников, о перспективных ребятах. Кстати, о Башкирове я узнал именно по такой справке-характеристике из Узункола, где он был по обычной путёвке. По таким же характеристикам я узнал и о Коровкине и о Иванове. Стал обращать на них внимание, следить за их ростом. И когда они выполнили второй разряд, я потихоньку начал включать их в основную команду. Если из трёх-четырёх оставался хотя бы один, то это уже здорово.

Вот с помощью такой методы, за время моей работы в «Спартаке», мы подготовили порядка 50 мастеров спорта. Эти люди непосредственно с нами проходили сложные маршруты. Даже когда закончился наш советский альпинизм, ребята эти остались и продолжают наше дело.

Если не растить молодежь, любая команда, какой бы сильной она не считалась, через десять лет прекратит своё существование.

Разные ходили со мной ребята, иногда оригинальные, такие, как Саша Балашов. Этот долго тянул, мы с ним и на пик Коммунизма ходили потом. Лез он хорошо, только воли немножко не хватало. Юмор у него весьма своеобразный. Например, он коверкал слова, бергшрунд он называл «раншлифт». Иногда задавал такие загадки, что вся команда ломала головы, чтобы их разгадать.

Пришёл как-то раз, у него большой фингал под глазом. Я его спрашиваю: «Что, подрался?» «Нет, — говорит, — жена. Ну, прихожу домой под банкой, что-то несу домой. Когда она меня встречает утюгом — это ерунда, я уворачиваюсь, тут она догадалась — пустила в меня пачку пластинок. Что я, жонглёр? Уворачивался, но одна пластинка всё ж зацепила».

Когда подходили к Караколу, выпал град размером с яйцо. Мы успели заскочить под ели. Знаешь тянь-шаньские ели, красавицы, фантастической красоты гигантские стройные ели. Таких больше нигде нет. Шура не успел добежать. А тут паслась кобылица с жеребёнком. Он вытолкнул жеребёнка и залез под кобылицу. Она начинает двигаться и он под ней на четвереньках передвигается. Потом к нам в лагерь пришел 6абай и говорит Шуре: «Кито под кабила сидел?» Никто ничего не понимает, все молчат. «Ты под кабила сидел!» — указывает он на Шуру. «Ты почему жеребёнка выгнал?» Стал его стыдить.

Когда мы возвращались с Каракола, спускались вниз — Мартыновские Аркадий и Юля, Шура и я — началась мерзкая тянь-шаньская погода. Ночь, дождь, мы насквозь промокли. Зашли в какую-то палатку, оказалась ветеринарной. Сидим, не видно ни зги, холод. Аркан вслух мечтает: «Эх, сейчас бы по сто грамм водочки!» Шура кивает головой и говорит: «Были бы деньги». Мартыновский отвечает, что деньги есть, да что толку. «Давай», — говорит Шура и уходит в ночь. Минут через 30—40 возвращается с бутылкой водки и говорит, что на пиво не хватило.

Михаил Хергиани

— 1969 год, год жуткой трагедии для меня. Да, наверное, и для всего советского альпинизма. Гибель Миши Хергиани.

— Чтобы понять это, надо знать, кто такой Михаил Виссарионович Хергиани.

— Ты ведь, Саша, хорошо его знал. Даже книгу о нём написал — «Внизу Сванетия».

— Друзьями были. Я много раз жил в его доме в Местии, почти каждый кавказский сезон приходил туда из Приэльбрусья через перевалы. Один раз даже зимой, с Шалико Маргиани и с Юрой Арутюновым.

Однажды я написал Мише письмо, мол, у тебя теперь есть все титулы и звания, какие существуют в нашем альпинизме, тебя признали альпинистом номер один и ты стал героем. А что дальше? Давай сядем на коней и объедем всю Верхнюю Сванетию. Изучим ее и напишем о ней книгу. И тут же получил ответ от Миши, который я храню.

«Здравствуй, дорогой брат Саша! Ты задумал хорошее дело. Правильно. В спорте всё сделано. Мне надо только снять с Победы и похоронить в Сванетии Илико, больше мне ничего не нужно. На этот год планируется совместное франко-советское восхождение на пик Коммунизма и восхождение сванов на Ушбу. Но как только ты скажешь, что нам пора садиться на коней, я брошу всё и прилечу в Местию».

Мы с ним верхом объехали все селения Верхней Сванетии, побывали в их таинственных, за тремя замками, древних церквах, куда никто не мог проникнуть, кроме него, ибо там хранились бесценные исторические реликвии X—XI веков. Он так любил свою малую Родину, свою историю, свои иной раз удивляющие обычаи, сванские песни, что тбилисские грузины считали его, а заодно и меня, сванским националистом. И всё это происходило за год до его гибели.

— А я, Саша, знал его по связке, как гениального скалолаза, как самого лучшего партнёра и друга. Ходить с ним было одно удовольствие. Но в тот год мы с ним оказались в разных связках.

В тот год в Италию выезжала сборная команда Советского Союза, в неё включили Славу Романова, Олега Космачёва, Мишу Хергиани, Славу Онищенко и меня. Возглавлял нашу команду Михаил Иванович Ануфриков. В июне выехали в Италию, приехали в Доломиты, всё нормально. Сделали всем «скопом» тренировочное восхождение «Тур Венеция», что-то около 5-й категории трудности. У нас была идея пройти стену Чеветы, одну из самых сложных и самых длинных стен не только в Доломитах, но и вообще в Альпах. Её протяжённость более 2000 метров. К ней мы и готовились.

Для этого наметили пройти стены слева и справа от Чеветы,

чтобы детально её изучить. Справа по стене Суальто (5-й категории трудности) идут Миша Хергиани и Слава Онищенко, мы с Олегом Космачёвым левее делали стену Вольграндо, шестой категории. Михаил Иванович и Слава Романов ходили внизу с биноклем, смотрели, как две двойки работают.

Когда мы подходили под маршрут, встретили итальянских горных стрелков, у них шли маневры. Прекрасные ребята, поговорили, посмеялись, они нам пожелали удачи, и мы с Олегом ушли. Я шёл тяжеловато. Там карнизы, нависания, как положено на «шестёрке». Когда поднялись на вершину, Олег говорит: «Слава Богу, я переживал». Я ему ответил, что мы еще спуститься должны. Но спуск там обработан, проблем нет. Доломиты много народа посещает, и на простых маршрутах набиты крючья, есть лестницы и перила. Я спросил у Олега, чего он переживал, а он говорит, шнурки порвались на ботинках. Так было, когда на Чатыне погиб Мышляев.

Помнишь 1963 год, землетрясение? Мышляев и его команда, кроме Бажукова и Космачёва, погибли. Когда Олег с Бажуковым вышли на карниз, у него порвался шнурок. И потом, когда у него рвались шнурки, случались катастрофы. Я ему сказал, чтобы не «каркал».

Спустились вниз, подошли к альпийским стрелкам и видим, они ведут себя странно, на нас не смотрят. Подходит командир, снимает шапку и говорит: «У вас катастрофа, погиб ваш приятель».

Минут через пятнадцать подошли к Михаилу Ивановичу Ануфрикову и он рассказывает, — выходим мы из хижины, подходим под маршрут, Слава Романов поднимает бинокль и говорит: «Миша сорвался!» Ануфриков отвечает, что не может того быть, Миша не срывается. А Слава весь полет Миши ведёт биноклем, 300—400 метров отвесного падения, потом полка и дальше он уходит до земли. Когда подошли, можешь себе представить, что там осталось от Миши!

— Говорили, он летел со скалой, скала отвалилась.

— Кто знает, что там было?!

— Слава Онищенко так рассказывал: эту стену они выбрали ещё и потому, что первовосходителями оыли французы Леванос и Габриэль. А погибшего в горах дядю Миши звали тоже Габриэль. Хоть имя, не фамилия, но всё равно Миша захотел сделать это восхождение в память дяди

Маршрут этот за всю историю альпинизма прошли всего три раза, они были четвёртыми. Поскольку Миша был в скальных туфлях, а Слава в вибраме, в начале маршрута, на «бараньих лбах» первым шёл Слава. Дальше и до конца, как всегда, первым

— Миша. Прошли уже 500 метров, оставалось 200. Место такое: большая нависающая скала откидывает. Слава забил крюк, сделал самостраховку. Миша пошёл траверсом налево. Уходя, что-то напевал. Когда уходил за перегиб, Слава успел «щёлкнуть» его своим фотоаппаратом. Но вышла только половина его тела, другая скрылась уже за скалой. Последняя фотография Миши, уходящего Миши. Слава его не видит, верёвка к Мише идет. Всё медленнее и медленнее. И тут вдруг раздаётся грохот, летят камни и с ними Миша. Он пролетел мимо Славы, сжавшись в комок, сгруппировавшись, ногами вниз. Слава видел только, как он дважды коснулся стены и исчез в пропасти. Пятьсот метров отвесного падения. Московский университет на Ленинских горах столько метров. А здесь четыре таких университета. Слава говорил, что в первый момент ему захотелось отвязаться и броситься вниз. Но это прошло. С обрывком веревки никуда не уйдёшь на стене. Оставалось только ждать. Ребята снизу кричали, он ответил, что жив. Стоять Слава мог только на одной ноге, для другой места не было. То на одной постоит, то на другой. А простоять так ему пришлось 26 часов, пока не сняли его через вершину. При этом шёл снег с ветром и было холодно.

— Слава не почувствовал рывка. У него верёвка была в руках, а рывка он не почувствовал. Поэтому, я думаю, верёвку срезало, перебило острым камнем, и сбило Мишу. Я тоже считаю, что Миша сорваться не мог. Тем более уже предвершинный гребень. На таком несложном участке я не допускаю срыва, поскольку он ходил, как бог. Видимо, солнышко пригрело и пошли камни. Ещё июнь, снега немного, летом в тех местах его вообще нет. И, видно, Мишу сбило камнями.

Я жил с Мишей в одной комнате, мы были в теплых, близких отношениях. Он очень детей любил, любил нашего Игоря. У самого Миши брак был по их обычаю запланирован ещё с пелёнок, и детей у них не получилось по какой-то причине. Я думаю, по женской линии. Он сказал, что будет расторгать брак, очень хочет сына. Знал, в Сванетии его за это осудят, у них не принято разводиться, возникают обиды родовые.

Миша не любил давать интервью. Перед выходом на восхождение в Италии к нам завалились корреспонденты, захотели нас поснимать на скалах. Мы вышли в спортивной форме, в скальных туфлях, они нас поснимали для телепередачи. Последняя его видеозапись. Но где теперь её достать?! После срыва Миши мы сидели всю ночь и пили, вспоминали его. Там были альпинисты Америки, они отказались от своего восхождения и сидели с нами. Я тогда закурил. И потом три года не мог бросить. Пили мы много, и никто не пьянел.

— Куда положили Мишу?

— Сразу привезли цинк, там это быстро. Хотели похоронить его в Тбилиси, у них есть место для захоронения великих людей, но сваны увезли его в Местию.

— Большая потеря.

— Не то слово, Саша!

— На похороны Миши я не попал. Был на Тянь-Шане. Вся Верхняя Сванетия в трауре сидела за одним столом, а стол этот чуть ли не с километр.

Слава Онищенко сопровождал гроб с Мишей. Ночью в доме Хергиани отец — Виссарион и дядя Максим вскрыли цинковый гроб, чтобы убедиться в том, что Миша погиб на восхождении. Сваны такой народ... Пошёл слух, будто Мишу убили, ведь все там уверены, что Миша не может сорваться. Вскрыли и увидели грудную обвязку, кусок веревки, карабин... Стало ясно, погиб на восхождении. Не знаю, так ли (только Слава может подтвердить), но мне говорили, что утром они сказали ему: «Твоё счастье. Если бы узнали, что Мишу убили, тебе бы отсюда живым не уехать».

Ты верно, Володя, говорил, что среди горцев мало бывает альпинистов. Исключение составляют сваны — Иосиф Кахиани, Шалико Маргиани, Джумбер Кахиани... Миша же от всех них отличался не только альпинистским мастерством, но и человеческим талантом, недюжинными способностями. В русскую среду он попал только в 18 лет и очень скоро говорил уже без акцента, а Иосиф, например, так и не научился хорошо говорить по-русски. Миша много читал, всем интересовался, трудолюбиво самообразовывался. В нём был божий дар.

— Поэтому его все так и любили. Да... Но жизнь продолжалась, надо было как-то жить дальше.

После Италии меня ждала команда в Караколе, заявлен пик Каракол. У меня такое состояние, что не нужен мне ни Каракол, ни его стена, ни первенство. Впервые я молил Бога, чтоб испортилась погода, тогда бы не смогли выйти. Бог меня услышал, и погода не дала нам выйти на эту стену.

Потом сходили с девчонками на первопрохождение, они закрывали нормы мастеров. Карасёва, Фатеева, Васильева, Мартыновская. Но по разным причинам наше первопрохождение не классифицировали как 5 а, и нормы мастера они тогда не выполнили. Вот так и закончился жуткий сезон 1969 года.

— Что ты думаешь, Володя, о риске в альпинизме?

— Его не должно быть. Альпинизм учит избегать риска. У каждого есть грань его возможностей, можно максимально приблизиться к ней, но нельзя её переходить. Надо знать себя и иметь чувство меры.

Непальский трек

— В Гималаях у тебя был трек, как ты сказал. Что такое трек?

— Туристский поход. От Катманду до базового лагеря под Аннапурной и обратно. Или под Эверест, или под Даулагири... На него лает разрешение правительство Непала. В походе на каждого клиента по четыре носильщика.

— Мы сперва шли в темпе, но подошёл к нам старший из них и попросил, чтоб мы не бежали и дали им время подготавливать для нас базовый лагерь. Говорит, а то вы их догоняете, и они не успевают всего сделать. И тогда мы пошли потихоньку, с отдыхами.

— Приходишь в лагерь — стоят все палатки. Первое, что они делают — туалет. Вырывают яму, каждый раз новую, ставят над ней необходимое приспособление, покрывают палаткой.

Только спрашивают, кто с кем хочет жить. Мы с Башкировым, конечно. Палатки на двоих, подстилка — кариматы. Только устроились — несут ужин. Причём настолько обильный и разнообразный, что не знаешь, что взять. Даже свежие фрукты. Для нас такое непривычно.

А затем пошёл концерт национальных песен, танцев и музыки. Шпарят на национальных инструментах. Так завели нас проводники, что мы тоже стали петь вместе с ними «Катюшу». И плясать. Эта вечеринка затянулась за полночь.

Утром двое из них обходят с тазиком и кувшином палатки, будят клиентов и предлагают умыться, почистить зубы. За ними идут двое других и предлагают кофе. Что называется, «кофе в постель».

— Прямо как в том анекдоте: вам кофе в койку или ну его на... Как-то у меня гостил наш альпинист Алим Романов, и я тоже принёс ему кофе «в койку». Он взял поднос и сказал: «Пошел вон, дурак!»

— Это здорово — выпить после сна чашечку крепкого кофе. Когда же клиент раскачается, тогда уже идёт завтрак. И после этого он берёт анараку, зонтик и уходит. Всё остальное собирают и уносят носильщики.

— А личные вещи?

— Ты оставляешь свой рюкзак, они его забирают. Стоянка остается чистой. Ни банок, ни бумаги

— И всё на себе? Вьюка нет?

— Всё на себе. Они носят плетёные конические корзины, высокие, выше головы. С налобной повязкой. Килограмм по двадцать на каждого. Меня поражало их поведение. Они совсем не чувствуют себя угнетёнными, всегда весёлые.

Один упал, рассыпал свой куль и сильно разбил палец на ноге. Половина их идет босиком. Для нас какова привычная реакция на такое? Как бы выражался наш человек? А они окружили его с шутками и смехом, собрали его куль, замазали глиной палец, тряпочкой наживили и он с ними, веселясь, пошёл дальше.

— Не канючили ничего? Дополнительной платы?

— Нет. Совершенно. Когда шло расставание, мы с большим удовольствием отдали им всё, что могли отдать. Старший смотрит, чтоб ничего дополнительного не давалось. Никакого вымогательства.

— Это хорошо. Для меня, например, посещение египетских пирамид было совершенно отравлено вымогательством. Хватают, силком сажают на верблюда, напяливают на тебя платок в красную клетку с кольцом, грязный бурнус... И на каждом шагу — бакшиш, бакшиш, бакшиш... Отбоя от них нет.

— Нет, на треке этого нет. Понимают, что такое не нравится. Даже продавцы на тропе не пристают. По пути были торговые развалы с камнями, бусами, какими-то черепами, поделками, масками.

Из Непала мы переехали в Индию. Тяжелое впечатление оставила Калькутта. Ужас! Жилища из коробок, жестянок, туалет и кухня в одном месте, грязь невообразимая. И это в пределах города. Потом Дели и два дня на разграбление магазинов, налетели эти «лоцмана», наводчики на дешёвые кожаные изделия и всё такое прочее. И тут вечером мне стало плохо. Я не помню, как ночью меня увезли на «скорой помощи». Без сознания был.

— Что случилось?

— Да поймал какой-то амёбный колит. Очухался я уже в палате. Лежу и ничего не понимаю — где я, что со мной... Какие-то фосфорические огоньки мерцают. Пульт вызова. Нажимаю кнопки, и приходят ко мне разные женщины в национальной одежде.

— Сари, наверное. Кусок ткани обернут вокруг тела.

— Ну да, сари. Я не понимаю кто они: врачи, сестры, няни? Все одинаковы. Не понимаю, на этом и я свете. Лопочут чего-то, а я ещё плыву, не очень хорошо соображаю. А тут эти призраки и сари.

Пришёл в себя под капельницей. Тут врач и представитель нашего посольства. Он за отправку меня в Москву, а врач-индиец говорит, что нужно ещё лечение, можете не довезти его, он в тяжёлом состоянии. Эта одиночка обходится в 150 долларов за ночь.

— Понятно, что тебя посольские спешили спровадить.

— Через день меня выписывают, дают лекарства, а чего не хватает, я, мол, куплю в Москве. Черта с два найдешь их в Москве! Авиарейс задержали почему-то на двое суток и нас поселили в пятизвездочном отеле. Впервые я попал в такой отель.

— Но ты же был больной.

— Меня прямо из больницы привезли туда. Я уже начал вставать. В холле небо звездное. Я думал, крыши нет, так здорово сделано. Кухня европейская, азиатская, восточная — чего хочешь, только русской нет. Всё неограничено. Пожили там и благополучно прилетели в Москву.

— И болезнь прошла? Никаких последствий?

— Никаких.

— Тебе повезло. Когда я бывал в Индокитае, там в гостиницах обязательно стоял большой бидон с кипяченой водой. Если почистишь зубы или даже умоешься из-под крана, то сразу схватишь такую заразу, что век от нее не избавишься.

Красная палатка

После окончания летнего сезона, где-то в конце августа... позвонил мне Михаил Иванович Ануфриков и говорит: «Володя, ты знаешь, есть возможность поехать в Арктику». Я спросил, сколько это будет стоить. Он отвечает, что повезут бесплатно, а может быть, и заплатят что-то. Оказывается, речь шла о съёмке советско-итальянского фильма «Красная палатка». Об экспедиции Нобеля. Потребовался альпинист для работы на льду. Натурные съемки в районе Земли Франца-Иосифа.

Естественно, я сразу согласился. В тот же день поехал на киностудию и встретился с директором картины Мароном. Он русский еврей. Воевал, от контузии заикается. Мужик боевой. Объяснил мне, что я буду отвечать за безопасность при съёмках на льду. Вроде я специалист, хотя не имел ни малейшего представления ни о паковых льдах ни о морских, тем более арктических.

Под моим льдом воды не было, это совсем другой лёд.

Пришёл, сказал ребятам, что еду в Арктику, они меня чуть не убили. Только о себе думаешь?! А команда?! Тогда я вновь пошёл к Марону: «Вы знаете, я подумал и решил, что один не справлюсь с задачей». Он сразу: «Что хочешь?». — «Мне нужно ещё людей взять. Страховка, дублирование». — «Сколько?» — «Десять». — «Оформляй шесть». Вот такой разговор у нас произошёл. Ну, я взял своих друзей — Володю Безлюдного, Аркадия Мартыновского, Вадима Кочнева, Володю Кулагу, Борю Левина.

Но главное, там был Визбор. Юра ехал как актёр, играл роль врача Бегуоника. Думаю, он и навёл на нас киношников.

Ушли в Арктику. Запомнилось Баренцево море, оно никогда спокойным не бывает. Штормило так, что половина команды на вахту не выходила. Начались съёмки. Даже я играл итальянского офицера.

У меня фотография есть, потом найдём. Эпизод такой: арестовали Нобеля, он сидит под домашним арестом в каюте. А у каюты стоит часовой и подслушивает, какие Нобель ведет с кем-то разговоры. Проходит офицер, выговаривает этому матросу и даёт ему пощёчину за то, что тот подслушивает.

Несколько раз я дал человеку пощёчину, а мне говорят, так не бьют, нужно, как следует. Ну, я и вмазал, да так, что он чуть ли в нокаут не ушел. В роли часового стоял матрос. «Извини, друг, — говорю, — такое кино».

— У вас там как будто два ледокола было.

— Второй «Красин» потом подошел. Такой интересный случай был, сидит белый медведь и плачет. За голову держится и раскачивается из стороны в сторону. Зову Аккуратова Валентина Ивановича, главного штурмана полярной авиации. Человек-легенда. Он ещё с папанинцами работал. Кричу; «Валентин Иванович, смотрите, медведь плачет». А он отвечает, что медведь рыбу ловит, а не плачет. Представляешь, закрыл лапой чёрный нос и высматривает рыбу.

— А ледокол идёт мимо него?

— Мы идём, а он на льдине сидит. На нас ноль внимания, занимается рыбалкой. Это был один из первых белых медведей, которых я видел. Потом их стало очень много.

Остановились, первая съемочная площадка. Калатозов был главным режиссером фильма. Марон кричит: «Кавуненко, спасателей-альпинистов на лёд!» Выхожу на лёд, а он аж прогибается.

— Как прогибается?! Там же толщина.

— Понятия не имею, он как эластичный. Не то что прогибается, а как-то ходит. Даю команду: «Можно!». Спускается на лёд съемочная группа. Ну, ты представляешь, что такое съёмочная группа. Человек 50 народа и аппаратура — хлопушки, лягушки, камеры и всё остальное хозяйство. Готовят артистов, первая съёмка, для меня всё ново.

Очень скоро я понял, что в съёмочной группе жесткое разделение: режиссер, богема, артисты, обслуга. Не друзья-товарищи, а даже наоборот, каждый должен знать своё место и не высовываться. Ну и пошла работа, которая продолжалась несколько месяцев.

У нас, альпинистов, своя каюта, называется она «твиндек». Мы её прозвали «свин дек». Она в самом низу, мягко говоря, не из

самых благоустроенных, там даже иллюминатора не было. Мы вроде бы инородное тело в кругу артистов и киношников. Но люди мы независимые. Со всеми одинаково хорошие отношения, на их иерархию нам наплевать.

Нас в каюте шесть человек и Юра Визбор от нас не выходил. Весело жили, пели песни. Юра их много там написал, об этой эпопее у него целый цикл песен. Пели и играли в преферанс. Была пуля партийная и беспартийная (партийная — Юра, Аркан и я).

Смотрим, через день-два к нам приходит Валентин Иванович Аккуратов — главный штурман полярной авиации, потом и Василий Петрович Калашенко — главный испытатель Миля, Герой Советского Союза. Пришёл он с чайником спирта.

На ледоколе жестокий режим питьевой. Если нужно под какой-нибудь праздник купить бутылку водки, то только с разрешения капитана. С письменного разрешения его и только на день рождения. А они принесли вертолётный спирт, который применяется против обледенения винтов. Мы, конечно, не упивались в усмерть, так, для настроения.

К нам потянулся народ. Пришёл Юра Соломин. Из всех артистов он производил самое лучшее впечатление, интеллигент высшего класса, скромный, тактичный и очень много знает, с ним интересно. Принёс бутылочку вина. С него возник порядок «прописки», кто приходит впервые, тот приносит. Дальше — больше, пришёл к нам сам капитан. Команда обалдела! Капитан Ваденко спустился вниз. В «твиндек»! И приходил он к нам не проверить что-то, а придёт и сидит, не уходит. Будто у нас кают-компания.

Пришёл Никита Михалков. Рубаха-парень, весёлый, знает бесчисленное количество частушек, тысячу или две, и все матерные. Одна из самых простых: «Мимо тёщиного дома я без шуток не хожу...» Или: «На берёзе сидит Гитлер, а берёза гнется. Посмотри, товарищ Сталин, как он...». Многоточий он не ставил. Мы говорим: «Никита, ты не прописался». Он отвечает: «Понял». Тогда уже второй ледокол стоял в ста метрах от нашего — «Красин». Никита жил на нём.

Пошёл он по льду на свой ледокол. Из-за тороса вываливается белый медведь. Хорошего мало, мы уже знали по рассказам, что медведь нападает на всё движущееся. И сразу снимает скальп. Такая у него привычка, сдерёт скальп, а потом уже разбирается с добычей. Никита рванул со скоростью Борзова. Только это на льду и без шиповок, и медведь кого хочешь догонит, он только на вид неповоротливый.

Подбегает Никита к ледоколу, там трап приподнят от тех же

белых медведей. Он спортивный мужик, подтянулся и забрался на трап. Мы видели эту картину, и все вздохнули с облегчением. Со своего ледокола наблюдали — Юрий Визбор, Аркадий Мартыновский и я. Но когда Никита через 40 минут пришёл с бутылкой в нашу каюту, мы сумели это оценить.

Он играл летчика Чухновского. Молодой был, веселый...

По сценарию надо было изображать белого медведя. Согласился на это Аркадий Мартыновский. Дело совсем непростое. Имелась шкура, полностью белый медведь. Брюхо у него завязывалось на шнуровке. Голова, лапы — всё как положено. Ложишься в шкуру на спину, тебя завязывают. Потом ты должен перевернуться, встать на четыре ноги и ходить. Да еще прыжки делать. Шкура тяжелая, одна голова — пуд. Быть белым медведем оказалось очень нелегко.

— И походку медведя надо изобразить.

— Надо задом вилять. Мартыновского взмыленного выпустили на волю. Никита подошел и говорит: «Да, ну что вы там... Дайте я». Запаковали его, но у Никиты вообще ничего не получилось.

Был момент, когда мы насчитали сразу 16 белых медведей. Как колхозное стадо вокруг ледокола. Они очень любопытные. Медведь — хозяин на льду, ему наплевать на ледокол, на людей, на шум. И вот собрались медведи и сидят. Съёмки не идут, дело стоит.

Стоят два ледокола, аренда каждого обходится по 20 тысяч рублей в день, а работать не можем. Кстати в экспедиции имелся штатный охотник, которого пригласили специально под белых медведей. Но во-первых, медведи в Красной книге, а во-вторых, 16 штук, что ли, заваливать?

С белыми медведями произошла ещё одна история. По ходу фильма Марцевич отдавал свои вещи, заложил их в ледяную трещину и сказал: «Я всё равно умираю, вещи вам могут пригодиться». Где-то на 6-7 дубле Эдик, который вообще не пьет, решил согреться спиртом. В это время из-за тороса вываливается медведь. Белый медведь идёт как шансонетка, у него задняя часть виляет с большим диапазоном, а голова наклонена вперёд. И прямо дует на цель. А цель — Эдик. Охотнику кричат: «Стреляй!». А он: «Кто будет платить?». Началась перепалка. Причём никто никуда не убегает: трап далеко, медведь близко.

А медведь идёт как танк. Когда оставалось метров 50, охотник начал стрелять. Только на шестой пуле медведь сел и уже, конечно, не встал. Когда его вскрыли, то все шесть пуль обнаружили в области сердца. Можешь себе представить, какая мощь, какое могучее здоровье у товарища белого медведя. Когда

же его раздели, обнаружилось потрясающее сходство с человеком. Если бы не голова и лапы, ну просто человек и всё. Неприятно смотреть.

Тем не менее, медведя всё-таки съели. Шкуру пришлось выбросить. Он ведь в Красной книге и, чтобы разговоров не было, пришлось шкуру с вертолёта выбросить в море. Всё, что происходило в фильме на льду, дублировали альпинисты. Издали не видно, но это мы там ходим, кричим, что-то делаем.

С Никитой Михалковым и Юрием Соломиным мы потом встречались не раз и не два. И всегда для меня эти встречи были большим праздником. А недавно произошла встреча с Соломиным не в самом лучшем месте — в кардиологическом центре. Я зашел к Акчурину, после Перу мы с ним близкие приятели, и он говорит: «Ой, слушай, мне надо зайти сейчас к Соломину». Я спрашиваю: «К какому Соломину? Уж не к Юрию ли?» — «К Юрию Мефодиевичу». — «Тогда пошли вместе»

Как-то к нему захожу и говорю: «Юр, чего-то я хотел принести и забыл». Он смеётся: «Чего ты переживаешь? Возьми свой паспорт, открой, посмотри в него и не нервничай». С тех пор я паспорт и не закрываю. Не закрываю и не нервничаю.

Как-то я ему звоню: «Юр, мы хотим пойти в театр, там, где ты играешь». Он мне: «Приходи в любое время». Пошли на «Чайку». Я получил колоссальное удовольствие. Сохранены традиции Малого театра, всё по-настоящему, нормально. После этого я похвастался тому же Акчурину, ребятам, вот, мол, сходил на «Чайку». Они все завопили: «Давай и мы сходим, давай культпоход!» Таких друзей принесла «Красная палатка».

Подошли к Земле Франца-Иосифа, тут метеорологи построили большой, довольно приличный городок. Арктика — кухня погоды, оттуда прогнозируются циклоны-антициклоны, вся погода. Но оказалось, что погода на Земле Франца-Иосифа ничего не имеет общего с Арктикой. Там свой микроклимат за счет Гольфстрима.

Зашли в бухту Тихая и на лодках высадились на берег. Картина такая, будто чума здесь прошла: брошенные дома, ангары. В ангаре самолет стоит, рядом трактора, вокруг скелеты белых медведей.

В пустых домах лёд на метр, какие-то бланки телеграфные, бумаги. Висят черные и круглые динамики, помнишь, ещё до войны такие были? Юрка Визбор сразу схватил эту тарелку: «Ретро, ретро! Наша юность!» В Москву повёз...

— Видел я, Володя, эту тарелку у него дома на углу Петровки. И ещё на кухне у Юры висели ходики, а к гирям он привесил утюг, и ходики шпарили в два раза быстрее. Ему так

нравилось.

— Эта тарелка оттуда. Земля Франца-Иосифа создавала впечатление чего-то неземного.

— Ну да, неземного…

— Там у нас тоже проходили съёмки. Дирижабль там снимали, макет, конечно, длиной всего метров 15, но выглядел он, как настоящий. Надували, накачивали баллонами. Человека он не поднимал, его надо было проносить мимо камеры. Дирижабль играл Мартыновский.

Грандиозно прощались с Клаудиа Кардинале. Продюсером этого фильма был Кристальди, Кардинале его жена. Так вот ей он платил обалденные деньги. Она получила, не соврать бы, где-то около миллиона долларов за фильм. Хотя роль у неё не очень большая. А наши «киты» (Марцевич, Соломин, Визбор) играли главные роли, а получили по две тысячи советскими рублями и по 25 рублей за каждый съёмочный день. Столько же получал и я, как главный спасатель.

Перу

— 1970 год. Запланирована экспедиция на Юго-Западный Памир со стороны Джаушангоса. Заявлена на Союз стена пика Энгельса. Экспедиция готова, собраны все грузы, часть грузов уже отправлена контейнерами. В это время произошли страшные события в Перу. Мы знали, что там большое землетрясение, много жертв, но Латинская Америка далеко…

И вдруг звонит Ануфриков и говорит о решении партии и правительства оказать помощь потерпевшим бедствие во время землетрясения в Перу. Тогда по-разному, но откликнулись на это несчастье все страны мира. Кто посылал довольствие, кто людей, кто медикаменты. Наше правительство решило направить туда группу медиков, поскольку вспыхнула сильная эпидемия, много больных. Эпицентр землетрясения находился в районе Кордильер, поэтому требовались альпинисты.

Поручили всю акцию и организацию дела ЦК комсомола. Меня вызвали в 9-й подъезд в ЦК партии, где прошла беседа по проведению этой акции.

— МЧС ещё не существовало?

— Советская власть ещё была, тогда действовала Гражданская оборона. Началась комплектация отряда, отбор людей. Комсомол был могучей организацией, не вижу аналогов ему во всей мировой практике. А в настоящее время вообще нет никакой организации. Тогда всё было построено чётко, по высочайшему классу: общее руководство — Бычков Генрих Александрович, начальник штаба — Гадакчян Константин

Армаисович, комиссар Комаров Илья Константинович и шесть членов штаба, которые быстро и оперативно решали все вопросы, в том числе и зачисление в отряд. Шёл поток людей. На собеседовании у них брали обычные анкетные данные. Планировали отобрать 75 человек. С большим желанием шла молодежь.

Нас отправили на подготовку в Наро-Фоминск. Поселили в казармах, меня оставили за главного. Программы и плана сбора не успели создать. Что делать с этими здоровыми ребятами, я должен был решать сам. Альпинистов трое — Слава Романов, Витя Гуменюк и я. Остальные — студенты 5—6 курсов мединститутов и группа врачей. Врачи остались в Москве, а мне надо было с этими студентами-комсомольцами чем-то заниматься. Придумал нормативы по плаванию, подтягиванию, футбол, волейбол, физподготовка. С утра хорошая зарядка. Тут пришла команда сократить отряд на 25 человек. Вот это было трудно, все рвались в бой, все очень хотели поехать.

Настал момент, нас одели в форму студенческих отрядов: прибалтийская — голубая, московская — зеленая. На ней изображена красивая эмблема: красные гвоздики и на испанском языке написано СССР. Из альпинистского снаряжения мы взяли с собой верёвки и крючья. Едем в Кордильеры, а что будет там, не знаем.

Один транспорт стартовал с военного аэродрома, «Антей», большой военный самолет. Туда погрузили военный госпиталь со всем оборудованием, часть персонала из военного госпиталя, небольшую часть солдат срочной службы (человек пятнадцать). В этом списке был и я, как опытный альпинист и горноспасатель. В последний день, можно сказать, в самый последний момент, меня перекинули на Ил-76, который летел по маршруту Москва — Рабат — Гавана — Лима.

«Антей» же летел северным путем через Канаду: Рабат не мог принимать такие большие самолеты.

Стартанули одновременно. Мы сели в Лиме. Самолёт же, на котором был госпиталь, всё наше альпинистское снаряжение и числился я, после старта из Канады пропал без вести. Самолёт взлетел и нет самолёта. Опять тут показала себя моя судьба. Так и не нашли наш «Антей». Советское правительство обратилось ко всем странам мира, просило оказать содействие в поисках этого самолёта, но кроме обломков тары ничего не нашли. По всей видимости, самолёт взорвался в воздухе. Предполагают, могли взорваться кислородные баллоны. Но вряд ли…

Когда наш «Антей» сел в Канаде, там устроили всем желающим доступ для его осмотра. Хотели показать нашу чудо-

технику, эта мощная машина по тем временам была сверх модерновой. И вот пошёл народ её смотреть, входили сзади, выходили по трапу спереди. И после этого самолёт взрывается в воздухе. Пропал, как в воду канул. Что стоило оставить в самолёте какую-нибудь пакость?

По прибытии, мы сразу отправились в эпицентр землетрясения, там по неполным данным погибло 80 000 человек. Эпицентр землетрясения располагался в районе горы Уаскаран, это высшая точка Перуанских Кордильер (6768 м). Прямо с вершины произошел гигантский обвал из-за землетрясения. Обвалились, как подсчитали, миллионы кубометров, они пошли вниз и снесли поселок Ранраику на 5000 жителей. Этот обвал вытеснил несколько озёр перед городом Юнгай и уже в виде селевого потока пошёл на город. Перед ним расположен гигантский контруклон, он его перепорхнул, как бабочка, и залил Юнгай селем на десять метров высотой, под которым осталось 25000 жителей.

Наша штаб-квартира располагалась в городе Уарасе на высоте более 3000 метров над уровнем океана. Прилетел военный госпиталь, там специалисты наши высшего класса. Оперативные группы по 5—7 человек отправлялись вертолётом и пешком в «горячие точки». Где требовалось срочное оказание помощи. В провинции Анкаш наши оперативные группы побывали более чем в 50 городах и поселках.

Сначала нас встречали как всех белых «гринго». Это у них презрительная кличка для всех иностранцев. Но через неделю мы уже стали «амиго», что означает друг. Не потому, что мы такие хорошие советские люди, оттого, что ребята там «пахали» от зари до зари. Приём начинался с рассветом и заканчивался с наступлением темноты. Слух о добрых делах распространяется там со скоростью звука, беспроволочный телефон работает без перебоев.

— В чём состояла ваша работа? Не медиков?

— Мы работали все вместе. Вечером собирался штаб из шести человек, иногда на нём присутствовали алькальдо всего района и комендант. Правит там, конечно, комендант. Алькальдо — глава городской администрации — выборная должность, цивильная, комендант человек военный, у него вся власть в руках...

Они сообщают нам об обстановке и мы вместе решаем, что надо делать в первую очередь. Начались эпидемии. В отдельных местах о медицине мало что слышали, а о лекарствах не имели ни малейшего представления.

В связи катастрофой распространились разные болезни, такая, например, как перуанская бородавка. Что-то вроде

проказы, европеец умирает через день-два, а перуанец может бороться с этой болезнью несколько месяцев. Идёт отмирание тканей. Передаётся эта гадость через укус комара.

Поступает сигнал об эпидемии в Акачако. Собирается группа, но алькальдо предупреждает, что до нас там белых людей не было. Тем более о русских никто не знает, даже их преподаватели, имеющие образование. А если имеется какая-то информация, то не в нашу пользу. Поэтому нас предупредили, если мы им не понравимся, с нас снимут скальп себе на память, там не церемонятся. Но, комсомол, вперед! Скальп, так скальп!

Скачем туда на лошадях, верхом раньше никто не ездил, это, наверное, со стороны заметно. Приехали в Акачако, нас встречает алькальдо на центральной площади, огороженной, как итальянский дворик. Все высыпали нас встречать. Выделили нам помещение, мы устроились и вывесили красный флаг. А там, если висит белый флаг, то значит, в этом доме можно купить пищу, а если красный, то в этом доме продаются спиртные напитки. Не сразу разобрались.

Из Америки привезли целый «Боинг» медикаментов, самолёт сопровождала жена Кеннеди. На момент нашего приезда власти боялись этих медикаментов. Медиков там почти нет, а лекарства в прекрасной, яркой упаковке, растащат, съедят, и неизвестно чем это кончится. С разрешения Красного Креста мы воспользовались этими медикаментами. Во время приёма делали профилактические уколы и прививки. Всем раздавали витамины, американцы очень много их привезли. Переводчики-испанцы не знали наречия «кечуа», но языковый барьер мы преодолели быстро. Пришла старушка, сколько ей лет непонятно, не то сто, не то сто пятьдесят. Лицо — географическая карта: на жёлтом пергаменте, сетка морщин. Ей предложили раздеться, она сняла с себя очень много панталон. «Что болит?» — «Всё болит».

Эта бабулька вытащила из-под юбок кисетик с рыжими монетками, золотыми и бесформенными, может быть, периода инков. А я собирал монеты, у меня глаз загорелся. Был бы один, рискнул бы взять монетку. Но пришлось ей объяснять, что денег мы не берём. Она ушла и через день принесла яйца. Жила она в поселке Тумпо на высоте 4200 метров.

Гигантское количество народа мы приняли.

— Кого-нибудь откопали?

— Откапывали уже трупы, мы, как всегда, опаздывали. Надо приезжать на следующий день после землетрясения.

*****

Что сделано из камня, например, церкви с кирпичной кладкой и толстыми стенами кое-где остались стоять, дали

только трещины.

Однажды откуда-то сверху привезли мальчика в состоянии клинической смерти. Пульс не прощупывается, совсем плохой, шансов на спасение практически нет. Отец его объяснил, если мальчик умрёт у нас, то по обычаям в родной дом его вносить нельзя. Он готов был забрать ребёнка обратно. Нам было ясно, что обратной дороги мальчик не вынесет. Геннадий Гузнов, хирург 1 -го Медицинского института, поставил диагноз — панкреатит. Надо немедленно оперировать.

Трое суток боролись наши врачи за его жизнь, на четвёртые к мальчику возвратилось сознание. Произошло невероятное. Местные жители взволнованы: русские вернули к жизни умирающего, русские оживляют. Весть об этом быстро облетела все города и сёла провинции Анкаш. И таких случаев было немало. Валя Коколина принимала роды многократно и тоже реанимировала детей. В её честь был назван не один ребёнок.

Юнгай! О трагедии этого города мы знали, но то, что увидели, поразило: из застывшей массы селевого потока торчали огромные глыбы серого гранита. Ни малейших признаков жизни, только чудом уцелевшие четыре пальмы напоминают, что здесь стоял цветущий город с многовековой историей, город фиест и коррид, город ритуальных танцев и маскарадных шествий. От населения города осталось несколько сот человек, которые были на выезде или на представлении цирка. В это время там гастролировал цирк «Шапито». Он стоял на горе, селевой поток не дошёл до этого возвышения. Кое-где видны одинокие фигуры в траурной одежде и с крестами, медленно бредущие по бывшему городу. Родственники погибших пытаются определить, где стоял их дом, и где остались их близкие. Сохранился на возвышенности Иисус Христос, высеченный из белоснежного мрамора. Он стоит над бывшим городом с распростертыми руками.

А дальше над «городом» возвышается сверкающий, ослепительно белый двуглавый Уаскаран, гордость всех жителей провинции Анкаш. Именно с этой вершины и произошёл обвал. Смотришь на эту вершину и на то, что осталось от города, и поражаешься контрасту красоты и ужаса.

Ещё в Москве мы узнали о трагической гибели 15 альпинистов из Чехословакии. Среди погибших много моих знакомых по совместным восхождениям на Кавказе, Памире, в Татрах. При попытке пройти сложную стену вершины Уандой (6500 м) погиб один их альпинист. Ещё до землетрясения. Руководство экспедиции решило перебазироваться под Уаскаран и совершить восхождение на высшую точку перуанских Кордильер по обычному пути. Базовый лагерь расположили ниже

озера Лангонуко. Обвал с вершины вытеснил озеро и весь базовый лагерь со всеми участниками экспедиции был погребён за несколько секунд.

Перед нами постоянно стояла манящая к себе гора Уаскаран, красивая, сверкающая, высотой 67-68 метров над уровнем океана. Несмотря на трагедию, каждый из нас троих альпинистов мечтал о ней про себя, в уме. Не хватало нахальства говорить о восхождении на неё вслух. Но все мы, Слава Романов, Виктор Гуменюк и я, продолжали о ней мечтать.

***

Пошли под Уаскаран, разбили лагерь на высоте 51-00 у границы морен и ледника. Тут мы встретили бычка, чёрненького красавца, и попытались с ним поиграть. Потом не знали, куда от него бежать. Бычков тут готовят для корриды, выпуская на волю. Боевые звери.

Нашли огромную плиту из серого гранита, решили поставить на ней памятник друзьям-альпинистам. После обсуждения различных вариантов остановились на символических ступенях из гранита. Вмонтировали ледоруб и несколько крючьев для закрепления верёвки, сделали надпись на испанском языке, рассказывающую о месте и времени гибели альпинистов из Чехословакии.

На открытие памятника поднялись ребята из молодёжного отряда с охапками живых цветов. Теперь ни одна высокогорная экспедиция не минует памятник. Штурм Уаскарана начинается отсюда. Во время сооружения памятника мы провели разведку путей подъёма на Уаскаран и даже осуществили попытку восхождения. Но подземные толчки продолжались, и мы возвратились.

— У вас же не было снаряжения. Пытались идти в кедах, что ли?

— Там американские альпинисты были, взяли у них кое-что из снаряжения, верёвку попросили ли у местных жителей.

****

Пошли вверх. Обычный путь нам известен, к леднику вышли без проблем. На леднике свежие разломы и развалы такие, что иногда нет прохода. Поставили палатку, заночевали. Ночью проснулись от взрыва, выскочили из палатки — в двух метрах от нас зияла огромная трещина, которой вечером не было. Моральных сил нам это не прибавило, уснуть мы уже не могли. Гора продолжала дышать, мы всё время в напряжении.

Ледник в таких трещинах, что переползать их сложно. Ушли вправо, под висячий ледник. Висячия ледник это опасно, но дело престижное, приходится идти на риск. Под этим ледником день

шли к выходу на перемычку, на предвершинное плечо Уаскарана. На перемычке нашли остатки других лагерей и на следующий день поднялись на вершину.

Как и было условлено, посвятили восхождение памяти погибших от землетрясения. Вершина снежно-ледовая, с шапкой. Сложили на вершине подобие тура. Погода испортилась, долины не видно, хотели пустить ракету, но её бы всё равно не увидели. А наблюдатели ещё при хорошей погоде видели нас на вершине в трубу.

****

Когда нас встречали, собралось очень много детей, все босые, грязные, но огромные черные глазищи горят радостью. На нас нацепили гирлянды из цветов, цветы собрали во всей округе. Фантастическая встреча! На носилках нас носили, брали у нас сувениры и нам что-то дарили. Мне подарили золотую цепочку, там это легко, золото дарится элементарно. Затем мы оказались в Манкосе, и торжественная встреча перешла в торжественный ужин. Поздравления, музыка, выступления... Лёня Левченко великолепно исполнил ритуальный танец. Перуанская кухня, национальные напитки. Ужин затянулся, но завтрак подали как обычно, а в 9.00 ребята уже принимали больных. И опять мы начали ездить по городам и посёлкам, делать прививки, лечить, хирурги делали операции, среди них и сложные.

Однажды на заседание штаба пришёл в коричневой рясе святой отец. Говорит, что пристально за нами наблюдает уже три-четыре недели. Просит обратить внимание на население отдалённых мест. Там идет вырождение за счет родственных браков, нет обновления кровей, нация деградирует.

О трагедии нашего самолёта знали уже в провинции Уарас, где располагался наш штаб. Решением городских властей нам выделили площадь, и мы поставили на ней довольно-таки приличный памятник из гранита и с надписью. Когда соорудили монумент, на его торжественное открытие собралось много народа. Море цветов.

В каждом городе мы попадали в книгу почётных граждан — Юнгай, Уаскаран, Тумпо и так далее. Обставлялось занесение имен в книгу тоже весьма торжественно.

Удивительно, в этой поездке собрались абсолютно незнакомые друг другу люди, и ни разу не случалось каких-либо осложнений между ними. Пятьдесят пять человек разных по возрасту, по жизненному опыту, по взглядам жили весело и спокойно. По сегодняшний день мы встречаемся каждый год в начале октября. Бывает, кто-то не приходит, но на следующий год обязательно появляется. Люди были объединены одним большим

делом.

Большая часть наших студентов выросли в крупных специалистов в медицине, защитили диссертации, кто кандидатские, кто докторские. Некоторые стали профессорами.

— Хемингуэй, Володя, конечно, писатель, может быть, большой писатель, но вот насчёт «мужчины высочайшего класса» я бы усомнился. Когда-то он и для меня был примером истинного мужчины, символом мужества, но теперь я так не думаю. Хемингуэй писал, например, что мир делится на две части: на тех, кто видел вблизи леопарда, и на тех, кто не видел. Мы что, не видели с тобой снежного барса? Да нос к носу. Ты вон и пуму видел. Ну и что?! А он видел южную стену Ушбы? Знает, что такое высота семь с половиной тысяч метров?

Во время войны в Испании, получив царапину, он бегал по госпиталю и кричал, как твой Арик Поляков: «Я ранен! Я ранен! Я Хемингуэй!» А на тебе живого места нет, весь ломан-переломан. Проснувшись по утру, ты теперь тратишь сорок минут только на то, чтобы размять свои суставы, ублажить свои старые травмы. Иначе тебе не начать новый день. Показухи многовато у этого «классного мужчины».

— Не знаю, я ему верил.

— Вот, вот, Володя, верить можно только своим глазам и ушам.

— Меня как раз умудрились обокрасть в Гаване, украли деньги и документы прямо в номере. У нас был спецрейс. В самолёт меня посадили без документов.

В Шереметьево нас встречали как героев — мимо таможни, открыли ворота, цветы, музыка, речи… А меня под стражей ведут, как преступника. Встречали меня, конечно, жена, сын, Юра Визбор, Аркадий Мартыновский, много друзей. А меня в кутузку. Я с картиной «Тайная вечеря» под мышкой. Звонят в МИД, там говорят, должно быть временное удостоверение. Звонят в Гавану, а они даже не сделали запись о пропаже документов и об обращении к ним. Жене предложили привезти какие-нибудь документы из дома, хоть что-нибудь, удостоверяющее личность. Сначала меня водили в гальюн под охраной. В кармане у меня оказались сертификаты, попросил начальника послать за бутылкой и мы хорошо погуляли. Привезли мой военный билет и меня отпустили домой.

Тогда же было принято решение правительства Перу о награждении нас перуанскими орденами за работу. Получили же мы свои награды только в 2000 году. Меня тогда, как и многих членов отряда, наградили «Орденом Командора».

Памяти восьми

— Я всегда считал, что женщины не должны заниматься альпинизмом на высшем уровне. Не выше 2-го разряда и инструктора. Преподаватели, тренеры из них получаются, они могут быть хорошими наставниками. И хватит. Не потому, что они не могут быть большими мастерами, они всё могут. Могут, как известно на Эверест взойти,могут пройти сложный технический маршрут, просто не женское это дело. Я встречал женские группы, возвращающиеся со сложных восхождений, и скажу тебе, зрелище не из приятных. Когда приходит мужик, ободранный, черный, худой, — это ладно, но женщины...

— Я с тобой согласен, Володя, не женский это спорт. Помнишь, была такая шутка: альпинизм — школа мужества, туризм — школа замужества. Понимаешь, мужчине более свойственны инстинкты борьбы, физического преодоления. И это не пустые слова, в этом природа и призвание женщины. Материнство ну никак не совмещается с тяготами сложных восхождений. Хорошо, когда женщины ждут нас в лагере.

— Нас с тобой женщины осудят, но я остаюсь при своём убеждении. В 1974 году спартаковской группой мы поехали в Болгарию кататься на горных лыжах. С нами была Эля Шатаева, молодая, симпатичная, весёлая женщина, довольно-таки спортивная. Она уже работала инструктором альпинизма в наших спартаковских альплагерях и много сделала для создания чисто женской группы у нас в «Спартаке». Её женская группа обладала опытом серьёзных восхождений. В 1972 году они сделали траверс Ушбы, в 1973 году сходили на семитысячник — пик Корженевской. Эля знала мою точку зрения на женский альпинизм.

Задавали и мне вопросы. Спросили про моё отношение к женскому альпинизму и я ответил, что, если бы имел право, то чисто женский альпинизм запретил бы, Элеонора Сергеевна после этого два дня со мной не разговаривала. Но каждый имеет право на свою точку зрения. Я и сейчас так думаю.

В Москве Эля ещё раз обратилась ко мне с просьбой помочь ей в формировании женской группы для восхождения на пик Ленина. Единственное, что я мог сделать, так это не прийти на заседание, где утверждался состав группы и само восхождение. В этом заключалась моя помощь. Восхождение женской группы на пик Ленина утвердили. Я помог им со снаряжением.

— Какое отношение к этому было у Володи Шатаева, мужа Эли?

— Утверждать боюсь, но, мне кажется, он не мешал им и помогал в организации. Володя человек мудрый, он не спешил

делать категорических заявлений. Против женского альпинизма в целом он не возражал. Просто на основании своего опыта считал, что надо учитывать возможности женщин. А высотный альпинизм, по-моему, выше их возможностей.

Девушки выехали на Луковую поляну под пиком Ленина. Место известное, там уже не один год существовал Международный альпинистский лагерь (МАЛ), собирались альпинисты со всего мира. В сезон там бывало по 150—200 иностранцев, они делали восхождения на пик Ленина, на пик Корженевской, на пик Коммунизма.

Иностранцы хорошо платили, хотя гораздо меньше, чем в Гималаях. Для них эти восхождения служили подготовкой перед Гималаями. На Памир стремилось так много иностранных альпинистов, что невозможно было принять всех желающих.

В 1975 году я имел счастье, скорее несчастье, работать начальником этого международного лагеря на Памире. Ещё в 1974 году я видел, как обманывало иностранцев наше руководство и в следующем году убедился, что добрую половину положенного иностранцам не давали, наживаясь на этом. Общее руководство осуществлял Монастырский, спартаковец, турист. В какой-то степени он по моей протекции попал на эту должность и мне на эту тему говорить неприятно.

— Чего стесняться, Володя? Что было, то было. Я тоже провёл один сезон на Сулоева в МАЛе под пиком Коммунизма, работал тренером с американцами и в кавказском МАЛе, видел, как наш дорогой Арий Иосифович Поляков приворовывал. А когда мы, тренеры, возмутились и сообщили об этом высшему руководству, то нас всех до одного просто не взяли в следующий раз. Вокруг нас всегда пристраивались такие «параальпинисты».

*****

Экспедицию по снятию девочек провели в следующем, 1975 году.

— Известный режиссёр-альпинист Петер Пээт заснял эту жуткую картину, мы все её видели.

— Найти их оказалось нетрудно, ураганный ветер сдул снег. Упаковали, надо спускать. Как? Решили спускать прямо по линии падения воды. Опасно, но что поделаешь? Двигались с большой осторожностью, с разрывом, делали пещеры. Могло случиться всё, что угодно. Но, слава Богу, спуск прошел благополучно.

В МАЛе встретился нам некто Чебоненко,человек с гигантским отрицательным зарядом. Его нигде и никто не принимал в свою команду. Приехал он с группой немцев, не то альпинистов, ие то туристов. Я как глянул на них, понял, что не готовы они ни к какому восхождению, даже но экипировке видно.

Чебоненко наблюдал наш спуск. Маршрут заманчивый, следы, ступени, пещеры и самый короткий путь. Я его предупредил, чтоб он даже не думал идти нашим маршрутом. Мы уже и так перегрузили склон, да ещё снегу добавилось. Он сделал вид будто понял. И через три дня пошёл с немцами по нашему маршруту. Как и следовало ожидать, в лавине погибли два немца, остальные вернулись ни с чем.

Мне же выпала тяжёлая миссия встречать родственников погибших девушек в Дара ут-Кургане. Встретил я их, доехали на машине до места, где виден пик Ленина, остановились и я подробно рассказал о том, что произошло с нашими девчонками в 74-м году. Рассказал, как мы их спускали, о немцах, погибших на нашем пути. Не знаю, что я еще рассказывал, но спало напряжение, наладился нормальный человеческий контакт.

Затем захоронение, гробы на плечах ребят, зелёный холм, цветущая поляна... В Москву увезли только Фатееву и Васильеву, остальных похоронили у МАЛа на холме. Эля Шатаева тоже там лежит. С тех пор мы ежегодно в мае проводим в Царицыно кросс «Памяти восьми», в нём участвуют альпинисты всех возрастов и поколений.

— Хорошо, что вы их там похоронили. Сколько ещё альпинистов лежат, вмерзшими в лед, на склонах высоких вершин.

Шаровая молния

Звонит Поляков. Он тогда работал инструктором ЦС «Спартак», спрашивает, почему мы не едем на Кавказ. Почему одна из сильнейших команд «Спартака» не участвует в первенстве ЦС. А мы с ребятами уже наелись альпинизма в том сезоне. Впрочем, долго я не сопротивлялся и начал обзванивать ребят. Первым согласился Башкиров. Наша команда к тому времени состояла из Башкирова, Саши Зыбина, Олега Коровкина и Вити Копрова. С нами поехал ещё и Юра Визбор.

Прилетели мы в «Узункол», все интересные маршруты уже разобраны. Есть там гора с очень красивой стеной, «Трапеция» называется. У многих альпинистов горел глаз на эту стену. Её не делали только по одной причине — она сильно била камнями. Била так, что камнепад перехлёстывал всю стену и уходил на ледник. Всё это непредсказуемо, но очень уж красивая стена. И мы заявили её на ЦС. Визбор тогда сказал: «Ты с ума сошёл?!»

Вышли мы на стену впятером. Юра шел с нами до штурмового лагеря. Идём мы по морене, по камням, которые слетели со стены. Юра беспокоен, я пытаюсь его заверить, что мы вернёмся, если почуем неладное. На этом и расстались. Но у него

было предчувствие беды. Он мне неоднократно говорил — вернись. Юра был сильным телепатом.

Остались мы под стеной, день наблюдения, день обработка. На третий день мы прошли эту стену. И, представляешь, ни один камень нас не задел. Отколы, разрушение гигантского массива идёт потихоньку. Днем оттаивает, ночью замерзает. Нам повезло.

— Вот ты рассказываешь, Володя, и я вижу знакомую картину. По кулуарам и желобам с грохотом летят камни. Огромные «чемоданы», ударяясь, образуют небольшие облачка в виде каменной пыли. Вроде как разрывы небольших мин или снарядов. Всё несется вниз по кулуару, словно зона артиллерийского обстрела. И самый сильный обстрел в середине дня.

— В середине дня мы были уже высоко. Когда поднялись на гребень, началась непогода. Фронт идёт мимо нас, грозовая облачность. Видимости нулевая. Туман. Не видно, куда уходить с гребня. Поставили в снежной мульде палатку. Вернее, вкладыш от австрийской палатки, он меньше нашей памирки. Для пяти человек тесновато. Разобрали железо. Я попросил Коровкина и Башкирова не раздеваться на тот случай, если растянет облака и сможем увидеть спуск на ледник.

Устроились в палатке. И здесь опять сыграла роль моя судьба. Ещё раз убеждаюсь, что от своей судьбы никуда не уйдёшь. Я всегда спал в палатке слева, с краю. Это было мое место, хотя и не самое лучшее. Все это знали. А тут, поскольку было очень тесно, я и Зыбин, как самые крупные, легли головой внутрь палатки, а остальные «валетом» головой к выходу. Олег Коровкин лёг на моё обычное место — слева с краю. Мы дали вечернюю связь, сказали, что прошли стену. С нами всё в порядке, не можем пока спускаться из-за отсутствия видимости.

В два часа ночи я вдруг просыпаюсь и вижу, между мной и Зыбиным висит шар фосфорического цвета размером с теннисный мяч, который вдруг зажил своей жизнью. Не знаю в какой последовательности он работал, но отметины оставил на каждом. Помню крики то с одной, то с другой стороны. Потом меня оглушил сильный разряд и ожог. Дальше — больше. Что происходит, не пойму. Сознание мерцает - то возвращается, то уходит. Сколько это длилось, не могу себе представить, да и никто не знает. Шаровая молния вела себя непонятно. Ткань (материал) не трогала. На моём спальном мешке она оставила отверстие диаметром сантиметра полтора — небольшая дырочка. А поражено было почти всё бедро. И палатка осталась цела. Слышал я только треск.

Кого и как она жгла, трудно сказать, но меня поджарила

прилично. В голове одна мысль, если мы не сообщим по рации о происшедшем, мы не выдержим болевого шока. Попросил Капрова (он единственный, кто мог что-то делать) найти рацию и передать в лагерь, что мы срочно нуждаемся в помощи. Последнее, что я чувствовал перед потерей сознания, — это то, что мне выжигают бедро. Когда же вернулось сознание, у меня было ощущение, что я весь сгорел. Голова работает, а тела нет. Я не чувствовал ни боли, ни рук, ни ног. Ничем не мог пошевелить. Сколько я пролежал в таком состоянии — не знаю. Одна мысль была, почему у меня работает голова, если я умер? Потом я ощутил пальцы левой руки и смог ими пошевелить. Я решил, если найду этой рукой у себя на груди зуб, то я жив и не совсем сгорел. Зуб кабана - мой амулет, талисман. Я родился в год кабана и всегда в горах ношу его зуб на цепочке. В Москве я его не надеваю, только в горах. Трогаю себя по груди, но зуба не нахожу. Делаю вывод, что сгорел. Но когда немного отпустило, и я почувствовал боль в ногах, понял, что жив. Прошу Витю Капрова развязать мне ноги. У меня сложилось впечатление, что ноги мои заплетены.

Стало отпускать, и я окончательно осознал необходимость связи и помощи, иначе мы долго не протянем. Связались и узнали, что люди к нам идут. Появилась надежда, надо было ждать.

Как потом оказалось, у меня восемь контактов с шаровой молнией в разных местах. Все ожоги 4-й степени, обугливание. У всех 4-я степень. Всё сразу сгорает до кости. Зыбин и Башкиров получили по шести. У Володи Башкирова ожоги выше левого глаза и на пятой точке, очень сильно поражено колено, рука. У Зыбина касание в мочеполовые органы. При мочеиспускании идёт жидкость с черными кусками. Один Капров получил незначительный ожог в пятку. Вниз он сам уходил. А вот Олег Коровкин, который лёг на мое место, получил три касания. Касание в солнечное сплетение, видимо, всё и решило.

Когда я пришёл в сознание, то потрогал его, он лежал рядом, и я понял, что он мёртв. Но я дал команду Капрову реанимировать его: искуственное дыхание рот в рот, массаж сердца.

Утром слышим по связи, что группа Кавуненко погибла на «Трапеции». Видимо, произошла путаница и решили, что погиб не только Олег, но вся группа.

Спасотряд возглавлил Боря Кораблин. Боря боец, спортсмен высокого класса. Когда я узнал, что он идет к нам, мне стало легче чисто психологически. Он подсчитал и сказал, что в 12 будет у нас. До 12 организм ждал, а когда пошла задержка по

времени, боль начала усиливаться. А тут еще солнце стало припекать, обожжённые места горят. Башкиров отключился мгновенно, полностью вырубился. Саша Зыбин ведёт себя нормально, но у него подгорела мошонка и он очень переживает, как дальше всё пойдёт, будут ли дети. Я говорю: «Если ты, Саша, справляешь нужду, значит всё у тебя в порядке, ты на все 100% мужик». Не знаю почему мне в голову такое пришло, но, представляешь, он поверил и успокоился. В дальнейшем у него родился сын.

Подошёл спасотряд. Ребята немного задержались и это ожидание мы пережили очень тяжело. Я был в сознании.

Доктор предложил обработать ожоги спиртом. Я говорю, мы все поумираем от болевого шока, давайте лучше выпьем по 100 граммов спирта, а ты сделай нам обезболивающие уколы. Башкирову пришлось открывать челюсть чуть ли не ножом. Все в отключке, кроме меня. Не знаю от чего. Может, на мне лежала ответственность за группу.

Уложили нас на акии. Ожоги мокрые. Самое страшное — это перевязки. Меня отправили последним.

Очнулся я, когда нас почти вертикально несли по травянистому склону. Думаю, не уронили бы. Подошёл мой сын Игорь. Принесли нас в лагерь. Врач Элконев начал делать перевязки. Невесёлое дело. Лежим мы после этого с Сашей Зыбиным и Володей Башкировым, и я предлагаю выпить коньяку. Володя не мог пить, был без сознания, а мы с Сашей выпили за милую душу бутылку. Стало легче.

Под утро приехала Люся Коровкина. Приходит ко мне: «Где Олег? Я привезла медикаменты, всякие лекарства, нужно ему помочь». «Люся, — говорю, — Олега нет, он от нас ушел. Мы оставили его там, где всегда снег, где холодно». Объяснил ей, как мог. И без всяких истерик выпили мы с ней коньяку. Почему я всё время говорю, выпили, выпили. Это снимало боль, но как ни странно, хмеля никакого не было.

Нас хотели перевезти вертолетом, но погода не позволила. Тогда акии погрузили в грузовик. Просто так лежать трудно, как не положи, всё равно попадаешь на обожженное место. А тут по горной дороге...

Приехали в Карачаевск. Из больницы вышел врач, поднялся на колесо, посмотрел на нас и говорит, таких больных не берём. Повезли нас в Пятигорск. Начался проливной дождь, кое-как натянули брезент, везде подтекает. Я лежу в акии, как в корыте с водой. Думаю, теперь я умру от воспаления легких.

***

Лежим третьи сутки, проблемы с туалетом. А рядом лежит

дед и кричит, что у него при клизме оставили трубку. Для нас специально вызвали пожилую няню, как самую опытную. Так вот эта няня действительно вытащила у деда мундштук от клизмы.

Наконец, нас отправили в Москву. Там встретили альпинисты, знакомые врачи. Мой друг Лев Успенский, он старше меня, первый мой приятель в Москве. Когда я приехал в 60-м в Москву, Лев был председателем секции альпинизма московского «Спартака». По профессии он врач, хирург и инструктор альпинизма. Успел пройти часть войны. Он и сейчас работает, делает операции в 1-м медицинском. Лев для меня и московского «Спартака» сделал очень много. И когда я увидел в Москве Льва, поверил в благополучный исход.

Положили нас в ожоговый центр, но почему-то в разные палаты. Я долго просил нас объединить, но потом узнал, что врачи боялись наших воспоминаний о произошедшем. И нас разъединили, чтоб не было психологических сложностей.

Ожоговый центр. Каких только там мы не увидели ожогов, но таких, как у нас, не было. Заведовала отделением Юлия Михайловна, прекрасная женщина и специалист высокого класса. Душа у неё открытая. Она переживала за больных, болела вместе с ними. Она настолько была нам нужна, что забыть её невозможно, даже спустя много лет. От болей я часто терял сознание.

Однажды слышу сквозь пелену возвращающегося сознания два голоса: мужской и женский. Мужской говорит: «Мне нужно поговорить с ним, я должен сделать материал». Узнаю голос Ария Иосифовича Полякова. Приоткрываю глаз — действительно он. А женский голос отвечает: «Господи! Да оставьте вы его в покое. Он уже не жилец». Я понимаю, речь идет обо мне и говорю: «Юлия Михайловна, это вы о ком?» Она смутилась, а Арику все равно, какой материал писать, хоть хвалебные оды, хоть некролог.

— Я ему сказал, пусть пишет, что хочет, но только моей фамилии не называет. Я больше всего боялся, что мать узнает. Кстати, она так полностью всего и не узнала.

Мы часто беседовали с Юлией Михайловной. Она объясняла, что сначала надо ждать пока произойдет отторжение мёртвой ткани, затем мне предстояло восемь операций по пересадке кожи. Со здоровых участков брали кожу и приживляли на сожжённые места. Утром Юлия Михайловна сказала, что к нам придёт лично Михаил Ильич Кузин, учитель и шеф Льва Успенского. В то время он был директором института Вишневского, почётным членом многих наших и зарубежных организаций.

****

Спрашивает: «Ну, альпинист, как дела? Что будешь делать?»

Я отвечаю, через год буду делать восхождения. Он засмеялся и говорит Юлии Михайловне, чтоб готовила меня на завтра к операции.

На следующий день лежу в операционной уже с маской, Юлия Михайловна пытается снять повязки. Боль жуткая, кожу сдирают. И слышу голос Кузина: «Что вы его мучаете? Через минуту он отключится, и делайте с ним, что хоти те». Очнулся в палате, спрашиваю у Юлии Михайловны, как мои дела. Она с восторгом рассказывает о работе Кузина, о его руках, с каким мастерством, как точно он отделял микроны мёртвой ткани от живой. Просто фантастика. Кузин оперировал всех нас. Мне, как и планировали, сделали восемь операций. Работа тонкая. У нас снимали слой здоровой кожи без нарушения волосяного покрова и прикладывали на больную часть.

Оказывается, у меня самый идеальный вариант для пересадки кожи: кожа смуглая, прямой волос и ещё что-то. Башкиров рыжий, курчавый, ему планировали шесть операций, а сделали штук двенадцать. Делают ему пересадку, а у него ткань отторгается. Не идут пересадки у рыжих и курчавых. Что ему только не делали. Шрамов у него осталось больше, чем у меня.

Последней мне делали ногу. Самая большая и сложная операция. Я после неё такое выкидывал! Ребята рассказывали, нёс несусветную чушь, пытался вставать с кровати. Мне потом Юлии Михайловне в глаза стыдно было смотреть.

Для снятия боли мне разрешили колоть наркотики без ограничений. А каждый укол на счету, на фамилию записывается. Спрашиваю у Юлии Михайловны, нельзя ли мне коньяку? Она отвечает: «Делай, что хочешь». И дала распоряжение медсестре делать всё, что запрошу.

Несли цветы, бутылки, продукты, разные деликатесы. Потом Юлия Михайловна не выдержала, плюнула — пусть идут. В ожоговом центре усиленное питание, требуются белки. Так вот нам из ресторана «Берлин» три раза в день приносили в судках еду. Наша секция альпинизма нас кормила. На этих харчах мы прилично раздобрели. Сколько мы пролежали, грешным делом, не знаю.

Помню, осматривает меня Юлия Михайловна и просит поднять руку. Под мышкой у меня приращивали кожу. Поднимаю руку градусов на 25, а она говорит: «Ленишься, Владимир Дмитриевич». Я в голову это положил. Сказала мне она об этом накануне выходных. В понедельник приходит, спрашивает, как рука. Я как поднял ее, аж на 90 градусов. Когда она глянула мне под мышку, сразу потащила в операционную: у меня полетела вся пересадка. Порвалась ткань. Пришлось делать всё заново. Остатки

моей ткани (кожа) лежали в холодильнике, она их достала и заново приживила.

Реабилитационный период в первом физкультурном диспансере длился довольно долго. Зашёл в первый раз в спортивный зал, там занимается много больных. И прошёл шагом один круг. Инструктор посмотрел на меня и говорит: «Иди в палату, чтоб я тебя больше не видел». Неважно я, наверное, выглядел. Ломать себя приходилось ежедневно и обязательно без свидетелей, потому что приходилось и ругаться, и кричать.

В ожоговом центре, нам предложили оформить вторую группу инвалидности, без права работать. Но мы все единогласно отказались. И когда через год мы сообщили им, что сделали восхождение, они нам не сильно поверили.

В 79-м году мы были на Памире, совершили первопрохождение на первенство Союза — пик Абалакова, левое ребро. Правда, готовиться пришлось круто. До выезда на Центральный Памир сделали в Коксу очень интересную стену пика «Правды Востока» 5-й категории трудности. На этой стене я понял, что вновь могу работать, как и раньше, идти нормально, самостоятельно. С этим мы и уехали на пик Абалакова.

Коксу — переносной спортивный лагерь, куда давались коллективные путёвки для спортсменов со 2-м разрядом и выше, с опытом восхождений 5 категории трудности. Собирались перспективные спортсмены со всех регионов. Там я был начальником учебной части.

Путь в этот лагерь идёт от Алайской долины, Дараут-Кургана и 30 километров в сторону. Район автономный. Вершины под 5 тысяч. Район для нас нашли геологи. Путёвки на 30 дней. Оттуда многие выезжали делать восхождение на пик Ленина.

Алай

— Володя, кроме обычных альпинистских лагерей, у нас существовали специальные лагеря для разрядников, для высотников. Ты ими руководил. Я в таких лагерях не работал. В чём их специфика?

— В такие альплагеря выдавались коллективные путёвки. В них бывали элитные команды, участвовавшие в первенствах по альпинизму.

— На сколько человек давалась такая путевка?

— Обычно команде из шести человек. Но иногда какой-то город или спортобщество брали по 3—4 путевки. Получалась уже альпинистская экспедиция.

— Какие же это лагеря? Я был только в лагере для разрядников — «Безенги».

В этих лагерях росли мастера. Я, например, свою команду «Спартака» пропускал через них. А в последние годы существования альплагерей мы по коллективным путёвкам заявлялись на первенство Союза. Очень дешево получалось. Общая скидка за счёт профсоюзов 75 процентов, да местные организации подкидывали, получалось практически бесплатно.

— Как всё было доступно! А?!

— Что ты! 25—30 человек от одного коллектива выезжали в горы бесплатно. Сейчас такое уже трудно себе представить.

В 78-м году Александр Павлович Каспин предложил мне возглавить эти альпинистские базы высотников. Я дал согласие при условии, что «Спартака» не оставлю. Тогда ещё были спортивные общества, их ещё не развалили.

— База «Высотник» под пиком Ленина?

— Да. Но получилось так, что с этой базы мы выезжали в новые районы Памира, где ещё никто не ходил. Наводчиками на эти места стали геологи. У нас с ними многолетняя дружба. Они говорили: «Володя, там такая стоит роскошная вершина!» На Коксу, на Гуа-мыш. Давали нам фотографии. И мы вывозили ребят в новые места. Везти туда человек 50 сложно. Представляешь?

В 81-м году геологи мне хвалили район Алая. Просто восхищались этими горами. Среди геологов бывали и альпинисты, даже на пик Коммунизма ходили, участвовали в первенстве Союза. И вот в 82-м году мы сделали первовосхождение на безымянный пик, назвав его «Алай». К нему только подходов 5—6 дней.

— Давай сориентируемся, чтобы представить, где это находится. Будем танцевать от Дараута в Алайской долине.

— Уходили от него через два перевала.

— На север?

— Да. Нетронутый район. Стоит гора, как раскрытая книга, вроде СЭВа. Когда в 82-м году мы её заявили и начали работать, один подход к ней занял неделю. Причём дорога такая, что на подходе использовали перила, я уже не говорю о переправах. Там такое дикое место последний оплот басмачей в нём располагался. Пустое селение, поливные террасы. Бывшее феодальное хозяйство. Подошли под стену, начали работать и сделали её.

— Кто с тобой был?

— Володя Башкиров в команде. Он работал уже вовсю, хорошо шёл. Зыбин Саша, Клинецкий Женя. Он тоже покорял восьмитысячники в Гималаях. Большое получили удовольствие: новая гора, новый район. Встретили в Оше ленинградцев. Трощененко заявил, что они сделали такую гору, которой нет

равных в мире, что это маршрут третьего тысячелетия. Но их команду сняли за необъективный отчёт, за какую-то выдумку, кто их разберёт. Район Алая уже у меня из головы не выходил.

— Какие высоты?

— Пять с небольшим. Сама Ак-су под пять. Рядом вершина Искандер. Такая красота! Я понял, что надо туда капитально перебираться. Лагерь «Высотник» мы переименовали в «Алай». Всё-таки в Алайской долине всё это дело.

В то время заболел серьезно Александр Павлович Каспин, заболел на двадцать с чем-то лет. Злокачественная опухоль мозга. Двадцать лет был прикован к постели.

С 80-го года начальником Управления альпинизма профсоюзов стал Виктор Николаев. С хорошими и большими связями. Мастер спорта, но только по велосипеду. Взялся рьяно за дело. Мужик деловой. Он предложил мне стать его заместителем. Я колебался, полгода думал. Не хотелось идти в чиновники.

На этот момент уже умудрились развалить весь союзный спорт, аннулировали ДСО — спортивные общества «Спартак», «Труд», «Буревестник» — всё исчезло. Появилась одна контора — Спорт профсоюзов. Альпинизм да и весь наш спорт от этого сильно проиграли.

— Но «Спартак» и сейчас существует, Володя.

— На тот период никаких «Спартаков» не было. Ты же помнишь, когда началась эта дурацкая перестройка. Районные, городские, областные, республиканские советы спортобществ аннулировали. Только «Динамо» осталось, это не профсоюзное общество. Новая контора стала называться «Профспорт».

В «Алае» мне было интересно. Приезжала молодежь, многое могла и многое делала. Приезжали группы и разбивали свои лагеря, как отдельные экспедиции с полной автономией. Своя радиосвязь, своя кухня, свои планы. Собиралось 150— 180 человек.

Район всех потрясал своей нетронутой красотой Только 5-6 кошей и никаких кишлаков. Девственная природа. Последние населенные пункты через Исфару. Машина шла до Котрака, большого поселка, и чуть дальше до геологов, а потом такая тропа. что люди шли своим ходом. Идёшь мимо столетней арчи. Местные её не рубят, хватает сухостоя.

Я решил сохранить природу района нетронутой, беречь всю эту красоту. Приезжает группа, садимся, пьём чай, я им объясняю, что они обязаны охранять природу гор. Банки консервные сплющиваются. Уходит группа на восхождение — мы знаем, сколько у них консервных банок, приходит — проверяем. Начспас фиксировал. Сплющенные банки закапывали. Ну и с туалетом...

Можешь себе предстаешь, 180 человек — 180 стихийных «туалетов». За этим мы следили очень строго. Через неделю обходи все экспедиции и если видел какое-нибудь безобразие, просто закрывал выход для этих групп до тех пор, пока они не наведут порядок.

Эта система быстро облетела все альпинистские лагеря Союза. Все узнали, что в «Алае» не пьют не курят, не мусорят. Стали заводить такие порядки и в других альплагерях.

— Такие начальники бывали. У меня в «Ак-тру» хороший был парень Володя Яковлев, царство ему небесное. Шёл в Бийске с матерью под Новый год и его ни с того, ни с сего зарезали. В карты проиграли, как первого встречного. Но был в «Ала-Арче» и Вайсман. До этого он служил в концлагере, майор. Можешь себе представить.

— Не раз и не два вспоминал я потом местное население. У нас с ними сложились настолько тёплые отношения...

— Когда к нам приехали немцы, то сказали, что в «Алае» чище, чем в Германии. Представляешь, какой бальзам пролили на мою душу?

Значит, Сергей Аганесович предложил мне пойти к нему заместителем начальника Управления альпинизма. Конечно, когда «Спартака» уже не стало, мне было проще перейти на другую работу. Но оставить «Алай» очень жалко. Какие горы! Достаточно вспомнить только, что в одном Ак-су семь маршрутов 6-й категории.

«Шестёрки» высшего класса, все они призёры или выигрывали Союз. Аналогов у нас этому району просто нет. На пике Блок Серёжа Ефимов выиграл золото, потом на Ак-су заявку подавали, на Искандер тоже. С тех пор лучшие восхождения по Союзу шли в этом районе. Да и по сей день...

В 86-м году приехала группа американских альпинистов, профессионалов. Проводники,спортсмены высшего класса, Альпы знают, Гималаи... Говорят, хотят сходить по моему маршруту на Ак-су. По тому, что мы с Башкировым делали. Я им сказал, что маршрут не окрючен и надо положить дней 5—6. Абсолютные отвесы, гамаки... Они мне не сильно поверили. Вышел с ними под Ак-су. Подошли под стену, она на них просто легла. Впечатляет сильно. Тут они руки подняли: «Мы в этом году не готовы для такой стены». Их поведение мне понравилось. По-мужски.

Пошли по более простому пути, слева по гребню. Но тоже... 5б все-таки. В верхней части верёвок шесть с приличным лазанием. Я им сказал, что нужны минимум две ночёвки. Они опять не поверили. И вернулись, не пройдя башню. Поклялись приехать ещё раз, но не знаю приезжали или нет.

— Сколько лет ты там работал, Володя?

— С 82-го по 86-й, четыре года получается. Но и будучи в Управлении, я туда ездил. Отлично были подобраны тренеры, инструкторы. Кенсицкий, моя правая рука — выпускающий. Мы с ним много работали. Лаврик из Киева, Юра Козлов, Саша Кизиков работал. И все много ходили, ходили сколько хотели.

Помню, в 86-м году после пяти первовосхождений, из них два шестёрочных, я немного утомился. Подходит ко мне Володя Башкирию: «Владимир Дмитриевич, не пойдёте со мной на стену?» Я рассмеялся, говорю: «Володя, ты чего? Смотри, тут целая команда хороших ребят, молодых, борзых». «Вы знаете, они не хотят больше,устали, находились». И мы на следующий день с ним пошли на стену Искандера, 56. Планировали в день её пройти.

Лезу и думаю: «На кой черт?» Уже осень, начало сентября. Мы не дошли до верха, начало смеркаться, я говорю: «Володя, садись!» И мы сели с ним на холодную ночёвку. Холодную относительно, у нас были пуховки, ноги в рюкзаки. Но жарко не было. Смотрели на закат, потом на восход. Представляешь, что такое осень в таких горах?

— Чистота воздуха и вдали прозрачность с жемчужной дымкой.

— Всё звенит… Беспрерывно меняются цвета, игра света.

С горами расставаться сложно. Я боялся идти на бюрократическую должность, думал, завяну в альпинизме. Но у Тера хватка бульдожья, он меня прихватил. Я говорю: «Одно условие: я должен каждый год делать хотя бы по одному восхождению». «Старик, нет проблем. Как сказал, так и будет».

В 86-м году делал Блок. Вишу на стене, мне по радио передают телеграмму от Сергея Аганесовича: «Немедленно возвращайся в Москву. Производственная необходимость». Я со стены даю ответ: «Не могу вернуться в Москву немедленно производственной необходимости на месте». Еду, переживаю: раз немедленно, значит, горит что-то. А он говорит: «Знаешь, старик, тут совещание намечалось, нужно было твоё выступление».

Я говорил, что передал базу «Алай» Гинзбургу. Нижайше просил его сохранить чистоту и порядок на базе. Когда через год приехал — всё загажено. Всё. Никаких туалетов, ночёвки завалены банками и другим мусором. За один год оказалось возможно всё разрушить, перевернуть. Не могу забыть…

Стал я работать в 85-м году замом начальника Управления. Дело непростое. 20 альплагерей и несколько альпбаз. Сейчас, когда вижу их разрушенными, разграбленными, сердце кровью обливается. Тогда уже в мае всё Управление разъезжалось по

лагерям, чтобы принять их к началу сезона.

Приезжаю на Кавказ, скажем, в «Шхельду», за десять дней до начала сезона. Составляю список недостатков, до 50 и больше. Ну, там, душ не работает, туалет без крыши, в столовой вилок не хватает... Говорю начальнику лагеря: «Вот тебе 50 недоделок и 5 дней. Я уезжаю на другую базу. Что снимешь, хорошо, не сделаешь — запишем». Через пять дней возвращаюсь, остаётся только то, что требует капитальных вложений.

— Как всё-таки отлично у нас было поставлено дело альпинизма! За рубежом такого даже представить себе не могли. Когда зарубежные альпинисты у нас появлялись, то сначала ничего не могли понять. А потом начинали удивляться. Как это?! Почти бесплатно, на всём готовом и столько лагерей? 15-20 тысяч человек каждый год занимаются альпинизмом только в альплагерях. У них такого не могло быть. Как и у нас теперь, впрочем. Штат, столовая, питание, душ, постели, снаряжение, тренеры — всё даром.

— Конечно, многое зависело и от людей. Например, когда в «Ала-Арче» начальником был Вайсман, то старое снаряжение сжигалось. Ботинки, штормовки и даже ледорубы. Он считал, что, если их не уничтожить, то их поменяют на новые.

— Нет, Саша, мы всё ремонтировали. Работали мы с Сергеем Аганесовичем неплохо. Но тут у меня возникла возможность поехать в первый раз в Непал. В мае месяце. Без восхождений, просто трек. Он меня не отпускал: «Старик, нас не поймут. На носу сезон, а ты собираешься ехать в Гималаи». — «Но мы же договаривались. Я еду в отпуск». — «Ну что ж, придётся нам расставаться». А у меня как раз заявление в кармане: «Прошу уволить по собственному желанию». Он обалдел. Союзное Управление, номенклатура, так не уходят. Нужно мотивировать, нужен перевод. Пришлось его оформить.

— Куда же ты мог перевестись?

— Я взял липовый перевод в ТОО в Одессу. Друзья написали мне бумагу. Съездил я в Непал и после этого стал вольным казаком. Работал, конечно,ты знаешь. Отряд спасателей, МЧС и так далее.

Елена Сергеевна, Леночка

— В 1984 году к нам в «Спартак» пришло осенью пополнение новых специалистов, окончивших институт физкультуры. И появилась у нас такая девушка Леночка. Естественно, я заметил её, девочка с большими серыми глазами...

— Институт физкультуры?

— Ну да, ГЦОЛИФК. Так получилось, что у нас с ней на

работе общий телефон, она сидела в комнате напротив и подзывала меня к телефону, говорила мне, кто звонил в моё отсутствие. Иногда в обеденный перерыв вместе пили чай. И ничего такого, обычные деловые отношения.

А я завел такой порядок, каждый год отправлял в горы два-три человека из штатных работников городского совета «Спартака», чтобы они имели представление об альпинизме. Я их на полном серьезе готовил как обычных новичков, они сдавали физнормативы, бегали кроссы, все как положено. Елена в спортивном отделе работала и ещё одна девушка Рита — секретарь нашего председателя, в том году они должны были поехать в альплагерь. Стали готовиться, как обычно в мае на «Кроссе памяти восьми» принял у них нормативы предлагерной подготовки. Но в лагерь поехала одна Елена, она сдала физнормативы успешно, что понятно, я только потом узнал — она мастер спорта по фехтованию. Получила путёвку в альпинистский лагерь «Шхельда».

Опять-таки возвращаюсь к своей судьбе, как можно в неё не верить, если мы улетали на Кавказ вместе. Я с командой румын (мы были у них зимой, а теперь они приехали к нам) в альплагерь «Эльбрус». В аэропорту я встречаю Елену с рюкзаком. Спрашиваю: «Лена, куда вы?» — «Как куда? В горы, Владимир Дмитриевич».

Представляешь, битком набитый самолет, все места расписаны, место рядом со мной для Лены оказывается свободным! Там же все по билетам рассаживаются. Два часа мы с Еленой разговариваем, тары-бары. Не помню, о чём мы тогда говорили, но что-то во мне дрогнуло, в душе моей что-то произошло.

Прилетели в Минводы, нас встречает, как положено, автобус для иностранцев. Елена опять рядом со мной. Ехали с румынами весело, перекус и все такое. Проезжали «Шхельду», я вышел и сдал Лену с рук на руки инструктору Людмиле Батыгиной. Наказываю ей: «Люся, храни, как зеницу ока. Это наш спартаковский кадр». И, уходя в «Эльбрус», говорю: «Будет желание, Елена Сергеевна, заходи в гости». В то время я был уже замначальника Управления альпинизма так что апартаменты у меня и всеобщее внимание, жил прилично.

И вот так получилось, что вечером мы действительно встретились с ней на мосту через Шхельду. Долго ходили, смотрели на горы, разговаривали. И тут я почувствовал, что между нами что-то происходит. Hv, там рука в руку, всё как-то чуть ли не по-детски у нас получилось.

Никаких планов, никаких тёмных мыслей. Вот так мы с Еленой стали близкими людьми. Выполнила она нормы на значок

«Альпинист СССР 1 -й ступени», вернулась в Москву, мы радостно встретились и не могли уже расстаться. Встречи наши продолжались у меня дома, ходили мы с ней и в походы, куда мы только не ходили... Дальше — больше и пришло время что-то решать. Понимаешь, слишком далеко зашло. Конечно, у меня шёл внутренний протест. В возрасте такая гигантская разница. Она моложе моего сына. Кстати, мучался я, а не она. Лена ни на чём не настаивала. Не было речи ни о расписывании, ни о браке. Всё идёт и пусть так идёт. Но всему есть какой-то предел, понимаешь? Я не очень хорошо себя чувствовал, поскольку я старше, мне и решать. Надо было решать, как жить дальше, могу испортить ей всю жизнь при такой разнице в возрасте. Стал ей объяснять, что я уже старый, потом начал убеждать ее в том, что при всех своих травмах, я мол сильно больной. Могу на днях умереть. А ей всё до лампочки, все мои слова. Ни в чем её убедить не смог.

Тут позвонила её мать Мария Семеновна, будущая моя тёща. Женщина высшего класса — метростроевка, награждённая орденом Трудового Красного Знамени. Не пьёт, не курит. Разговор состоялся крутой. Очень крутой. Ну, сначала, сколько мне лет. Я ответил уклончиво: «Много». «Есть ли дети?» — «Есть. Сын и дочь». Ну а потом пошёл такой текст, его передать невозможно. Я её прекрасно понимал: молодая, красивая дочь, мастер спорта, с отличием окончила институт, золотой аттестат у неё. Я говорю: «Елена Сергеевна, ты давай-ка разбирайся с мамой. Мать у тебя одна». И уехал на Памир.

Прилетаю с Памира, Лена меня встречает в Домодедово. Спрашиваю: «Как дела?» — «Всё нормально». Приехали домой, чемоданчик её стоит, ключи от моей коммуналки у неё имелись. Спрашиваю опять: «Как мама?» — «Да вроде всё в порядке». И тут как раз она звонит, интересуется, как дела. Я ей отвечаю: «Мария Семёновна, вот такие пироги, надо встречаться». Мария Семёновна уже со мной нормально разговаривает, без всякого надрыва. «Да, — говорит, — надо». — «Как вы хотите, Мария Семеёновна, могу вас привезти к себе, могу к вам приехать». Шел я к ним как на эшафот.

После первого застолья у неё в доме мы с Марией Семёновной по сегодняшний день в таких прекрасных отношениях, что и нечего больше желать. Стопроцентные взаимные симпатии.

Живём у меня дома, никаких разговоров о ЗАГСе нет. Но я-то понимал, что Елене Сергеевне, как всякой женщине, это, наверное, нужно. Она молчит, никаких намеков. У меня печать о разводе с первой женой давно стоит, я уж десять лет как

холостой. Отношения у нас с Риммой нормальные. Римма, не знаю, говорил я тебе или нет, к нам с Леной относится спокойно, иногда в гости приходит. Дашку нашу любит, всегда возится с ней. Так что тут проблем нет.

В общем, я Елене Сергеевне говорю: «Лен, а не сходить ли нам с тобой в ЗАГС?» Она не сопротивлялась. Пошли мы. У нас через дорогу стоит роскошный ЗАГС, с фонтаном, садом и Мендельсоном. И всякие там новые прибабахи. Зашли мы в зал. У меня свидетелями Безлюдный Володя и Люся Батыгина. И чего-то мне не по душе эта казенная торжественность, хотя и надел по этому случаю костюм.

— Я тебя, Володя, никогда не видел в костюме с галстуком.

— А я никогда их и не носил. У Ленки фаты нет, а там все такие сильно разряженные. Чего-то мне не по себе, даже не знаю почему. Опять пошёл внутренний протест. Отыскал я служащую и спрашиваю, нельзя ли зарегистрировать брак попроще, без Мендельсонов? Она говорит, можно. Пошли мы и записались в книгу, заключили брак, сидя за столом. Перешли дорогу, пришли домой и тут уж хорошо посидели, выпили, закусили, всё нормально.

Тут же я ей сделал заявку: «Лена, если ты захочешь иметь ребенка, ты не вздумай дурака валять, это совершенно естественное желание». Говорю ей это, а в голове чёрте что. Мне уже за пятьдесят. Какие дети?!

Живем мы, все нормально, никаких детей нет. Думаю, нет и не надо. А под Новый 1993 год Елена Сергеевна мне 31 декабря так тихонечко говорит: «Ты знаешь, я понесла. Быть ребёночку у нас». Я ее обнял, поцеловал, радостно поздравил.

И вот 27 августа 1993 года родила мне жена Дашку. Об имени мы не договаривались, но я хотел просить Лену, чтобы дочь назвать Дарьей, в честь моей мамы. Она ушла из жизни недавно, но успела познакомиться с Леной. Мама у меня, наверное, как и все матери, святой человек. И вот Лена без всякого намёка назвала нашу дочку Дашей. Теперь у нас есть Дашка, с которой ты знаком.

Я всё время говорю о судьбе, пожалуй, это для меня самый большой подарок судьбы. Я не надеялся, и мечтать не мог. В мыслях у меня не было, и вдруг дочку получил. Это радость фантастическая, это не то слово. С утра до вечера готов с ней заниматься.

В этой ситуации меня больше всего смущала моя старшая дочь — Олеська. Сын Игорь всё-таки мужик, у нас с ним полное понимание. А Олеся. Они с Ленкой почти ровесницы. Потом она девчонка и у неё есть мама. Как она отреагирует? Теперь же она с

Леной дружит, водой не разольешь. Когда они собираются, мне там делать нечего.

Такое подвалило счастье.

Байконур

— В последние дни я звонил тебе и не мог застать. Потом узнал, что ты на Байконуре. Что ты там делал? Вроде бы не по твоей части.

— Для нашего брата, альпиниста, везде есть работа. Хотя я даже предположить не мог, что буду когда-нибудь сидеть на космодроме и наблюдать запуск ракеты. А тут звонит Аркадий Мартыновский и говорит, что завтра вылетаем на Байконур. Предварительные разговоры велись о работах там. И вот потребовалось определить объём этих работ по промышленному альпинизму, прежде чем их начать.

— Какие именно работы?

— Много всякого. Например, покраска гигантских ангаров не только снаружи, но и изнутри. Это без альпинистов не осуществить. Вывешивание, закрепление, страховка и так далее. С применением альпинистской техники эти работы можно провести быстрее и качественнее.

А Мартыновский ехал по своим делам, на запуск.

Под запуском стояли «Зенит» и «Союз». В готовности «Протон», но ты помнишь, он недавно взорвался, и казахи раздули из этого экологическую трагедию. На самом деле ничего подобного не было.

Видел запуск ракеты. О, Саша, с телевизионным зрелищем это ни в какое сравнение не идет. Когда стоишь в непосредственной близости и видишь всё в натуре, запуск производит грандиозное, незабываемое, просто не знаешь, как сказать, впечатление. В Штатах за то, чтобы увидеть запуск космической ракеты, платят тысячи долларов.

Впечатляют команды готовности, получасовая, десятиминутная...

— Они передаются по радио?

— Да, трансляция идёт, отсчёт. Всё это нагнетает напряжение, внутреннее состояние. Ты становишься причастен к процессу. Понимаешь? И когда даётся старт... О, это надо видеть! Запуск ночью. Море огня. И передаются команды, что сработало, что не сработало, как сработало. Комментируется весь процесс взлёта. Ты хоть не понимаешь всего, но переживаешь вместе со всеми за то, что происходит.

— Когда видишь запуск ракеты по телевидению, то удивляешься тому, что ракета поднимается медленно.

Убыстренная съёмка, что ли?

— Она действительно, Саша, не исчезает сразу. Движение её нормально видишь.

— Не так, как уходит пуля при выстреле?

— Нет, не так

— Тогда непонятно: стоит ракета и вдруг начинает медленно подниматься. И не падает на бок.

— Она действительно не прыгает, не взлетает, а мощно так идёт. И пошла, и пошла вверх очень сильно. Не физики мы с тобой, я говорю о том, что видел.

Территория космодрома гигантская. При нём свой аэродром со всем хозяйством. Рядом город Ленинск, который обслуживал всё его хозяйство, всю эту махину. Мы садились на посадочную полосу, куда садился «Буран». Это наша история. Сейчас он стоит, бедный, под открытым небом. Брошенный, никому не нужный. Такая тоска на него смотреть...

На месте там музей космонавтики. Держится на одном энтузиазме. Бережно собрано все от первого спутника и до наших дней. Шлемы, приборы, одежда... Гагаринские вещи. Когда мы уходили, женщина-экскурсовод попросила нас по заведенной традиции написать что-нибудь в книгу записей. С нами был Володя Безлюдный, я не сказал. Но почему-то ткнули пальцем в меня. Я написал три фразы. Помню, что поставил три точки. И прочитал вслух, что написал. Вес сказали: «У, здорово!» И подписались. Пришёл я в гостиницу, хотел записать эти три фразы и не мог вспомнить ни слова. Говорю Безлюдному: «Володя, что я там написал?» Не помнит. Такое на меня произвело впечатление виденное в тот день, что до сих не знаю, что я там написал. А домики Королева и Гагарина! Скромные деревянные домики, теперь даже дач таких не строят. Металлическая кровать с панцирной сеткой, как в альплагере, стоит совдеповский письменный стол, простейший, однотумбовый. Старые стулья. Говорят, Королеву предлагали сделать другой, хороший кабинет, но он категорически отказался. Такой гигант и спартанский быт. То же и у Гагарина. Из этого дома он вышел, отправляясь в полёт.

— У Аркадия Мартыновского там свое хозяйство и видно, что в нем есть хозяин. Гостиницы в порядке, кондиционеры работают, горячая вода, даже клумбы и цветочки. На Байконуре в домах поснимали окна, рамы разворовали, они разорены совсем. Там жили военные, теперь их нет. После этого печального зрелища, когда попадаешь в хозяйство Мартыновского, настроение заметно улучшается.

Но все затмевает зрелище запуска. Ничего подобного я в

жизни не видел.

— Аркадий Мартыновский большой человек в прямом и переносном смысле. Я понял это, когда он пригласил нас, альпинистов, к себе на фирму в город Королев.

— Аркадий помог отстоять станцию «Мир».

— А морская платформа, созданная для запуска спутников? Для стран всего мира. Плати и запускай свой спутник. И при всём при этом Аркадий остаётся верен нашему альпинистскому братству. Видел, что висит у него в кабинете?

— Ушба, Шхельда и фотография нашей компании с Юрой Визбором.

— Вот так...

Землетрясение в Армении

— Первое сообщение о трагедии в Армении было довольно расплывчатым, потом сообщили, что сила толчков достигала 7—8 баллов, большие разрушения. Информация нарастала, как снежный ком. Сначала десятки погибших, потом сотни, затем тысячи.

Рано утром я пришёл на работу в Управление альпинизма и составил телеграммы во все горно-спасательные пункты, во все КПС: «Немедленно группе в 7—8 человек с полной автономией, снаряжением, запасом продуктов на неделю прибыть на место землетрясения».

— На кавказские КСП?

— И азиатские. Всем.

И сам поехал с Кизиковым. Но во Внуково билет на самолёт купить было невозможно, никто не хотел даже разговаривать, никто нас не слушал. Там собралось столько родственников и близких, желающих улететь в Ереван, что удостоверения спасателей не производили никакого впечатления, даже моё удостоверение руководителя и координатора всех горно-спасательных служб Союза.

— В Армении не такие уж и высокие горы, почему именно альпинисты туда направились?

— Речь шла не об альпинистах, а о спасателях. У наших спасателей четкая организация, большой опыт проведения спасательных работ. На месте же мы увидели полнейший хаос. Поток желающих оказать помощь такой огромный, что люди не знали, где и как себя применить.

Из Внуково мы перебрались в Шереметьево, и там мне удалось убедить командира грузового корабля в том, что мы срочно нужны Армении. Нас спрятали в грузовом самолете между тюков и так мы долетели до Еревана. В его аэропорту я написал

на бумаге и повесил объявление, что альпинисты собираются в спорткомитете. Дал телефон — Кавуненко, Кизиков. И звонки не прекращались ни на минуту. Я пробыл в Ереване меньше суток, дал команду Кизикову направлять альпинистов в Спитак, в Степанокерт и Ленинакан. Место сбора — центральные стадионы. При той неразберихе, что там происходила, это нам здорово помогло. Сам поехал в Ленинакан. Там в штабе никакой организации, невозможно добиться толку. Как муравейник. Поток людей, крики.

— Но ведь штаб там был.

— Полный сумбур. Я пошел на стадион и увидел там Мумуджи из Самарканда, начальника КСП. Привет — привет, где люди? Люди на разборках. Представляешь? Не успели приехать, поставить палатки, пообедать, и сразу туда. Стали появляться альпинисты отовсюду, приехали одесситы. Кизиков в Ереване направляет их на стадионы.

— Это какой месяц?

— Начало декабря. На местах нужны пропуска на проезд, на выезд, на работу. Мы работаем в три смены и днем и ночью, нужны ночные пропуска. Наконец нашёлся толковый человек — Гай Амаякович (фамилию не помню), включил нас в общее дело, дал пропуска. Он отвечал за регион и каждый вечер докладывал наверх.

— Конкретная работа альпинистов? Что вы делали?

— С вечера мы получали объект. Скажем, обувная фабрика, она легла под фундамент, а там были люди. Сколько живых, сколько мёртвых никто знать не может. После общей вечёрки мы делали свою пятиминутку. В Ленинакане наших собралось уже 120 человек, я руководителям отрядов говорил, кто куда пойдёт, что нужно делать. Нас приглашали и как экспертов, чтобы определить безопасность строений.

Разборка обвалившихся домов и попытка найти живых, поиски мёртвых. Живых мы нашли немного, какие-нибудь десятки. Как всегда, мы опоздали на два дня. Задержка во Внуково и формализация как раз и поглотили эти два дня.

— С вами были медики?

— Ты же знаешь, Саша, все альпинисты-спасатели могут оказать первую медицинскую помощь.Ты же сам имеешь знак наш с Ушбой. Так что с этим проблем не было: нашли живого — сейчас же шины, фиксация, перевязки, носилки — всё как положено.

К этому времени появились иностранные спасатели с собаками. Мы с завистью смотрели на их экипировку, одеты они все в шикарную форму, у разных стран она различная. Тогда мы

впервые увидели гортекс.

— Что такое гортекс?

— Ткань непромокаемая, но дышащая. Кроме собак, у них ещё были тепловые приборы для поиска. Но нас уже узнавали по пуховкам с горно-спасательной эмблемой. Приглашали в дома, к кострам. Спрос на нас был велик, ребята пахали и днём и ночью, копали, доставали мёртвых. На пятый день я уехал в Спитак. Взяли продукты, вещи, одеяла, полную машину набили и по дороге проехали деревни, которые до нас спасатели не посещали. Деревни произвели на меня громадное впечатление. Прежде всего, я увидел, что люди там сильнее духом, чем городские.

— Там тоже были разрушения?

— Встречались деревни, которые полностью легли, под корень. Одни крыши и развалины. А люди держались вместе, без паники, без криков. Они действовали, что-то делали. Мы ехали ночью, но я видел, как они отдавали наши вещи тому, кому нужнее. Не себе брали, а другому отдавали.

Одна старушка сделала такой курень из прессованного сена. Представляешь, тюки прессованные метр на метр. Она сделала из них будку. Сидит там, перед ней горит, что-то варится.

В деревнях люди просто не знали, не понимали, что произошло. Кто думает, это война, кто... Версии фантастические, одна из них — умышленный взрыв под землей.

— Кавказцы очень легко поддаются всяким слухам.

— Просто бред! Нашлись даже свидетели того, как перед этим эвакуировали военных. Самые невероятные фантазии.

Приехали мы в Спитак. Живых там не густо. На ногах только приехавшие. На стадионе четыре группы альпинистов, наша организация оказалась весьма эффективной, никого искать не надо, никаких штабов.

Картина страшная. Альпинисты выкладывают для опознания мёртвых детей из школы, рядом её развалины. Книги, тетрадки, ручки и лежат в ряд ученики. Насмотрелись мы прилично...

Спасателей-альпинистов оказалось в Армении более семисот. Мне пришлось считать наших ребят при возвращении, при загрузке бортов военных самолетов.

— Конечно, все общественники.

— Все, кроме начальников КСП. А их единицы. Остальные инструктора альпинизма и разрядники. Все бросили свою работу и прилетели сюда, причём за свой счет.

Кто же мародёрствовал, не армяне же?

— Всё было. В начале оно было замешано на местных дрожжах. Поразительные вещи делают с человеком деньги и всякие ценности. На вечерних наших совещаниях решали, что

делать с мародёрами. Ужасны случаи, когда в разрушенной квартире начинаются поиски не жены и детей, а золота и драгоценностей. Их увозили даже в гробах. Представляешь? Одного поймали... Он пинцетом вырывал из ушей мёртвых женщин серьги. Руководство не могло дать команд расправляться с мародёрами на месте, сказали, решайте сами. Дали молчаливое согласие на самосуд.

— Тебе приходилось учить мародёров уму-разуму?

— Лично мне нет. У ребят бывало, но такое не афишировалось. По ночам стреляли. Кто в кого — не знаю.

— И когда вы уехали?

— К Новому году. Дали общую команду прекратить поисково-спасательные работы, начала работать техника на полный снос всех разрушенных домов. А их 80—90 процентов.

Вернулись в Москву, и началось... Партия и правительство решили наградить 80 альпинистов орденами и медалями за работу в Армении, А выбрать лучших из лучших поручили мне. Но это для меня такая головная боль! Все пахали не за страх, а за совесть, трудно кого-то выделить.

После армянских событий пошёл поток разных спасательных служб по всему Союзу. Мы поняли, что абсолютно бесправны, не защищены законом и встал вопрос о создании единой государственной спасательной службы.

— Извини, Володя, ты не договорил о наградах. Какие вы получили награды?

— От орденов «Дружбы народов» до медалей «За мужество» и «За отвагу».

— Тебе дали «Дружбу народов»?

— Да. Настал момент, когда мы получили в Белом доме две комнаты с телефоном. Удивительную работоспособность по созданию спасательной службы проявил Щербаков Саша. Мы легко заходили к Силаеву и к его замам. Несколько раз были даже у Ельцина.

— И как это называлось?

— Российский корпус спасателей. Создан за подписью Ельцина.

— МЧС еще не существовало?

— Когда появился Сергей Кужугетович Шойгу, никаким министерством и не пахло. Работали по-прежнему на общественных началах.

Посетили мы Германию. Наша команда спасателей на вертолёте Ми-8 летала в Германию для обмена опытом. Удивительный был перелёт. Нас встречали великолепно, принимали доброжелательно. Наше умение в спасработах не

осталось незамеченным немецкими друзьями. Были и журналисты, и радио, и телевидение. Были и забавные случаи. Мне пришлось выступать с ответной речью перед большой и представительной аудиторией в Баварии. Володя Кулага, блестящий знаток немецкого языка, слегка под баварским пивом, переводил мою фразу. И смотрю, аудитория как-то напряженно замерла. И вдруг понимаю, что Володя повторяет за мной речь, слово в слово, но на чисто русском языке. Взрыв хохота, но потом всё пошло, как положено.

Возвратившись в Москву, я узнал, что Щербаков умудрился поломать все отношения с Шойгу, за что получил от меня кличку «Самоед». Падение его грозило большими потерями и экологической катастрофой. Ситуация находилась под контролем у Силаева.

Вылетели в Уфу на самолёте Силаева. В Уфе нас встречают и размещают в хорошей гостинице. Накрыт стол, коньяк, вино. Спиртное предложил убрать до окончания работ. По городу ходят самые невероятные слухи. Утром нас увозят к злополучной трубе. И мы начинаем работу. Труба может рухнуть в любой момент. И тогда катастрофа неизбежна. Я отвечаю за безопасность на трубе. Решили взрывать этот надломившийся кусок. Взрывники-полковники блестяще рассчитывают, сколько и куда закрепить взрывчатки, а мы веревками её вытаскиваем и крепим в указанном месте. Общее руководство осуществляет Сергей Михайлович Кудинов. Сотни самосвалов сооружают вокруг трубы смягчающую подушку для многотонного оголовка. И вот, наконец, всё готово. Взрывники жёстко контролируют обстановку. Андрею Рожкову разрешают нажать кнопку взрыва. Мощный взрыв и оголовок точно ложится у основания трубы. Никаких разрушений, только незначительные повреждения изоляции на трубопроводе. Я уже предвкушаю праздничное расслабление, когда подходит ко мне директор комбината и говорит, что необходимо подняться на трубу и на диктофон наговорить о состоянии футировки.

Без всякого энтузиазма я и Андрей поднимаемся на трубу. Наверху лестница завязана какими-то невероятными узлами, всё шатается, никакой надёжности. Андрей рвётся в бой, но я, пользуясь правом старшего, ухожу первым. Я подошёл к краю трубы и увидел, что вся эта металлическая головоломка, по которой я лез, находится во взвешенном состоянии. Часть перекорёженной лестницы висит внутри трубы, а часть снаружи. Труба гудит и качается, амплитуда колебания довольно заметная. Смотрю внутрь трубы, а впечатление такое, будто я смотрю в космическую бесконечность. Сидя верхом на трубе, я начал

кольцевой обход. Страховка фактически отсутствовала. Неожиданно над трубой появляется вертолёт с фотокорреспондентом, висящим под брюхом вертолета. Мощные потоки воздуха от винта чуть не сбрасывают меня с трубы. Мой протест вертолётчики принимают за приветствие и несколько раз зависают над трубой. Наконец всё закончено, и мы с Андреем благополучно спускаемся вниз.

— Когда была организована Ассоциация спасательных формирований РФ?

***

В 1992 году организовали Комитет по чрезвычайным ситуациям, в нем Шойгу, Кудинов, Воробьев.

С 1993 года существует МЧС — Министерство по чрезвычайным ситуациям. Оно вышло из Комитета по чрезвычайным ситуациям. Министерство мощное, очень мощное и большое. В него вошла и вся Гражданская оборона. Только в поисково-спасательных отрядах при нём состоит 1800 штатных сотрудников.

— Какова твоя роль в работе МЧС?

— Я руковожу «Организацией спасательных отрядов Российской Федерации», структурой чисто общественной. Ни одна страна на Западе не позволяет себе держать такой штат спасателей, как получилось у нас. Мы с тобой видели и знаем это на примере Оберсдорфа. Там альпинистов, туристов и горнолыжников в горах в десять раз больше, чем у нас, а штатный человек один — начальник «бергвахт» района. Он и медик, и кинолог, и хранитель снаряжения, держатель ключей. Все остальные спасатели общественники. Мэр города — спасатель, причём не липовый, он альпинист, комиссар полиции — горноспасатель и все спортсмены. Раз в месяц они дежурят в «бергвахт» на радиостанции. Два раза в год у них сборы по подготовке, зимой и летом.

* * *

Кавуненко, Владимир Дмитриевич.

Как будут без нас одиноки вершины / Владимир Кавуненко. - М. : Рус. міръ, 2000. - 300, [1] с. : ил., портр.; 17 см.; ISBN 5-89577-033-9

Физическая культура и спорт -- Российская Федерация -- Альпинизм